

ISSN 2072-8557 (print)
ISSN 2310-6794 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Тема номера:

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ
БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ДЕТСТВА

2021 / № 2

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8557 (print)

2021 / № 2

ISSN 2310-6794 (online)

серия
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки); 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки); 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки); 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 12.00.01 – Theory and history of law and state; history of law and state doctrines (juridical sciences); 12.00.02 – Constitutional law, constitutional enforcement; municipal law (juridical sciences); 12.00.03 – Civil law, entrepreneurial law, family law; international law (juridical sciences); 12.00.08 – Criminal law and criminology; executive law (juridical sciences).

ISSN 2072-8557 (print)

2021 / № 2

ISSN 2310-6794 (online)

series
JURISPRUDENCE

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета».

Серия: Юриспруденция»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Певцова Е. А. — д-р юрид. наук, проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный работник образования, ректор МГОУ

Заместитель главного редактора:

Полянский П. Л. — д-р юрид. наук, доц., МГУ имени М. В. Ломоносова

Ответственный секретарь:

Денисов Н. Л. — канд. юрид. наук, доц., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Авакьян С. А. — д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, МГУ имени М. В. Ломоносова;

Антонян Ю. М. — д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник МВД, МГОУ;

Арзамасов Ю. Г. — д-р юрид. наук, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва);

Армбрюстер К. — доктор права, проф., Университет Эрлангена-Нюрнберга (Германия);

Гладких В. И. — д-р юрид. наук, проф., Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России (г. Москва);

Готов С. А. — д-р юрид. наук, проф., Международный юридический институт (г. Москва);

Гриненко А. В. — д-р юрид. наук, проф., МГИМО (У) МИД России;

Долинская В. В. — д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Дыбова А.-К.-Ш.-Ф. А. — PhD, проф., Папский католический университет (г. Рио-де-Жанейро, Бразилия);

Елисеева А. А. — канд. юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Жабский В. А. — д-р юрид. наук, доц., Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя;

Коновалова И. А. — канд. юрид. наук, доц., МГОУ;

Марченко М. Н. — д-р юрид. наук, проф., почётный президент Ассоциации юридических вузов России, заслуженный деятель науки РФ, МГУ имени М. В. Ломоносова;

Моравчикова М. — PhD, Трнавский университет (г. Трнава, Словакия);

Рассолов И. М. — д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);

Рахманова Е. Н. — д-р юрид. наук, доц., Российский государственный университет правосудия, Северо-западный филиал (г. Санкт-Петербург);

Ручкина Г. Ф. — д-р юрид. наук, проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик РАЕН, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва);

Савченко М. С. — д-р юрид. наук, проф., член Экспертно-консультативного совета при комитете Законодательного собрания Краснодарского края, Кубанский государственный аграрный университет (г. Краснодар);

Сапогов В. М. — канд. юрид. наук, доц., Псковский государственный университет;

Сафонов В. Е. — д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, академик РАЕН, Российский государственный университет правосудия (г. Москва);

Скуратов Ю. И. — д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, Российский государственный социальный университет (г. Москва);

Хатчинсон С. К. — PhD, проф., Университет Сорбонны (Франция), Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва);

Химмельрайх А. — PhD, проф., Университет Регенсбурга (Германия);

Черкасов К. В. — д-р юрид. наук, доц., Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

ISSN 2072-8557 (print)

ISSN 2310-6794 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» — печатное издание, в котором публикуются актуальные научные статьи российских и зарубежных учёных, обладающие высоким уровнем качества и новизны, раскрывающие новые подходы в науке к актуальным вопросам истории и теории государства и права, конституционному и муниципальному праву, гражданскому, предпринимательскому, семейному, международному частному праву, уголовному праву и криминологии, уголовно-исполнительному праву.

Журнал адресован преподавателям права, аспирантам, докторантам, работникам правоохранительных органов, судьям, юрисконсультам и всем интересующимся состоянием юридической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 – 73346.

Индекс серии «Юриспруденция» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40735.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2021. — № 2. — 122 с.

© МГОУ, 2021.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University.
Series : Jurisprudence»
Moscow Region State University**

— Issued 4 times a year —

Editorial board

Editor-in-chief:

E. A. Pevtsova – Dr. Sci. (Law), Professor, honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, rector of MRSU

Deputy editor-in-chief:

P. L. Polyanskiy – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University

Executive secretary of the series:

N. L. Denisov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Members of Editorial Board:

S. A. Avakyan – Dr. Sci. (Law), Professor, Lomonosov Moscow State University

Yu. M. Antonyan – Dr. Sci. (Law), Professor, MRSU;

Yu. G. Arzamasov – Dr. Sci. (Law), Professor, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow);

K. Armbruster – Doctor of Law, Professor, University of Erlangen-Nuremberg (Germany);

V. I. Gladikh – Dr. Sci. (Law), Professor, All-Russian Scientific-Research Institute of Ministry of the Interior of the Russian Federation (Moscow);

S. A. Glotov – Dr. Sci. (Law), Professor, International Law Institute under the Ministry of Justice of the Russian Federation;

A. V. Grinenko – Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow State Institute of International relations (Y) Ministry of the Interior of the Russian Federation;

V. V. Dolinskaya – Dr. Sci. (Law), Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

A.-Ch.-Ch.-F. A. Dybova – PhD, Professor, Pontifical Catholic University (Rio de Janeiro, Brazil);

A. A. Eliseyeva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

V. A. Zhabitskiy – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named by V. Y. Kikot;

I. A. Kononova – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, MRSU;

M. N. Marchenko – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University;

M. Moravchikova – PhD, Trnava University in Trnava (Slovak Republic);

I. M. Rassolov – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

E. N. Rakhmanova – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, The Russian State University of Justice (North-West Branch, St. Petersburg);

G. F. Ruchkina – Dr. Sci. (Law), Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow);

M. S. Savchenko – Dr. Sci. (Law), Professor, Kuban State Agrarian University (Krasnodar);

V. M. Sapogov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Pskov State University;

V. E. Safonov – Dr. Sci. (Law), Professor, Russian State University of Justice (Moscow);

Yu. I. Skuratov – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Russian State Social University (Moscow);

S. Ch. Hutchinson – PhD, Professor, University of the Sorbonne (France), Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow);

A. Himmelreich – PhD, Professor, Regensburg University (Germany);

K. V. Cherkasov – Dr. Sci. (Law), Associate Professor, All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Russian Ministry of Justice) (Moscow)

ISSN 2072-8557 (print)

ISSN 2310-6794 (online)

Peer-reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence" – is a print publication that publishes present-day scientific articles, performing high level of quality and novelty, written by Russian and foreign scientists. Articles reveal new approaches in science on topical issues of history and theory of state and law, constitutional and municipal law, civil, business, family, private international law, criminal law and criminology, penal law.

The journal's target audience is teachers, postgraduates, PhD students, law enforcement authorities officers, judges, legal advisers and anyone interested in the state of legal science.

The series «Jurisprudence» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0077 - 73343.

Index series «Jurisprudence» according to the union catalog «Press of Russia» 40735

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence. – 2021. – № 2. – 122 p.

© MRSU, 2021.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем тему номера. 6

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

- Васильев С. В.* «Злоупотребление правом» как проблема трансформации
правопонимания в России 7
- Зорилэ Д. В.* Особенности развития коммунального налогообложения в Германии
в XIX веке 18
- Умнова-Конюхова И. А., Алешков П. В.* К вопросу о публично-правовом
содержании принципа ответственности перед будущими поколениями 28

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- Бенкрид Д, Лезьер В.* Ограничения прав и трансформация ценностей молодёжи
во Франции в период пандемии: семья, образование, здоровье 39
- Какителашвили М. М.* Воздействие парламентских партий на правительства
в странах СНГ 51
- Певцова Н. С.* Право на физическое существование: концепции, регулирование
и интерпретация 66
- Талапина Э. В.* Социальные права в условиях цифровизации 76

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- Бегишев И. Р.* Уголовная ответственность за создание, распространение
или использование автономных вооружённых роботов 84
- Лапишин В. Ф., Корнеев С. А.* Сущность и целевое назначение принудительных мер
воспитательного воздействия 94
- Маликов С. В., Чучаев А. И.* Птицы как угроза для безопасности полётов. 104

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Балытников В. В., Глухов В. В., Гришковец А. А., Сергеев А. А., Чертков А. Н.,
Штукин В. В.* Сообщение о научных мероприятиях Центра исследований проблем
территориального управления и самоуправления Московского государственного
областного университета (зима 2020–2021 гг.) 116

CONTENTS

Introducing the Theme of the Issue	6
--	---

THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE, THE HISTORY OF DOCTRINES ON LAW AND STATE

<i>S. Vasiliev.</i> The "Abuse of Law" as a Problem of Legal Understanding Transformation in Russia	7
<i>D. Zorile.</i> Features of the Local Taxation Development in Germany During the 19 th Century	18
<i>I. Umnova-Koniukhova, P. Aleshkov.</i> On the Issue of Public-Legal Content of the Principle of Liability to Future Generations	28

CONSTITUTIONAL LAW, CONSTITUTIONAL COURT PROCEEDING, MUNICIPAL LAW

<i>J. Bencrid, V. Lezier.</i> Restrictions and Values Transformation of Youth in France During the Pandemic: Family, Education, Health	39
<i>M. Kakitelashvili.</i> The Impact of the Parliamentary Parties on the Governments in the CIS countries	51
<i>N. Pevtsova.</i> Right to Physical Existence: Concepts, Regulation and Interpretation	66
<i>E. Talapina.</i> Social Rights in a Digitalized World	76

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, CRIMINAL EXECUTIVE LAW

<i>I. Begishev.</i> Criminal Liability for Creating, Distributing, or Using Autonomous Armed Robots	84
<i>V. Lapshin, S. Korneev.</i> The Essence and Purpose of Compulsory Measures of Educational Influence	94
<i>S. Malikov, A. Chuchaev.</i> Birds as a Threat to Flight Safety	104

SCIENTIFIC LIFE

<i>V. Balytnikov, V. Glukhov, A. Grishkovets, A. Sergeev, A. Chertkov, V. Shtukin.</i> Report on the Scientific Activities of the Center for Territorial Government and Self-Government of Moscow Region State University (Winter 2020–2021)	116
--	-----

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ТЕМУ НОМЕРА

Актуальные аспекты защиты безопасности жизнедеятельности и детства

В числе правовых ценностей особое значение имеют безопасность жизнедеятельности и детство. В условиях глобализации и цифровизации потребность в их защите существенно возрастает. На протяжении длительного периода времени законодатель различных стран мира выделяет безопасность жизнедеятельности и детство как категории, нуждающиеся в мерах и гарантиях защиты со стороны права и государства. Вместе с тем следует признать, что в современную эпоху угрозы безопасности жизнедеятельности и детства не уменьшаются, а только увеличиваются. В этой связи вполне объяснимо существенное повышение роли правоохранительной и правозащитной деятельности. Особое значение имеет и вклад правоведов, отмечающих актуальные проблемы в сфере защиты безопасности жизнедеятельности и детства, а также предлагающих варианты совершенствования их правовых гарантий.

Оценивая развитие правового регулирования и правоприменительной практики, можно констатировать повышение значимости Конституции Российской Федерации в системе защиты безопасности жизнедеятельности и детства. Вместе с тем необходимо отметить, что существенно усовершенствованы меры правового и институционального обеспечения безопасности жизнедеятельности и детства, несмотря на то, что это система весьма сложная и многогранная.

Однако для устойчивого развития ещё предстоит определиться с целым рядом как научно-концептуальных, так и практических вопросов, связанных с совершенствованием механизма защиты безопасности жизнедеятельности и детства.

В рамках данного выпуска обсуждаются актуальные аспекты защиты безопасности жизнедеятельности и детства. В частности, известные учёные раскрывают вопросы ответственности перед будущими поколениями, социальной и правовой защиты безопасности жизнедеятельности и детства, обсуждают механизм взаимодействия органов публичной власти, прогнозируя и предлагая варианты совершенствования развития российского законодательства.

Проблемы безопасности жизнедеятельности и детства всегда волнуют учёных и практиков различных областей знаний, именно поэтому междисциплинарный подход представляет особую важность. Известные учёные России и Франции, доктора философии и права профессор Виктория Лезьер и профессор Джамел Бэнкрид представляют свой авторский научный взгляд на вопросы защиты безопасности жизнедеятельности и детства в контексте происходящих трансформаций ценностей. Читателям будут интересны новые подходы учёных в области теории права, конституционного и уголовного права.

*Певцова Елена Александровна,
доктор юридических наук, доктор педагогических наук, профессор,
ректор Московского государственного областного университета,
главный редактор научного журнала «Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Юриспруденция»*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 340.1

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-7-17

«ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ» КАК ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВООПОНИМАНИЯ В РОССИИ

Васильев С. В.

Псковский государственный университет

180000, г. Псков, пл. Ленина, д. 2, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Обоснование и укрепление представлений о «злоупотреблении правом» как явлении, нуждающемся в пристальном изучении и не только имеющем негативный смысл, но и выступающем эффективной конструкцией совершенствования правового пространства страны.

Процедура и методы. В статье проанализированы взгляды на «злоупотребление правом» как сложное и неоднозначное явление, способное отражать актуальные проблемы формирования правового пространства России. Отмечены особенности её идентификации при господствующем позитивистском правопонимании, и высказаны предположения о путях снижения возможностей манипулирования правом. Рассмотрена необходимость корректировки научных взглядов (правопонимания) на регуляторные свойства законной формы права. Дана оценка возможностей закона как самодостаточного регулятора в условиях стремительно растущего многообразия проявлений жизнедеятельности в обществе. При проведении исследования применены сравнительно-правовой метод, формально-логический, диалектический.

Результаты. В ходе работы были выявлены новые содержательные элементы (характеристики) категории «злоупотребления правом», что позволило уточнить его понятие. Указаны дополнительные возможности повышения уровня правовой обеспеченности развития социума при создании условий широкого использования иных, нежели закон, правовых регуляторов поведения. Выявлены позитивные аспекты использования конкурентных начал взаимодействия права и закона для повышения качества правовой регламентации отношений социума в процессе объективного ускорения их трансформации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию права, поскольку впервые обосновывают, что данное явление может иметь временный характер и теоретически отражает переходный период в развитии российского правопонимания в направлении качественного улучшения инструментальных свойств правового регулятора. Практическая значимость исследования состоит в перспективе успешного решения проблемы «злоупотребления правом» путём постепенного отказа от данной конструкции в правотворческом и правоприменительном процессах через расширение использования качеств и свойств потенциала права, способных принципиально не допустить (предупредить) недобросовестное манипулирование им.

Ключевые слова: право, закон, верховенство, высшая юридическая сила, многообразие социума, заинтересованность, выгода

"ABUSE OF LAW" AS A PROBLEM OF LEGAL UNDERSTANDING TRANSFORMATION IN RUSSIA

S. Vasiliev

Pskov State University

2, Lenin pl., Pskov, 180000, Russian Federation

Abstract

Aim. To substantiate and strengthen the concept of «abuse of law» as a phenomenon that needs close study and has not only a negative meaning, but has a potential to be an effective structure for improving the legal space of the country.

Methodology. The article analyzes the views on the «abuse of law» as a complex and ambiguous phenomenon that can reflect the current problems of the formation of the legal space in Russia. The features of its identification with the prevailing positivist legal understanding are noted and suggestions are made about ways to reduce the possibilities of manipulating the law. The necessity of correcting scientific views (legal understanding) on the regulatory properties of the legal form of law is considered. An assessment of the possibilities of the law as a self-sufficient regulator in the conditions of a rapidly growing variety of manifestations of life in society is given. During the research, a comparative legal method, formal logical, and dialectical one were used.

Results. In the course of work, new substantive elements (characteristics) of the category of «abuse of law» were identified, which made it possible to clarify its concept. Additional opportunities for increasing the level of legal security for the development of society are indicated while creating conditions for the widespread use of legal regulators of behavior other than the law. The positive aspects of using the competitive principles of interaction between law and law to improve the quality of legal regulation of social relations in the process of objectively accelerating their transformation are revealed.

Research implications. The results of the study contribute to the theory of law, since for the first time they convincingly prove that this phenomenon can be temporary in nature and theoretically reflects a transitional period in the development of Russian legal thinking in the direction of a qualitative improvement of the instrumental properties of the legal regulator. The practical significance of the study lies in the prospect of a successful solution to the problem of «abuse of law» by gradually abandoning this construction in law-making and law enforcement processes through the expansion of the use of the qualities and properties of the potential of law, capable of fundamentally not allowing (preventing) unfair manipulating them.

Keywords: law, legislation, supremacy, supreme legal force, diversity of society, interest, benefit

Введение

Необходимость интенсивной трансформации социальных и политических институтов, ощущаемая мировым сообществом в последние десятилетия, обострила имеющиеся проблемы и породила новые вызовы государству и праву как фундаментальным социальным явлениям.

На примере изучения так называемой проблемы «злоупотребления правом» аргументируется потребность корректировки методологических подходов к осмыслению ключевых правовых явлений действительности, которые затруднитель-

но объяснить посредством традиционных исследовательских конструкций позитивистской направленности, доминирующих в «официальном» правопонимании.

Данная проблема обсуждается в российской правовой науке. Э. Ю. Балаян и Д. В. Гацко отмечают различные подходы к определению правовой природы этого явления, указывая, что «в научных исследованиях по общей теории права нет единого подхода в понимании правовой сущности злоупотребления правом» [3, с. 62]. В первом приближении несколько странной выглядит версия, которой придержи-

вается А. Е. Наумов [13, с. 7–8], рассматривая данное явление как вид правомерной деятельности, а наиболее убедительной представляется позиция В. П. Грибанова [6, с. 38], признающего «злоупотребление правом» одним из видов правонарушений. По мнению этого ученого, «злоупотребление правом есть особый тип *гражданского правонарушения*» [7, с. 53]. Отметим, что с ним соглашались и другие, указывая, что «злоупотребление правом» представляет собой «самостоятельную, специфическую форму нарушения принципа осуществления гражданских прав в соответствии с их социальным назначением» [5, с. 56]. Вероятно, более общий характер, связанный с распространением «правонарушающего образа» данного явления и на иные сферы отношений, помимо гражданско-правовой, имеет точка зрения А. Р. Акчурина, согласно которой «злоупотребление правом» связывается с причинением вреда [1, с. 40–43].

На вредоносности злоупотребления субъективным правом акцентирует внимание А. А. Малиновский, отмечая, что оно «представляет собой такой способ осуществления субъективного права в противоречии с его назначением, посредством которого причиняется вред личности, обществу, государству» [12, с. 9].

Наиболее широкий подход к пониманию «злоупотребления правом» демонстрирует В. И. Крусс. Он пытается доказать, что такое явление не просто существует, а «получило самое широкое распространение во всех сферах правового регулирования как российской, так и иностранных конституционно-правовых систем, в глобальной практике международных отношений» и имеет угрожающий, «социально деструктивный и аномальный характер» [10, с. 7–8].

Признаки злоупотребления правом

Для идентификации признаков злоупотребления правом особое значение имеет факт наличия или отсутствия упоминания данного явления в законодательстве.

Например, использование данной смысловой конструкции обнаруживается в ч. 3 ст. 11 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», позволяющей оставлять обращение гражданина без ответа и информировать его о недопустимости злоупотребления правом [17, с. 54–59]. Л. З. Двалишвили отмечает, что в «п. 1 ст. 10 ГК РФ предусмотрен запрет на злоупотребление правом» [8, с. 36–40]. Правонарушение при «злоупотреблении правом» усматривается в том, что «права, предоставленные законом участникам правоотношения, используются лицом не по назначению» [8, с. 36–40].

По мнению А. А. Малиновского, «основным назначением субъективного права является формальная правозглашенность и государственная гарантированность возможности человека удовлетворить свою потребность (интерес), установленным в законе способом или способом, не противоречащим закону» [12, с. 10]. Учёный считает, что «возможность злоупотребления субъективным правом детерминирована свободой усмотрения управомоченного субъекта» [12, с. 10].

«Злоупотреблять субъективным правом» означает, вероятно, что при некоторых условиях право (как синоним свободы усмотрения?) открывает новые возможности для поведения, способного нанести вред интересам других. По нашему мнению, свободу усмотрения нельзя отождествлять с произвольностью действий, провоцирующих злоупотребления. Напротив, право, обеспечивая свободу усмотрения, не помогает действовать произвольно, поскольку *его назначение иное*: освободить пространство для *самостоятельного выбора* управомоченным лицом. Право *не отвечает за сам конкретный выбор*, что исключает злоупотребление им. Осознание самостоятельности выбора и всей полноты ответственности за него крайне дисциплинирует поведение субъекта права, обеспечивая выбор так, что лицо делает его *в силу своих реальных возможностей* адекватно обстоятельствам действительности. Здесь

никак не просматривается тенденция к «злоупотреблению». Напротив, действующий на основе свободного самостоятельного выбора управомоченный субъект будет стараться вести себя так в отношениях с другими, чтобы *благоприятно для себя* сформировать свою траекторию поведения, *немыслимую вне благоприятного отношения* окружающих.

Для развитого правовопонимания (так называемый правовой «модерн» [9, с. 59]), как нам представляется, нет ничего противоестественного (не наблюдается «злоупотребления правом») в том, что «права используются лицом ради извлечения лицом выгод из этих прав посредством их осуществления» [8, с. 36–40]. При распространённом в России понимании у носителей прав крайне сложно сформировать *их заинтересованность* в активном созидательском поведении. Права превращаются не столько в инструмент обеспечения особых интересов правообладателей, сколько в инструмент поддержания *определённого законом порядка*, который в реалиях стремительно меняющейся действительности может *не вполне соответствовать* этим «частным» интересам, отставать от них. Можно предположить, что такой порядок регулирования «тормозит» заинтересованность большинства участников отношений в их активном поведении и снижает вероятность развития социума творческими усилиями основной массы населения. *Заинтересованность и выгода* не смогут стать драйверами энергичного и сбалансированного развития социума.

Фактически «злоупотреблением правом» называют ситуацию, когда лицо использует свои субъективные права для извлечения собственных выгод и обеспечения своих особых интересов, игнорируя (обход закона) предназначение и достижение целей, ради которых закон предоставляет права участникам правоотношения. Вероятно, такое происходит, если поведение по достижению этих целей, предписанных законом, *входит в противоречие* с особыми интересами правообладателя (например, не обеспечивает их

достойно) и становится *не выгодным* для него. Это следствие естественного углубления многообразия жизнедеятельности социума, за которым объективно не успевает ни один закон.

Сегодня злоупотребление правом чаще рассматривается как *оговорка законодателя*. Это своеобразный «клапан», применяемый *в наиболее редких* жизненных ситуациях и призванный стимулировать стороны к обеспечению справедливого баланса интересов и проявлению минимальной заботы о прочих участниках оборота [8, с. 36–40].

Есть сомнения в правильности и полноте данной точки зрения. Например, В. И. Крусс даёт такое развёрнутое определение: «Злоупотребление правом – это конституционно недопустимое (неправомерное по сути) формально законное недобросовестное деяние (действие или бездействие) субъекта права, нарушающее права и свободы человека и гражданина и способное причинить вред частным или публичным конституционным интересам, а также другим конституционным ценностям» [12, с. 61]. Главным признаком всякого злоупотребления автор называет неконституционность [12, с. 27].

По нашему мнению, выявление «злоупотребления правом» через «неконституционность» перспективно тем, что направлено своим остриём против «формально законного» деяния, т. е. не исключает «погрешности» законодательной формы. Другие учёные, упоминавшиеся выше, ставят под сомнение, в основном, субъективные права, исправляя их «склонность к вольности» облачением в законный механизм их реализации. Но, к сожалению, В. И. Крусс оставляет за скобками ответ на вопрос о достаточности (развитости) правового потенциала самой Конституции, которая является хотя и основным, но всё же формально ограниченным законом. Его «сущностный смысл» определяется толкованием конституционных ценностей ответственными за это властными органами и может быть, в свою очередь, политически ангажированным и, вероятно,

«неправомерным по сути». Е. Л. Поцелуев, рецензируя учебное пособие В. И. Крусса, справедливо отмечает, что «позитивно оценивает действующую Конституцию нашей страны, но не испытывает по отношению к ней такого пиетета» [16].

О распространённости данного явления, установленной В. И. Круссом, также можно дискутировать. По нашему мнению, феномен «злоупотребления правом» проявляет себя как следствие *специфического видения* процесса правового регулирования в странах, где правовое пространство не вполне развито, а правопонимание, отягощённое солидаристско-позитивистскими догмами, страдает серьёзными изъянами. Всё это в комплексе вызывает естественное недоверие к правовому регулятору (широко распространён правовой нигилизм), провоцирующему допущение «злоупотребления» им. Поэтому проблема «злоупотребления правом» в значительной мере есть вопрос назревшей трансформации правопонимания, следствием чего станет исчезновение «злоупотребления правом» как реального факта.

Уместно вспомнить точку зрения Н. С. Малеина, который ещё в 1992 г. говорил: «Возможно одно из двух: если субъект действует в границах принадлежащего ему права – и тогда он не злоупотребляет своим правом, или он выходит за пределы, установленные законом, и, таким образом, нарушает закон, не злоупотребляет правом, а совершает элементарное правонарушение ... В обоих случаях для идеи и общей нормы о злоупотреблении нет места» [11, с. 21].

Можно оспорить отсутствие места для идеи «злоупотребления правом», поскольку её наличие очевидно и явно привлекает внимание, но выявленное В. И. Круссом чуть ли не тотальное «злоупотребление правом» ни что иное, как различного рода конкретные правонарушения, которые в соответствии с законом (в т. ч. и Основным) обязаны получать должную оценку. Если кто-то не выполняет своих полномочий должным образом, он не злоупотребляет правом, а, например, превы-

шает свои полномочия или халатно относится к их выполнению и т. д.

В разрез с точкой зрения В. И. Крусса, более важной, на наш взгляд, является проблема распространённости фактов возможной квалификации как неправомерной *фактически правомерной (правомерной по сути) или не противоречащей праву* деятельности, которая объективно (вынужденно) осуществляется вне закона (в обход него) из-за естественной ограниченности этой правовой формы. Действующие субъекты не могут в достаточной мере заинтересованно реализовать свою выгоду, способную обеспечить творческую траекторию поведения каждого управомоченного. Возникает своеобразный эффект «народного правотворчества» явочным, если можно так выразиться, порядком. Сами реалии действительности настойчиво требуют и иных форм регламентации, связанных с *широким саморегулированием*, позволяющим учитывать *выгоды многообразия* самими пользователями в противовес «наиболее общим схемам развития правоотношений», затрудняющим получение качественного результата. Весьма уместно при этом вспомнить мнение о демократии как управлении многообразием [22].

Со стороны закона перед нами «формально незаконные деяния», которые можно оценить не просто как соответствующие правонарушения, а именно как «злоупотребление правом», если доказать (быть уверенным), что эта незаконность поведения спровоцирована и поддержана «вредным» использованием, например, субъективных прав, т. е. фактически «предъявить обвинение» этим правам. Достаточно заметно это «обвинение» проявляется, по нашему мнению, в трудах А. А. Малиновского [12]. Фактически, это результат своеобразного *противостояния права и закона*, разрешить которое пытаются не в пользу первого, если при этом констатируют наличие «злоупотребления правом». А если закон всё же не совсем прав? Тогда это явление более точно следует называть «злоупотреблением зако-

ном». Если внимательно присмотреться, у В. И. Крусса речь идёт именно о таком «злоупотреблении» (*формально законное, но неправомерное по сути деяние*).

По нашему мнению, в контексте вышесказанного, проблема различения права и закона и их соотношения должна получить «второе дыхание», несмотря на её фундаментальную проработку В. С. Нерсесянцем. Он трактовал правовой закон как «адекватное выражение права в его официальной признанности, общеобязательности, определённости и конкретности, необходимых для действующего позитивного права» [14, с. 36].

Главная идея автора либертарной теории – сущностное различие права и закона [2, с. 8]. Отмечая недостатки, С. И. Архипов считает, и с ним можно согласиться, что В. С. Нерсесянц, «декларируя общие критерии правового закона, не углублялся в правовую сферу ... Нет перехода от философских воззрений к правовой системе, к организации правовой деятельности (правотворчества, судопроизводства и т. д.)» [2, с. 10–11].

По нашему мнению, это несколько идеалистическая версия права, которая очень содержательна, весьма оригинальна, глубока, но не обеспечивает должного инструментального уровня данной категории как *эффективного регулятора поведения*, весьма востребованного в нынешних условиях стремительно расширяющегося многообразия социума и обилия разнообразных интересов. Основной недостаток в том, что в такое «познанное по существу» право при использовании в практической плоскости представителям системы формирования «государственной воли» не слишком трудно вложить, например, политически «правильный» смысл, транслируя его всему остальному законодательству, которое тем самым будет «освящено, как правовое» (хотя в его основе может оказаться лишь требование той или иной целесообразности).

В контексте сказанного представляет интерес и работа Н. А. Шавеко, где автор весьма убедительно приходит к выводу, что «либертарно-юридическая теория пра-

ва не может считаться аргументированным ответом на стоящие перед теорией права вопросы» [19, с. 59].

По нашему мнению, право для снижения рисков «злоупотребления» им необходимо в первую очередь рассматривать не как «выявленную сущность», а как *некоторый процесс*, в котором в зависимости от конкретных обстоятельств окружающей действительности проявляются (или не проявляются, не доступны) разнообразные регуляторные качества права. При таком подходе становится возможным укрепить объективный характер данного явления цивилизации, повысить уровень доверия к нему, ограничив субъективизм усмотрения «властной регулирующей воли», и в перспективе фактически отказаться от конструкции «злоупотребления правом», сосредоточив внимание на «злоупотреблении законом».

Ограниченность законодательной формы права

Надо осознать (совершенствовав правовое понимание), что закон как *ограниченная правовая форма* не в полной мере способен осуществить «разумное» централизованное управление многообразными усложняющимися общественными отношениями, не всегда успевает учитывать их специфику. Для снижения «репутационных» потерь от этого ведётся серьёзная работа по содержательному совершенствованию законодательства, что должно в некоторой мере нейтрализовать недостатки этой ограниченности. Однако процесс развития в социуме значительно более стремительный, и форма закона *принципиально не в состоянии* монопольно урегулировать это многообразие «рвущихся наружу» проявлений различной созидательной заинтересованности отдельных субъектов так, чтобы обеспечить позитивный драйв общественного организма в целом.

Особая динамичность отношений (их многообразие) присуща цифровой сфере, и, как нам представляется, качественной законодательной поддержки «виртуаль-

ных» процессов в направлении их развития в России пока не обеспечено. Так и не удалось получить высокий уровень определения понятия «цифровые права», поскольку предложенное законодателем определение цифровых прав «по сути своей правом не является. Это тот же закон, не ориентированный на доминирование конкурентных начал, а включённый в режиме «ждите ответа...». Это в основном *обязанности самого правообладателя*, прописанные в законах, призванных в некотором будущем представить механизм реализации данного субъективного права» [4, с. 196].

В связи с этим представляет интерес мнение Т. Я. Хабриевой, которая отмечает, что «многие государства, как и Россия, в регулировании общественных отношений, связанных с цифровизацией, опираются, прежде всего, на законодательство. Учитывая, что отношения в данной сфере весьма динамичны, преобладание законодательных актов снижает эффективность правовой регламентации, сокращает возможность оперативно реагировать на изменения, происходящие в предмете регулирования. Для того чтобы адекватно отражать динамику развития современной правовой сферы, правовые регуляторы должны быть чрезвычайно гибкими» [18, с. 8]. Нельзя не прислушаться к Д. А. Пашенцеву, высказывающему мнение, что «в условиях цифровизации общественных отношений... возникает потребность в расширении арсенала используемых регуляторов... В перспективе это может привести к тому, что закон утратит прежнюю роль, что неминуемо скажется на масштабах и направлениях законотворческой деятельности... Такая тенденция является объективной...» [15, с. 11].

Неспособность регулятивных свойств закона оперативно учесть обстановку проявляет себя и в условиях, спровоцированных Covid-19. Коллизия основных прав и права на здоровье, объективно неизбежная при пандемии коронавируса, требует правительственных мер для защиты досту-

па людей к системе здравоохранения [20; 21]. Ситуация требует решений «быстрого реагирования», что, в свою очередь, становится серьёзной проблемой для принятия управленческих решений администрацией. Внешне это может напоминать злоупотребление ею правом и вызывать многочисленные нарекания со стороны блюстителей «верховенства закона» из-за провоцируемого такими решениями «столкновения» основных прав и свобод, в результате которого приходится жертвовать одними в пользу других.

По нашему мнению, вероятно ситуация, когда участники правоотношений всё чаще *вынуждены* использовать права, предоставленные им законом, не по назначению, т. е. не для достижения целей, ради которых их ими наделили (и которые не всегда адекватны реалиям *изменяющейся действительности*, вступая в противоречие с конкретными интересами граждан). Граждане, если можно так выразиться, явочным порядком «перепрофилируют» свои субъективные права, предоставленные им законом в правоотношениях на определённые цели, в инструменты извлечения *личных выгод* и наиболее полной реализации *своих индивидуальных интересов*, что, в общем-то, естественно. Вот такое получается «народное правотворчество», как *конкурент* закона! Невольно вспоминается упоминавшаяся выше позиция А. Е. Наумова [13], рассматривающего «злоупотребление правом» как вид правомерной деятельности. Можно диагностировать некоторый углубляющийся диссонанс между законной регламентацией правоотношений и тем *фактическим содержанием* поведения, которое требуется правообладателю для успешных и эффективных действий *в своих интересах*.

Озвучим некоторые предположения. Феномен «злоупотребления правом» может быть проявлением естественных и объективных процессов всё большей поляризации (потребности разграничения) права и закона в специфических российских условиях. Иными словами, насыщение окружающей действительности и

интенсификация жизнедеятельности неизбежно приводят к тому, что «массовые» правообладатели *вынуждены* использовать *все возможные средства* (в первую очередь, субъективные права) для обеспечения и защиты своих индивидуальных (особенных) интересов, поскольку ими ощущается, что законный правопорядок не всегда является их достаточной гарантией. Например, государству, декларирующему курс на повышение уровня благосостояния населения и оформляющему его законодательно, в реалиях действительности сложно этот процесс обеспечить из-за ограниченности сил и средств.

По мнению Л. З. Двалишвили, оговорка о злоупотреблении правом, «призванная стимулировать стороны к обеспечению справедливого баланса интересов и проявлению минимальной заботы о прочих участниках оборота» [8, с. 36–40], применяется по смыслу как некоторое исключение из общих правил, поскольку, в основном, *вне этих правил* участники правоотношений «не играют». Нам такая уверенность кажется не вполне оправданной.

Иногда исключения из правил из-за их обилия сами *вынужденно* превращаются в правила. В этом контексте интересно влияние на международный бизнес всё более широкого использования «исключений» из норм ВТО для оправдания торговых мер по защите национальной промышленности и населения. Не проявляется ли здесь объективная необходимость «подрыва правил глобальной торговли, на которые международный бизнес опирался на протяжении десятилетий» [15], для более полного и справедливого учёта конкретных обстоятельств?

Отказ от признания объективной ограниченности законодательной формы как принципа права может быть «злоупотреблением законом». Думается, что альтернативные формы регуляции уже есть и они всем известны – правовая доктрина, субъективное право и прочее. Вопрос не в том, чтобы «придумать» альтернативные по отношению к закону формы регуляции, а в том, чтобы сам закон на основе

указанного выше принципа *объективно изменялся* в направлении «освобождения» пространства для этих достаточно известных форм, которые составят здоровую конкуренцию ныне монопольно господствующей правовой форме и обеспечат её совершенствование как адекватного условиям развития социума регулятора. Тогда *совершенствование закона* пойдёт не только в направлении его так называемой конкретизации (призывы к которой стали уже общим местом), но и по пути выяснения границ применения законодательной формы, позволяющих широко использовать иные «оперативные» инструменты регламентации отношений, способные, помогая закону и не посягая на его «зону ответственности», справедливо урегулировать всё бесконечное многообразие жизненных ситуаций.

Заключение

Завершая работу, сделаем некоторые выводы.

«Злоупотребление правом» – это негативные явления действительности (факты), идентифицируемые (устанавливаемые) в рамках применения конструкций правопонимания, в основе которых доктринальные положения солидаристско-позитивистского типа, предполагающие монопольную доминанту законодательной формы права среди иных регуляторов поведения.

По нашему мнению, данное явление имеет *временный характер* и теоретически отражает переходный период в развитии российского правопонимания в направлении, ориентированном на качественное улучшение инструментальных свойств правового регулятора. Идея в том, что проблема «злоупотребления правом» *в практической плоскости будет решена* на основе постепенного отказа от данной конструкции через расширение использования качеств и свойств потенциала права, способных *принципиально не допустить* недобросовестного манипулирования им.

Сегодня же эта конструкция в условиях России объективно необходима для

обеспечения процесса упорядочения отношений, поскольку распространённые представления о праве (господствующее правопонимание) и инфраструктура правового пространства страны (реальная практика правотворчества и правоприменения) таковы, что пока не позволяют в должном объёме (в должной мере) использовать глубинный потенциал правового регулятора, допуская манипулирование им в недобросовестных целях.

На наш взгляд, «злоупотребление правом» в первую очередь – принципиальный вопрос отношения к праву и закону, позволяющий более конкретно и точно определить (акцентировать) сложные моменты их взаимодействия (соотношения) в специ-

фических российских условиях. Дискуссия вокруг «злоупотребления правом» позволит учёным совершенствовать российскую правовую доктрину.

«Злоупотребление правом» не может рассматриваться в современных условиях России лишь как своеобразный «клапан для выпуска пара» [8]. Но и масштабность этого явления, обнаруженная В. И. Круссом [10, с. 7–8], требует уточнения причин его происхождения, что в процессе развития представлений о данном явлении может быть более точно названо «злоупотребление законом».

Статья поступила в редакцию 24.03.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акчурин А. Р. К вопросу о злоупотреблении правами участниками избирательного процесса // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 5. С. 40–43.
2. Архипов С. И. Либертарная теория права В. С. Нерсисянца: достоинства и недостатки // Российский юридический журнал. 2015. № 5. С. 5–14.
3. Балаян Э. Ю., Гацко Д. В. Злоупотребление правом в избирательном процессе: теоретико-конституционный аспект // Российская юстиция. 2020. № 3. С. 61–64.
4. Васильев С. В. Проблемные аспекты правового обеспечения государственного регулирования хозяйственной деятельности в условиях формирования цифровой экономики // Актуальные вопросы развития экономики и управления: сборник. Псков: Псковский государственный университет, 2020. С. 194–199.
5. Гражданское право: в 2-х т. Т. 2. Пт. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: БЕК, 2000. 704 с.
6. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 410 с.
7. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Российское право, 1992. 204 с.
8. Двалишвили Л. З. К вопросу о признаках и видах злоупотребления правом: анализ российской и немецкой судебной практики // Мировой судья. 2018. № 12. С. 36–40.
9. Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 320 с.
10. Крусс В. И. Злоупотребление правом: учеб. пособие. М.: Норма, 2010. 176 с.
11. Малиновский А. А. Злоупотребление правом (основы концепции). М., 2000. 100 с.
12. Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: автореф. дис. ... д-р. юрид. наук. М., 2009. 53 с.
13. Наумов А. Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 21 с.
14. Нерсисянц В. С. Философия права. М.: Норма, 2018. 848 с.
15. Пашенцев Д. А. Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 5–13.
16. Поцелуев Е. Л. Рецензия на книгу: Крусс В. И. Злоупотребление правом: учеб. пособие // Правоведение. 2011. № 2. С. 240–243.
17. Степкин С. П. Проблемы злоупотребления правом при реализации права граждан на обращения // Российский юридический журнал. 2019. № 1. С. 54–59.
18. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.
19. Шавеко Н. А. Либертарно-юридическая концепция права: критический анализ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 2 (127). С. 59–67.
20. Dos Santos J. L., Messetti P. A., et al. Collision of Fundamental Human Rights and the Right to Health

Access During the Novel Coronavirus Pandemic [Электронный ресурс] // *Front Public Health*. 2021. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpubh.2020.570243/full> (дата обращения: 06.05.2021).

21. Curran L., Eckhardt J., Lee J. The trade policy response to Covid-19 and its implications for international business // *Critical perspectives on international business*. 2021. Vol. 17. № 2. P. 252–320.
22. O'Brien N. From «Judicial Mind» to «Democratic Soul»: Law and Politics on the Bureaucratic Frontline // *Political quarterly*. 2020. Vol. 92. № 1. P. 40–47.

REFERENCES

1. Akchurin A. R. [On the issue of rights abuse by the electoral process participants]. In: *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie* [State authorities and local self-government], 2015, no. 5, pp. 40–43.
2. Arkhipov S. I. [Libertarian theory of law by V. S. Nersesyants: advantages and disadvantages]. In: *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Legal Journal], 2015, no. 5, pp. 5–14.
3. Balayan E. Yu., Gatsko D. V. [Abuse of law in the electoral process: theoretical and constitutional aspect]. In: *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2020, no. 3, pp. 61–64.
4. Vasilev S. V. [Problematic aspects of the legal support of state regulation of economic activity in the context of the formation of the digital economy]. In: *Aktualnye voprosy razvitiya ekonomiki i upravleniya* [Topical issues of economic development and management]. Pskov, Pskov State University Publ., 2020, pp. 194–199.
5. Sukhanov E. A., ed. *Grazhdanskoe pravo. T. 2. Pt. 1* [Civil law. Vol. 2. Hw. 1]. Moscow, BEK Publ., 2000. 704 p.
6. Gribanov V. P. *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [Implementation and protection of civil rights]. Moscow, Statut Publ., 2000. 410 p.
7. Gribanov V. P. *Predely osushchestvleniya i zashchity grazhdanskikh prav* [Limits of the exercise and protection of civil rights]. Moscow, Rossiiskoe pravo Publ., 1992. 204 p.
8. Dvalishvili L. Z. [On the issue of signs and types of abuse of law: analysis of Russian and German judicial practice]. In: *Mirovoi sudya* [Justice of the Peace], 2018, no. 12, pp. 36–40.
9. Zorkin V. D. *Tsivilizatsiya prava i razvitie Rossii* [A civilization of law and development of Russia]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2015. 320 p.
10. Kruss V. I. *Zloupotreblenie pravom* [Abuse of law]. Moscow, Norma Publ., 2010. 176 p.
11. Malinovsky A. A. *Zloupotreblenie pravom (osnovy kontseptsii)* [Abuse of law (basic concept)]. Moscow, 2000. 100 p.
12. Malinovsky A. A. *Zloupotreblenie subektivnym pravom kak yuridicheskii fenomen: avtoref. dis. ... d-r yurid. nauk* [Abuse of subjective law as a legal phenomenon: abstract of PhD thesis in Juridical sciences]. Moscow, 2009. 53 p.
13. Naumov A. E. *Zloupotreblenie pravom: teoretiko-pravovoi aspekt: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Abuse of law: theoretical and legal aspect: abstract of PhD thesis in Juridical sciences]. Moscow, 2011. 21 p.
14. Nersesyants V. S. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, Norma Publ., 2018. 848 p.
15. Pashentsev D. A. [Russian Legislative Tradition Facing the Challenge of Digitalization]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 2, pp. 5–13.
16. Potseluev E. L. [Book review: Kruss V. I. Abuse of law]. In: *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2011, no. 2, pp. 240–243.
17. Stepkin S. P. [Problems of abuse of the right when exercising the right of citizens to appeal]. In: *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Legal Journal], 2019, no. 1, pp. 54–59.
18. Khabrieva T. Ya. [Law before the challenges of the digital reality]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, no. 9, pp. 5–16.
19. Shaveko N. A. [Libertarian legal concept of law: a critical analysis]. In: *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Bulletin of Saratov State Law Academy], 2019, no. 2 (127), pp. 59–67.
20. Dos Santos J. L., Messetti P. A., et al. Collision of Fundamental Human Rights and the Right to Health Access during the Novel Coronavirus Pandemic. In: *Front Public Health*, 2021. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpubh.2020.570243/full> (accessed: 05.06.2021).
21. Curran L., Eckhardt J., Lee J. The trade policy response to Covid-19 and its implications for international business. In: *Critical perspectives on international business*, 2021, vol. 17, no. 2, pp. 252–320.
22. O'Brien N. From «Judicial Mind» to «Democratic Soul»: Law and Politics on the Bureaucratic Frontline. In: *Political quarterly*, 2020, vol. 92, no. 1, pp. 40–47.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Васильев Сергей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин и теории права Псковского государственного университета;
e-mail: profi.60@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Vasiliev – Dr. Sci. (Law), Prof., Departmental Head, Department of State and Legal Disciplines and Theory of Law, Pskov State University;
e-mail: profi.60@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Васильев С. В. «Злоупотребление правом» как проблема трансформации правопонимания в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 2. С. 7–17.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-7-17

FOR CITATION

Vasiliev S. V. "Abuse of Law" as a Problem of Legal Understanding Transformation in Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 2, pp. 7–17.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-7-17

УДК 110.340

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-18-27

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КОММУНАЛЬНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В ГЕРМАНИИ В XIX ВЕКЕ

Зорилэ Д. В.*Российский химико-технологический университет имени Д. И. Менделеева
125047, г. Москва, Миусская ул., д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. На материале исследований отечественных и зарубежных авторов ставится цель проанализировать характерные черты формирования и трансформации системы коммунального налогообложения на территориях Германии в условиях изменений в хозяйственной жизни и преобразований социально-политической структуры общества, имевших место на протяжении XIX в.

Процедура и методы. Применены сравнительно-правовой метод в его синхронном и диахронном вариантах, исторический метод в сочетании с социологическим подходом.

Результаты. Исследованы основные факторы налоговых трансформаций XIX в.: военно-политические события начала века (наполеоновские войны), экономический рост последних десятилетий, приведший к глубоким демографическим сдвигам, рост городов и городского хозяйства, усложнение решаемых общинами задач и связанное с этим увеличение их финансовых потребностей. Особое внимание уделено развитию коммунального налогообложения Пруссии в силу её лидирующего положения среди других государственных образований Германии в экономической сфере и в вопросах государственного строительства, в частности в развитии отношений между прусским государством и общинным управлением. Выявлены основные тенденции и общие закономерности развития общинных финансов и формирования новых видов налогов и платежей в ходе решения задач устранения финансового дефицита при одновременном снижении обременения налогоплательщиков

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён обширный опыт организации коммунального финансового хозяйства на германских территориях, приобретший особое практическое значение для построения имперской финансовой системы в первые десятилетия XX в. Результаты исследования вписываются в классический курс истории зарубежного права и могут представлять интерес для специалистов по германской и европейской истории и праву, для студентов, аспирантов, преподавателей.

Ключевые слова: общинное налогообложение, подоходный налог, подушный налог, реальный налог, специальное обложение

FEATURES OF THE LOCAL TAXATION DEVELOPMENT IN GERMANY DURING THE 19TH CENTURY

D. Zorile*D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia
6, Miusskaya ul., Moscow, 125047, Russian Federation*

Abstract

Aim. Involving domestic and foreign investigations the aim is to analyze the transformation of communal taxation in Germany under the circumstances of crucial changes in the economic life and social-political structure of the society taking place over the 19th century.

Methodology. The comparative method in its synchronic and diachronic variations, historical methodology and sociologic approach are implemented.

Results. Main factors of tax transformations in the 19th century are studied: military-political events (wars of Napoleon), economic raise of the end of the century which led to the deep demographic changes, cities enlargement, sophistication of administrative tasks in communities and increase of their financial needs. Main attention is paid to the Prussian state due to its leading role in economics and state development. The tendencies and common peculiarities are discovered in the development of communal finances and formation of new types of taxation and payments aimed at elimination of finance deficit with simultaneous reduction of taxation burden.

Research implications. Large experience is summarized in organization of local finances in German territories that had practical significance in forming the finance system of German Empire in the first decades of the 20th century. The results of the study fit into the classical course of the history of foreign law and may be of interest to specialists in German and European history and law, for students, graduate students, and teachers.

Keywords: community taxation, income tax, individual taxation, real taxation, special taxation

Введение

В XIX и начале XX вв. в отдельных территориях были разработаны подходы к регулированию коммунальных податей как низшего звена финансово-налоговой системы, нашедшие отражение в имперском налоговом праве Германии, которое впервые в германской истории комплексно урегулировало налоговые отношения между империей и субъектами (землями) и общинами.

Рассмотрим основные особенности обширного законотворческого и правоприменительного опыта государственных образований, послужившего отправной точкой и базой формирования имперской налоговой системы Германии в рекордно короткие сроки – в первые годы Веймарской республики.

Развитие налогообложения Германии в XIX в.

На основе налогового права регионов было разработано специальное имперское законодательство:

- Закон о налогах земель (Landessteuergesetz 30.03.1920¹);
- Закон о финансовом выравнивании (Finanzausgleichsgesetz 23.06.1923²);
- Закон о финансовом выравнивании (Finanzausgleichsgesetz 27.03.1926³).

К началу XIX в. в германском налогообложении общинного уровня наблюдалась пёстрая картина: отсутствовала единообразная финансовая система данного уровня, в т. ч., в Пруссии. Налогообложение происходило по стихийно сложившейся традиции частично в рамках налогов на отдельные доходы (Ertrags), частично – на имущество в русле реальных налогов, налогов на торговлю (Real-Giebel-Handlungsschosse). Основные налоги дополнялись персональными налогами по типу подушных податей (kopfsteuerartige Personalsteuern) и некоторыми налогами на потребление: на пиво, вино, муку, соль и концессионные платежи (Konzessionsgelder) [7]. Несмотря на такое разнообразие, прослеживались и общие тенденции, одна из которых была связана с французским влиянием, распространившимся в результате наполеоновских войн начала XIX в. и сохранившимся до 20–30-х гг. XIX в. в прирейнских областях, в Пруссии, в Баварии. Утрата независимости государствами южной и западной Германии в результате наполеоновских войн привела либо к частичному, либо к полному преобразованию в них коммунального и городского устройства по французскому образцу: избираемые муниципальные советы, периодическое обновление состава по частям, независимые от совета мэры и др. В наибольшей степени такие преобразования затронули Баварию (с 1808 г.), Вестфалию, Рейнскую область.

¹ RGBl. 1920. S. 402.

² RGBl. 1. 1923. S. 483

³ RGBl. 1. N 24. 1926. S. 203.

Ещё одним проявлением воздействия французской административной системы было частичное стирание различий между городским и земским устройством местного управления, а также резкий рост административной централизации. Влияние заключалось в восприятии (в адаптированном к местным реалиям виде) французской системы налогов, которая состояла в налоге на недвижимость, лично-квартирном налоге с окон и дверей и патентном налоге. Французское влияние выражалось также в замене самостоятельных прямых налогов в общинах надбавками к государственным прямым налогам при соблюдении принципа всеобщности и пропорциональности налогообложения. В результате в Германии (в Баварии с 1808 г., в Бадене с 1815 г.) сложилась трёхчленная система государственного реального обложения (земельный, подомовый, промысловый), на которую устанавливались местные (коммунальные) надбавки [3, с. 249–250].

Важным этапом в истории германского самоуправления стали реформы прусского правительства Штайна-Гарденберга. По своим общеполитическим и правовым началам преобразования Штайна диктовались доктриной и принципами «просвещенного абсолютизма».

Идейный вдохновитель реформы – Л. фон Штайн, основоположник теории социальной монархии, впоследствии переросшей в теорию социального государства [2, с. 70]. Две основные идеи доктрины Штайна: участие народа в делах государства и помощь социально незащищённым слоям населения. Принятое в ходе реформы Штайна Положение всех городов Прусской монархии 1808 г. (*Ordnung für sämtliche Städte der Preussischen Monarchie* 1808.11.19.) устранило деление городов на имперские, земские, прочие, введя деление на большие, средние, малые по числу жителей. Такая тенденция наблюдалась к началу XIX в. повсеместно: почти все города Германии потеряли свою правовую самостоятельность по отношению к королевской власти своих государств и полностью подчинили своё управление общегосудар-

ственному. В соответствии с Положением всех городов 1808 г. основными органами власти являлись:

- магистрат, состоявший из советников, избираемых гражданами, частично на жаловании, частично на общественных началах;
- обер-бургомистр, назначаемый из трёх предложенных кандидатур;
- городское собрание – представительный избираемый орган (от 24 до 100 депутатов).

Реформа имела целью оживление духа общности и гражданственности, повышение ответственности населения за собственные судьбы, как «хартия вольностей немецкой коммунальной политики» [6, р. 54].

Известный немецкий мыслитель Ф. Меринг, считавший преобразование представительных органов и избирательного права наиболее важными положениями реформы, указывал также на текстуальное сходство некоторых норм Положения 1808 г. с французским законодательством периода революции [5, р. 425]. Реформа означала также повышение издержек для городского хозяйства, т. к. предусматривала взятие на себя коммунальных расходов. Многие города Восточной Пруссии отказывались от вольностей, и либерализация была отложена [6, р. 70–72].

Принцип всеобщности коммунального обложения, также привнесённый из Франции, приживался в Германии на протяжении XIX в. довольно медленно. В дореформенное время некоторые группы населения, проживавшие в германских общинах (крупные землевладельцы, владельцы денежных капиталов, чиновники, духовенство, учителя), не являлись членами общин. Они не пользовались общинными правами (участие в выборах, занятие должностей в общинных органах управления, несение повинностей в пользу общины); население делилось на полноправных и неполноправных жителей (*Ausmärker*) [3, с. 356–357]. В соответствии с Положением городов Пруссии 1808 г. произошла отмена подобных изъятий: §73 Положения 1808 г. установил, что гражданами общины отныне считались все лица, име-

ющие в городе дома, постоянное занятие, промысел, с наделением всех правом участвовать в избрании городского управления. Впоследствии Закон 21.06.1825 распространил обязанность косвенных повинностей на помещиков-дворян. Привилегии (феодалных владельцев, церквей) были отменены также в Гессене в 1806 г., в Бадене в 1816 г. (вступили в силу в 1848 г.). В Вюртемберге Закон 1818 г. распространил государственное обложение на дворянские поместья, но вывел их из-под коммунального обложения; изъятие действовало до 1849 г. В Баварии, например, различия в привилегиях сохранились вплоть до 60–70 гг. XIX в. [3, с. 277–278].

Изменения, предусмотренные принятым в ходе реформы 17.03.1831 г. Пересмотренным городским положением Пруссии, отразили поворот в сторону реакции – повышение имущественного ценза для активного и особенно пассивного избирательного права (в 6 раз). Реформа предусматривала также ограничения по составу собраний городских депутатов: ½ мест в Городском собрании предоставлялась домовладельцам города; обер-бургомистр назначался по усмотрению короля. Реформа усилила государственные начала в общинном управлении: §139 Пересмотренного городского положения установил, что при нарушении городом своих обязанностей король мог лишить город своего положения, прав самоуправления¹.

Очередная реформа Положения городов от 6.06.1850 ввела классную систему избирательного права: население делилось на 3 класса граждан с правом голоса в соответствии с уровнем уплачиваемых налогов, каждый класс формировал свою курию выборщиков. Отнесение к налоговому классу определяла комиссия по формальным признакам – имуществу, доходам, роду занятий. Согласно реформе в городскую общину включались все самостоятельные дееспособные граждане городского округа мужского пола с 24 лет,

подпадающие под имущественный ценз: домовладельцы, постоянное ремесло, определённый доход, с которого уплачивался налог. Минимальный налог избирателя составлял не менее 4 имперских талеров в год [6, р. 79].

Реформа Положения городов 30.05.1853 состояла в сословно-административных мерах: городское собрание, по-прежнему избиравшееся по классной системе, утверждало самостоятельные расходы, выработывало предложения по управлению городским имуществом, об установлении сборов – сборы на срок до 2-х лет подлежали утверждению правительственной администрацией, более 2-х лет – королём. Основным органом городского управления по-прежнему являлся магистрат во главе с бургомистром, на 12 лет утверждаемым королём. Должностные лица состояли на жаловании. Большая часть финансово-хозяйственных решений магистрата утверждалась правительственной администрацией. Городские налоги и сборы могли носить добавочный характер к государственным. Решения собрания могли игнорироваться магистратом в случае противоречия «общему благу»².

К концу XIX в. в прусском государстве насчитывалось примерно 4 000 общин, в каждой из которых устанавливалась своя система общинного налогообложения. За счёт относительно краткого нормативного регулирования в форме положений о городских и сельских общинах (Städte-Landegemeindeverordnungen), а также за счёт единообразной правоприменительной практики, деятельности надзорных органов в общинах удалось избежать чрезмерных различий в уровне и видах налогообложения. В Пруссии получили распространение местные надбавки к прямым государственным налогам, что отражало сохранившееся влияние Франции. Городские налоги и сборы носили добавочный характер к государственным налогам.

Аналогичная практика имела место в Саксонии, Тюрингии. В Пруссии и

¹ Реформы в Пруссии начала 19 века // Большая библиотека: [сайт]. URL: http://www.e-ng.ru/pravo/reformy_v_prussii_nachala_19_veka.html (дата обращения: 24.03.2021).

² Там же.

Саксонии, в отличие от южных стран, были широко распространены прямые налоги, причём не реальные, а личные (классный, подоходный). Здесь раньше, чем на юге, было введено личное подоходное обложение на началах прогрессии, к которому на общинном уровне также налагались надбавки [3, с. 255]. В Саксонии, где с 1800 г. насчитывалось около 3 200 общин, отсутствовало внешнее влияние, имела место широкая автономия, в результате чего – большее разнообразие общинного обложения. Здесь вплоть до 1901 г. сохранялись самостоятельные общинные подоходные налоги. Только в 1904 г. в Саксонии по образцу Пруссии был разработан законопроект о запрете самостоятельных подоходных налогов в общинах, допускались только надбавки к государственному подоходному налогу [3, с. 269–271].

В XIX в. в германском налогообложении нашла отражение идея социальной ориентированности политики. Так, во второй половине XIX в. в Германии вводится необлагаемый налогом минимум дохода, в частности, в Вюртемберге по законам 1852 и 1853 гг. – при доходе менее 350 марок. Второй мерой социальной направленности являлось прогрессивное и регрессивное обложение (до 850 марок – 1/10; от 850 до 1 700 марок – 2/10), при этом при доходе свыше определённого уровня ставка налога снижалась. Бавария также ввела прогрессивное обложение. В Пруссии принимались аналогичные решения для 6 восточных провинций.

Положение городов 30.05.1853 впервые предусматривало право городов без государственной санкции освобождать от классного налога низшие разряды налогоплательщиков. В 1871 г. появляются прожиточный минимум (50–100 талеров) и прогрессия (до 3%). В 20 городах Саксонии на юридические лица в качестве необлагаемого налогом минимума устанавливался определённый процент от капитала, независимо от размера их доходов. В Эрфурте с 20-х гг. введено подоходное обложение в пользу кассы общественного призре-

ния, а с 1873 г. коммунальный подоходный налог был заменён там надбавками к государственному подоходному налогу [3, с. 255–270].

На уровне общинных налоговых систем сохранялся разноречивый в привлечении различных источников налоговых поступлений. На севере преобладали личные и имущественные налоги (Personal-und Realsteuern), на юге – косвенные и прямые налоги. Коммунальное финансовое хозяйство в государствах на юге Германии было в большей зависимости от государственного налогообложения, чем в Пруссии, Саксонии, других северогерманских и центрально-германских государствах. В общинном налогообложении южногерманских государств наряду с надбавками к прямым налогам взимались также налоги на потребление. Общины были зависимы от местных надбавок к прямым налогам, от налогов на потребление, которые имели большое значение как в государственном обложении, так и в общинном.

Общими для севера и юга были недостатки финансовых систем:

- 1) недофинансирование новых и растущих потребностей общин;
- 2) сохранявшаяся чрезмерная налоговая нагрузка малоимущих слоев населения.

Причины необходимости реформы налогообложения в конце XIX в. крылись в особенностях развития Германии в предыдущие десятилетия. Отечественный исследователь П. Гензель, изучавший развитие налогообложения европейских стран, писал: «Конец 60-х и начало 70-х годов знаменуется для Германии сильным подъёмом хозяйственной, интеллектуальной и политической деятельности, когда место мирных сёл заполняют крупные города с лихорадочной промышленной жизнью и с быстро растущим числом жителей, сельское население бежит в крупные центры, и села не могли удержать своих уроженцев. Это повело к весьма заметному обременению местного бюджета и резко отразилось на возрастании подоходного бремени» [1, с. 72–73].

В результате массовой миграции сельского населения в города численность сельских жителей сократилась в абсолютном исчислении, несмотря на демографический взрыв по всей Германии. Потребность развития городского строительства в условиях острого дефицита жилья ощущалась не только в среде малоимущего населения, но и в средних и зажиточных слоях населения. На этом фоне в городских коммунах развилась спекуляция земельными участками, годными для строительства жилья. Назрела необходимость введения спецобложения (по сути – целевых сборов) [1, с. 72–73].

Наблюдавшиеся в 60–70-е гг. XIX в. подъём хозяйства, интеллектуализация политической деятельности, массовое переселение сельского населения в города помимо квартирной нужды приводили к усложнению коммунального хозяйства и управления им. Ещё одна особенность заключалась в том, что в прусском общинном самоуправлении представители недвижимого капитала имели решительный перевес над прочими категориями избирателей. «Если главнейшей целью реформы было намерение привлечь представителей недвижимого капитала к несению податной тягости соответственно получаемым ими выгодам и ослабить значение подоходного обложения, то осуществление этой цели удалось лишь при необычайных затруднениях: ... этому с крайним упорством противодействовал класс домовладельцев» [1, с. 108, 133].

По стране нарастало движение масс за реформирование коммунального хозяйства. Повсеместно устраивались акции с целью привлечения внимания к острой нехватке жилья: 24 сентября 1871 г. в Берлине по инициативе Рабочей партии состоялся многочисленный митинг (около 5 000–6 000 человек), об этом же говорилось на XIII конгрессе германских промышленных товариществ, состоявшемся в Бреславле в августе 1872 г.. Выступивший на нём известный экономист А. Вагнер, предложил рациональное обложение городской земельной собственности как

средство борьбы с городской квартирной нуждой. Предлагалось:

- 1) возложить на собственников домов и земель расходы на сооружение улиц, водопровода, уличного освещения, уделив особое внимание развитию путей сообщения;
- 2) ввести подомовый налог с валового дохода, от повышения доходности, т.е. с уплачиваемой нанимателем квартплаты;
- 3) обложить повышенным налогом собственников пустырей в городах и ввести систему налогов на обращение при продаже пустырей и строений, причём повышенный налог на ту часть прибыли, которая прирастала к покупной цене в силу конъюнктуры (спекуляции земельными участками);
- 4) развитие права экспроприации для подавления квартирной нужды.

Но высказывались опасения, что эти меры приведут к повышению цен на квартиры [1, с. 72, 77–78]. На собраниях и митингах высказывались предложения возложить на собственников прилегающих участков расходы на постройку новых улиц, предоставить право экспроприации и импроприации городских участков, а также дать общинам полномочия требовать от собственников прилегающих участков возмещения расходов на сооружение новых улиц. В качестве формы обложения предлагались «нормальные взносы» (Normalbeiträge) за каждый метр длины фронта участка.

В результате движений за реформы в Пруссии был принят Закон 02.07.1875 о расширении городов и о застройке городских местностей (Baufluchtliniengesetz) – в целях согласования интересов общин и собственников земельных участков; Прусский закон регламентировал сооружение новых улиц, их благоустройство и застройку Аналогичными стали Вюртембергский строительный устав 06.10.1872 г. и Баденский закон 20.02.1868 [1, с. 79, 83–84].

В результате во многих государствах Германии (Пруссии, Бадене, Гессене, Вюртемберге) на общинном уровне вводилось спецобложение. Тенденция развития этого ресурса доходов получила наибольшее распространение при реализации крупных проектов, сооружении новых улиц, объектов городской инфраструктуры. Система местных налогов на тот момент состояла в основном из следующих позиций:

- 1) частноправовые источники коммунальных доходов (за водопровод, газовое, электрическое освещение);
- 2) пошлины, спецсборы и налоги на роскошь, налоги на обращение.

Недостатки повсеместно сохранявшегося реального обложения (имущества) состояли в невозможности вычета долгов или учёта «фундированности» этого источника, т. е. в невозможности выделить трудовой доход (Arbeitsertrag). Параллельно нарастала задолженность недвижимой собственности и капитала, что породило движение против реальных налогов. В связи с агитацией против реального обложения происходил постепенный переход к государственному подоходному обложению, в то время как система реальных налогов утрачивала значение, в результате чего реальные налоги постепенно и повсеместно переходили на общинный уровень (Саксония, Брауншвейг, Гессен, Баден). Отказ от спецобложения означал бы в таких условиях отказ от совершенствования благоустройства [1, с. 95].

Следующим этапом реформ общинного налогообложения стала реформа коммунального налогообложения, проведённая министром финансов Пруссии Й. Микелем в 1893 г. Реформу удалось провести благодаря существенному увеличению налоговых поступлений от введённого в 1891 г. подоходного налога.

В 1891 г. подоходный налог по классам (Klassensteuer) был заменён единым подоходным налогом (Einkommensteuer). Введённое в 1920 г. деление налогоплательщиков на налоговые классы в зависимости от размера доходов, которые в рамках од-

ного класса должны были уплачивать равную сумму налога, было основано на определении размера налогов специальными оценочными комиссиями по формальным признакам. Законом о подоходном налоге 24 июня 1891 г. (Einkommensteuergesetz 24. Juni 1891) были введены обязанности налогоплательщика самостоятельно подавать декларацию (Deklarationspflicht), а также прогрессивная шкала налоговых тарифов. Микель применил, таким образом, принцип налогообложения в соответствии с экономической эффективностью (Leistungsfähigkeit), ставший фундаментом современного подоходного налогообложения Германии¹.

Прусский Закон о коммунальных налогах (Kommunalabgabengesetz) 1893 г. был нацелен на решение проблемы недофинансирования коммунального хозяйства при чрезмерной налоговой нагрузке жителей. Закон о коммунальных податях (Kommunalabgabengesetz) 14.07.1893 г. повысил налоги на строения, землю, промысел и перевёл их напрямую в бюджет общин. Эти налоги «перестали взиматься в пользу государства» (ausser Hebung gesetzt).

В соответствии с Законом 1893 г. общины могли либо устанавливать процентные надбавки к налогам, которые по-прежнему взимались в бюджет земель, так же как к общегосударственному (земельного уровня) подоходному налогу (Staatseinkommensteuer), либо автономно взимать свои собственные реальные налоги (Realsteuern) по своему усмотрению [4, с. 6–7]. §1 Закона о коммунальных налогах установил: «общинам предоставляется право для покрытия расходов и удовлетворения местных потребностей взимать, согласно с постановлениями сего закона, пошлины (Gebühren) и специальные сборы (Beiträge), косвенные и прямые налоги, а также требовать отправления натуральных повинностей» [1, с. 6–7].

¹ Fichte D., et al. Bausteine für eine Reform des Steuersystems. Das DS // Handbuch Steuern. 2013. November. P. 32.

Цитируемый выше отечественный исследователь П. Гензель, обращаясь к зарубежному опыту регулирования местных (коммунальных) налогов, уделил большое внимание прусской реформе коммунального обложения, проведённой в соответствии с Законом 1893 г.: "Beiträge" в дословном переводе значит "взносы": это и есть то, что мы разумеем под специальным обложением». П. Гензель обращает внимание на приоритеты, которые устанавливались законом относительно различных источников коммунального налогообложения: на первом месте стоят пошлины и специальные сборы, на последнем – налоги. «До сего времени ни один общий закон Пруссии не указывал в числе источников общинного дохода пошлины и спецсборы, закон же 14 июля 1893 г. ставит их на первом месте, что крайне характерно» [1, с. 112].

Таким образом, Закон 14.07.1893 г., принятый в ходе реформы коммунального обложения в Пруссии, признал и развил принцип специального обложения. Причина тому – необходимость переноса акцента на налогообложение недвижимости, «устранения сбрасывания податного бремени на плательщиков подоходного налога и привлечения представителей недвижимой собственности к несению податей соответственно получаемым ими выгодам» [1, с. 111].

Понижательная тенденция в реальном обложении и повышательная в подоходном не могли остаться без ограничения, и при этом необходимым следствием должно было явиться развитие идеи специального обложения. Эта коллизия отразилась на положениях §54–59 Закона: идея названных постановлений клонилась к тому, чтобы усилить значение реальных налогов и поставить их размер в зависимость от подоходного обложения. §54 гласил: «Процентные отчисления (надбавки) в пользу общины с установленных государством реальных налогов по общему правилу должны производиться в размере, не меньшем того, в котором взимаются надбавки к государственному подоходному налогу, но и не большем, чем эти надбавки, увеличенные

наполовину» [1, с. 120]. Цель этих постановлений ясна: законодатель стремился к тому, чтобы представители недвижимого и движимого капитала несли те издержки общины, которые преимущественно служат их интересам, поскольку такое возмещение расходов не достигнуто взиманием пошлин и специальных сборов. Это тоже было проявлением идеи специального обложения.

П. Гензель выявил общность тенденций развития коммунальных налогов: специальное обложение применялось в различных государствах Германии, аналогичные постановления принимались в Пруссии, Бадене, Гессене, Вюртемберге. «Серьезным фактором развития специальных сборов является факт перехода государственной налоговой системы к подоходному обложению в связи с агитацией против реального обложения, находящего всё больше и больше противников. ... Пруссия идёт во главе этого всеобщего движения устранения реальных налогов из системы государственного обложения и введения общеподоходного налога как главного податного источника». Под влиянием этих условий вырабатывалась своеобразная конструкция местных финансов: «общины повсеместно начинают придавать серьёзнейшее внимание частноправовым источникам коммунального дохода; с другой стороны, ныне явно выступает стремление развить в коммунальном бюджете пошлины, специальные сборы и ряд налогов смешанного характера (на роскошь, на обращение)» [1, с. 157–159].

Реформа Й. Микеля ввела налоговые послабления для крупной земельной собственности, одновременно устанавливая запрет на введение новых или повышение прежних налогов, например, на потребление рыбы, зерна и т. д. [6]. Эти меры выполняли функцию приспособления реальных налогов к специфическим задачам общин и сворачивания коммунальных налогов на потребление. Они также стали примером для других земель, в частности, для большинства северо-и центральногерманских государств, где в результате произошло смещение центра тяжести налогообложения на государственном уровне и в

общинах от косвенных к прямым налогам. Передачей реальных налогов общинам в ходе реформы Й. Микеля удалось достигнуть определённого снижения уровня личного налогообложения (Personalsteuern), что повлекло ослабление налогового бремени малообеспеченных налогоплательщиков. Южногерманские государства и в передаче реальных налогов общинам, и в сворачивании налогов на потребление проявили большую сдержанность [7].

Обобщение правотворческой и правоприменительной практики отдельных регионов Германии в налоговой сфере на протяжении XIX в., а также её основных факторов развития (французское влияние в связи с наполеоновскими войнами, бурный экономический рост и связанные с ним демографические сдвиги, изменения в социальной структуре населения) привело к следующим выводам:

- реформа подоходного налога, приобретавшего к концу XIX в. всё большее значение в качестве государственного налогообложения на отдельных немецких территориях, способствовала трансформации общинного звена податной системы;
- происходило сосредоточение реального налогообложения в местных бюджетах, где всё шире применялось также специальное обложение при длительном сохранении надбавок к государственным налогам и постепенном внедрении принципа всеобщности налоговой обязанности всех категорий населения.

Эти меры способствовали устранению дефицита коммунальных бюджетов при снижении обременения налогоплательщиков.

Лидирующее положение Пруссии среди других государственных образований Германии в экономической сфере и в вопросах государственного строительства сказалось также в том, что опережающими темпами происходили становление коммунального налогообложения как низшего звена прусской государственной системы, упорядочивание отношений между прусским государством и общинным управлением.

Заключение

Партикуляризм германского права, справедливо оцениваемый как серьёзное препятствие на пути объединения Германской империи, имел своим следствием длительное самостоятельное развитие права на отдельных территориях, его отдельных норм и институтов; происходили формирование оригинальных подходов, разработка новых правовых конструкций. Развитие налогового права коммунального уровня было напрямую связано с трансформацией коммунального управления и характера отношений власти и отдельных групп населения, выступавших в качестве избирателей и одновременно налогоплательщиков. Объективные экономические проблемы потребовали распространения налоговой повинности на социальные группы, ранее обладавшие налоговыми привилегиями. Это способствовало глубокой трансформации германского общества, его переходу от феодальной к буржуазно-либеральной структуре и укреплению соответствующих государственных институтов.

Статья поступила в редакцию 01.04.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гензель П. Новый вид местных налогов: «Специальное обложение» в Англии, Америке, Германии и других странах. СПб., 1902. 209 с.
2. Кочеткова Л. Н. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. 2008. № 3. С. 69–79.
3. Кулишер И. М. Коммунальное обложение в Германии в его историческом развитии. Опыт изучения основных течений в развитии городских финансов. СПб., 1914. 465 с.
4. Hensel A. Steuerrecht. Zweite völlig neubearbeitete Auflage. Berlin, 1927. 190 p.
5. Mehring F. Die Städteordnung von 1808 // Die Neue Zeit. 1912. S. 425–431.

6. Mieck I. Die verschlungenen Wege der Städtereform in Preussen (1806–1856) // *Gemeingeist und Bürgersinn: die preussischen Reformen. Forschungen zur Brandenburgischen und preussischen Geschichte. Neue Folge. Beiheft 2*. Berlin, 1993. P. 53–84.
7. Röpke W. *Finanzwissenschaft*. Berlin, Wien, 1929. 145 p.

REFERENCES

1. Genzel P. *Novyi vid mestnykh nalogov: «Spetsialnoe oblozhenie» v Anglii, Amerike, Germanii i drugikh stranakh* [New type of local taxes: «Special taxation» in England, America, Germany and other countries]. St. Petersburg, 1902. 209 p.
2. Kochetkova L. N. [Theory of the social state of Lorenz von Stein]. In: *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2008, no. 3, pp. 69–79.
3. Kulisher I. M. *Kommunalnoe oblozhenie v Germanii v ego istoricheskom razvitii. Opyt izucheniya osnovnykh techenii v razvitii gorodskikh finansov* [Communal taxation in Germany in its historical development. Experience in studying the main trends in the development of urban finance]. S. Petersburg, 1914. 465 p.
4. Hensel A. *Steuerrecht*. Zweite völlig neubearbeitete Auflage. Berlin, 1927. 190 p.
5. Mehring F. Die Städteordnung von 1808. In: *Die Neue Zeit*, 1912. S. 425–431.
6. Mieck I. Die verschlungenen Wege der Städtereform in Preussen (1806–1856). In: *Gemeingeist und Bürgersinn: die preussischen Reformen. Forschungen zur Brandenburgischen und preussischen Geschichte. Neue Folge. Beiheft 2*. Berlin, 1993, pp. 53–84.
7. Röpke W. *Finanzwissenschaft*. Berlin, Wien, 1929. 145 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зорилэ Дорина Валентиновна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры социологии Российского химико-технологического университета имени Д. И. Менделеева;
e-mail: sorina.dosha.2014@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dorina V. Zorile – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Sociology, D. I. Mendeleev Russian University of Chemistry and Technology;
e-mail: sorina.dosha.2014@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зорилэ Д. В. Особенности развития коммунального налогообложения в Германии в XIX веке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 2. С. 18–27.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-18-27

FOR CITATION

Zorile D. V. Features of the Local Taxation Development in Germany During the 19th Century. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 2, pp. 18–27.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-18-27

УДК 340.114.5+340.114:167.4

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-28-38

К ВОПРОСУ О ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОМ СОДЕРЖАНИИ ПРИНЦИПА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЕРЕД БУДУЩИМИ ПОКОЛЕНИЯМИ

Умнова-Конюхова И. А., Алешков П. В.

Российский государственный университет правосудия

117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить ряд актуальных аспектов публично-правового контента принципа ответственности перед будущими поколениями.

Процедура и методы. При проведении исследования применены сравнительно-правовой метод, формально-логический, диалектический методы.

Результаты. В исследовании выделены особенности ответственности перед будущими поколениями, определено место ответственности перед будущими поколениями в системе императивной правовой ответственности. Сделан вывод, что основой публично-правового контента принципа ответственности перед будущими поколениями должны служить консолидирующие идеи о взаимодействии международно-правового и конституционного регулирования, о дихотомии неприкосновенности и защищённости нынешних и будущих поколений, о солидарной и субсидиарной природе ответственности, о единстве прав, обязанностей и интересов будущих поколений, об аксиологической предопределённости содержания рассматриваемого принципа, о важности его правового измерения с помощью методологий конституционной таксономии и межотраслевого анализа судебной и иной правоприменительной практики.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию конституционного права, создавая предпосылки для развития теории конституционной таксономии и дальнейшего углублённого концептуального изучения конституционных категорий.

Ключевые слова: субъект права, ответственность, солидарная ответственность, субсидиарная ответственность, обязанности, права и интересы, будущие поколения, нынешние поколения, человечество, правовая аксиология, конституционная таксономия

ON THE ISSUE OF PUBLIC-LEGAL CONTENT OF THE PRINCIPLE OF LIABILITY TO FUTURE GENERATIONS

I. Umnova-Koniukhova, P. Aleshkov²

Russian State University of Justice

69, Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 117418, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify a number of relevant aspects of public-legal content of the principle of liability to future generations.

Methodology. During the study, a comparative-legal method, formal-logical and dialectical methods were used.

Results. The study highlights the features of responsibility to future generations, identifies the place of responsibility to future generations in the system of imperative liability. It was concluded that the basis of the public-legal content of the principle of liability to future generations should be the consolidating ideas on the interaction of international legal and constitutional regulation, about the dichotomy of inviolability and security of current and future generations, about the solidarity and subsidiary nature of responsibility, on the unity of rights, duties and interests of future generations, on the axiological predestination of the

content of the principle under consideration, the importance of its legal dimension through constitutional taxonomy methodologies and intersectoral analysis of judicial and other law enforcement practices.

Research implications. subject of law, liability, shared liability, subsidiary liability, duties, rights and interests, future generations, present generations, humanity, legal axiology, constitutional taxonomy.

Keywords: subject of law, responsibility, shared responsibility, subsidiary responsibility, duties, rights and interests, future generations, present generations, humanity, legal axiology, constitutional taxonomy

Введение

Проблема императива ответственности перед будущими поколениями в последнее время активно поднимается в научной литературе [1; 7]. Вместе с тем дискуссионность данного вопроса побуждает к рассмотрению ряда аспектов публично-правового контента принципа ответственности перед будущими поколениями.

Стремительный прогресс инновационных технологий ставит перед каждым человеком, обществом и государством новые задачи, решение которых сопровождается зачастую рисками и опасными последствиями для нынешних и будущих поколений.

Считается, что одним из первых, кто был озадачен вопросом ответственности за использование инновационных технологий, был Ханс Йонас. В своей работе «Императив ответственности» он существенное внимание уделял человеческой деятельности, связанной с новыми технологиями, отмечая важность новой философии ответственности [8; 9].

Прежде чем определить, какой вид ответственности существует перед будущими поколениями, постараемся ответить на вопрос, являются ли будущие поколения субъектами права.

С одной стороны, понятие «будущие поколения» является абстрактным, с другой стороны, на международном уровне¹

и согласно конституциям некоторых государств² будущее поколение признаётся как субъект права, а не только как бенефициарий в гражданско-правовом понимании.

К вопросу о понятии "будущие поколения"

В публично-правовом контексте будущие поколения являются правопреемниками прав и обязанностей, а также законных интересов нынешнего поколения. Признание будущих поколений человечества носителями прав есть прямое следствие формирования концепций выживания и общей, солидарной ответственности [20].

В этом аспекте следует с соответствующей оговоркой принимать во внимание суждение, что «объективных предпосы-

Венская декларация и Программа действий, принятые Всемирной конференцией по правам человека 25 июня 1993 г., Декларация «Об ответственности нынешних поколений перед будущими поколениями», принятая ООН 12 ноября 1997 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.glavbuhk.ru/npd/edoc/97_85616 (дата обращения: 15.03.2021); Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека от 19.10.2005. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (дата обращения: 15.03.2021); Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию // Действующее международное право. Т. 3. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 687–692; а также принятые, начиная с 1990 г., Генеральной Ассамблеей ООН резолюции, касающиеся защиты глобального климата в интересах нынешних и будущих поколений.

² Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 164–245; Конституции государств Азии. Т. 3. Дальний Восток. М., 2010. С. 1021–1037; Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.05.2021).

¹ См.: Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия, принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО 16 ноября 1972 г., Декларация о праве на развитие, принятая Генеральной ассамблеей ООН на 97 пленарном заседании 4 декабря 1986 г., Рамочная конвенция ООН об изменении климата и Конвенция о биологическом разнообразии, принятые в Рио-де-Жанейро 5 июня 1992 г., Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию, принятая Конференцией ООН по окружающей среде и развитию 14 июня 1992 г.,

лок для рассмотрения будущих поколений как субъекта права сегодня нет, поскольку конструкция будущих поколений носит фиктивный характер, не имеет реального человеческого субстрата» [23, с. 53].

На наш взгляд, будущее поколение как субъект конституционно-правовых отношений вполне конкретно определено в научной литературе [3; 5; 22], однако в законодательстве вопрос остаётся открытым в силу разнородного восприятия этой категории. Термин «будущие поколения» употребляется в привязке к категориям «человечество», «народ», «граждане», «население», «жители» и др. В частности, в российском законодательстве используются такие правовые выражения, как «меры социальной поддержки ... предоставляются при условии постоянного проживания детей и подростков ... и при условии, что ребёнок после рождения постоянно проживает в этих зонах, а также детей *первого и последующих поколений граждан*»¹.

Категория «будущие поколения» в отношениях с универсальным обязательством и ответственностью субъектов публичной власти – народа, государства, общества – упоминается в преамбуле Конституции Российской Федерации. В ней говорится об ответственности народа РФ за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями.

На федеральном уровне содержатся и другие правовые конструкции:

- в федеральных законах: «будущие поколения народов Российской Федерации»²;
- в актах Президента РФ: «будущие поколения граждан России»³;
- в актах Правительства РФ: «будущие поколения граждан Российской

Федерации»⁴, «будущее поколение населения Российской Федерации»⁵;

- в решениях Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ: «будущие поколения многонационального народа Российской Федерации»⁶.

В Российской Федерации категория «будущие поколения» как социальная общность, в интересах которой государство берёт на себя определённые обязательства, упоминается также в региональном законодательстве.

Так, в Законе Республики Северная Осетия-Алания № 60-РЗ «О Стратегии социально-экономического развития Республики Северная Осетия-Алания до 2030 года» используется выражение «будущие поколения»⁷. В Законе Республики Саха (Якутия) 2077-З № 45-VI «О Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 года с целевым видением до 2050 года» акцентируется внимание на том, что сохранение природы для будущих поколений и всего мира имеет стратегическое значение⁸. В Постановлении Правительства Забайкальского края № 188 «Об утверждении государственной программы

⁴ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 326 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Охрана окружающей среды"» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (ч. III). Ст. 2171.

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 11. Ст. 1552.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П // Собрание законодательства РФ. 2020. № 10. Ст. 1415; Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 2.07.2020 № АКПИ20-244 // СПС Консультант Плюс.

⁷ Закон Республики Северная Осетия-Алания от 18.09.2019 № 60-РЗ «О Стратегии социально-экономического развития Республики Северная Осетия-Алания до 2030 года» // Северная Осетия. 2019. № 178 (27897).

⁸ Закон Республики Саха (Якутия) от 19.12.2018 2077-З № 45-VI «О Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 года с целевым видением до 2050 года» (принят постановлением ГС (Ил Тумэн) РС(Я) от 19.12.2018 3 N 46-VI) // Сокуоннар. Уураахтар. Дьаһаллар. 2019. № 6.

¹ Закон РФ от 15.05.1991 № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 21. Ст. 699.

² Федеральный закон от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 10. Ст. 823.

³ Указ Президента РФ от 20.08.1994 № 1714 «О Дне Государственного флага Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 17. Ст. 1956.

Забайкальского края "Охрана окружающей среды" обозначается одной из целей ведомственных целевых программ природоохранной деятельности – обеспечение охраны комплекса природных ресурсов, реализация права настоящего и будущего поколения людей на благоприятную окружающую среду обитания¹.

Другие конструкции закрепляют выражения: «будущие поколения жителей региона»², «будущие поколения народов, проживающих в субъекте Российской Федерации»³.

Наряду с «правами» также следует отметить часто используемое понятие «интерес» во взаимосвязи с такой категорией субъектов права, как будущие поколения. Так, одной из задач по достижению цели и преодолению вызовов в Концепции развития и освоения минерально-сырьевой базы Республики Тыва до 2030 г. определяется «воспроизводство минерально-сырьевых ресурсов Республики в объемах, обеспечивающих компенсацию их потребления с учётом интересов нынешних и будущих поколений жителей республики»⁴. Конституционный Суд РФ отмечает, что «в пределах дискреционных полномочий федеральный законодатель может вводить необходимые ограничения права собственности с тем, чтобы обеспечивалась реализация конституционного права

граждан России на сохранность объектов культурного наследия в интересах настоящего и будущего поколений её многонационального народа и гарантировалось исполнение корреспондирующей этому праву конституционной обязанности»⁵.

Таким образом, вполне очевидно, что будущие поколения являются субъектами права. Важно при этом подчеркнуть, что на международном уровне акцентируется внимание на таком субъекте, как *будущее поколение человечества*, а на внутригосударственном уровне определяется *будущее поколение граждан конкретного государства*. Учитывая разнообразие используемых выражений, полагаем, что наиболее оптимальным вариантом формулировки будет «будущее поколение многонационального народа Российской Федерации».

Особенности ответственности перед будущими поколениями

Ставя задачу выделить особенности ответственности перед будущими поколениями, следует рассмотреть её характерные черты.

Есть 2 основные категории субъектов права – будущее поколение человечества и будущее поколение граждан конкретного государства. Соответственно, выделим 2 разновидности ответственности перед будущими поколениями – международную и внутригосударственную (конституционную). В федеративном государстве, к числу которых относится и современная Россия, мы допускаем применение категории "будущие поколения населения или жителей субъектов РФ", поскольку речь будет идти об ответственности органов публичной власти субъектов РФ в соответствии с установленной на федеральном конституционном и законодательном уровнях системой разделения предметов ведения, полномочий и ответственности.

Международная ответственность перед будущим поколением характеризуется

¹ Постановление Правительства Забайкальского края от 10.04.2014 №188 (ред. от 28.12.2020) «Об утверждении государственной программы Забайкальского края «Охрана окружающей среды» // Азия-Экспресс. 2014. № 17/1.

² Распоряжение Правительства ХМАО – Югры от 22.03.2013 № 101-рп (ред. от 16.08.2019) «О Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2030 года» // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа-Югры. 2013. №3 (ч. II). Ст. 304.

³ Устав Красноярского края от 05.06.2008 № 5-1777 (подписан Губернатором Красноярского края 10.06.2008) (ред. от 11.02.2021) // Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. 2008. № 29 (250).

⁴ Постановление Правительства Республики Тыва от 15.01.2019 № 17 «О Концепции развития и освоения минерально-сырьевой базы Республики Тыва до 2030 года» // Официальный портал Республики Тыва.

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 09.12.2014 № 2755-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 2; Постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2020 № 11-П // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1639.

тем, что устанавливаются императивы – уважения прав человека; обеспечения всесторонней защиты прав и интересов нынешних и будущих поколений¹. В международных актах правомочия будущих поколений определяются посредством следующих формулировок: право на жизнь и здоровье; право на развитие; право на благоприятную окружающую среду; право на форму человеческой жизни; право на уважение его достоинства и его прав, вне зависимости от его генетических характеристик; право на биологическое разнообразие; право на культурное разнообразие и культурное наследие; право на мир; право на благополучие. На обеспечение данных прав направлены определённые принципы [14]. В их числе: требования о недопустимости никаких посягательств на существо и формы человеческой жизни, а также пагубных изменений экосистем; недопустимость того, чтобы научно-технический прогресс наносил ущерб жизни на Земле; а также требования об обеспечении устойчивого развития; предосторожности; ценности генома человека как основы изначальной общности всех представителей человеческого рода, биологического и культурного многообразия и др.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что по своей природе международная ответственность – это ответственность солидарная. Её характерными чертами являются: коллективность, единодушие, общность целей, задач и интересов, разумная оценка деятельности, а также всеобщие обязанности, выполнение которых является гарантией прав и интересов будущих поколений.

Конституционная и иная внутригосударственная правовая ответственность – это ответственность как государства перед будущими поколениями своих граждан, так и каждого человека перед будущими поколениями своей страны. Она определяется применительно к государству как консти-

туционный правовой императив, а применительно к гражданам – как конституционный нравственный норматив. Тенденция расширения конституционной нравственности тесно переплетается с гуманизацией и социализацией современных конституций [11; 12; 21]. На важность данного вида ответственности обращают внимание многие учёные [11; 10; 13; 17; 18; 19].

Правовой императив – ответственное отношение – адресуется к органам, осуществляющим публичную власть. В виде нравственно-правового нарратива конституционная ответственность адресована ко всем гражданам России, и её природа определяется, исходя из преамбулы и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Для современных правоведов интерес представляет конструирование понятия «конституционный и правовой статус будущих поколений». В этом контексте уже сегодня, к примеру, обсуждается вопрос о понятии равенства взаимоотношений между поколениями. Данная проблема регулярно и с разными акцентами поднимается в Докладах развития человеческого потенциала ООН².

Например, В. Д. Зорькин справедливо обращает внимание отечественных правоведов на конституционную ответственность каждого настоящего поколения перед будущими за создание долгосрочных условий устойчивого развития. В самом общем виде, по мнению В. Д. Зорькина, это предполагает, что ныне живущие должны действовать так, чтобы их наследникам досталось не меньшее количество тех благ, которыми они пользуются сами. Эти блага должны совершенствоваться и приумножаться. Каждое поколение должно занимать одинаковое (или равное) положение, являясь одновременно пользователем и распорядителем по доверенности. В этом смысл правового подхода к решению данной

¹ Декларация от 12.11.1997 «Об ответственности нынешних поколений перед будущими поколениями» // Главбух: [сайт]. URL: https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/97_85616 (дата обращения: 06.05.2021).

² См., например: Юбилейный 30-й Доклад о человеческом развитии 2020 – новейший из серии глобальных Докладов о человеческом развитии, которые публикуются Программой развития Организации Объединённых Наций (ПРООН) с 1990 г. в качестве независимого, аналитически и эмпирически обоснованного обсуждения важнейших вопросов, тенденций и политических мер в области развития.

проблемы на основе формального равенства взаимоотношений между поколениями [5].

Исходя из отмеченного выше, очевидно, что конституционная ответственность – это не только публично-правовая солидарная ответственность, но и субсидиарная, т. к. не важно, к кому она адресуется, её значимость от этого не снижается. Кроме того, субсидиарная ответственность в системе императивной ответственности является связующим элементом между нравственной и правовой ответственностью. Следует отметить существенную её зависимость не только от юридического закрепления, но и от социального восприятия в качестве определяющего основания для принятия решений и совершения действий.

Дети – связующая категория между нынешним и будущим поколениями

Традиционно связующим «мостиком» между нынешними и будущими поколениями являются гарантии и права детей, соответственно, существенное внимание уделяется и безопасности детей, т. к. очевидно, что не будет детей – нет и будущего. Именно дети отмечаются в практике Конституционного Суда РФ как основа будущих поколений, и при этом делается акцент, что они наиболее незащищенная и уязвимая категория граждан, находящаяся под особой охраной Конституции России¹.

Однако в условиях, когда, во-первых, стало возможным вмешательство в генетику и природу человека и создание генетически модифицированных детей перестало быть фантастикой², во-вторых, увеличивается активность по суррогатному материнству (это очевидно даже в условиях отсутствия официальной статистики) [2], в-третьих, воздействие изменения климата и ухудшение состояния окружающей

среды имеют трансграничный характер, не стоит забывать о том, что «необходимым условием прогресса служит такая связь между поколениями, при которой предки и потомки составляют одно живое целое»³.

Для правоведов актуален вопрос: как будет выглядеть правовой «мостик», связующий нынешнее и будущее поколения, и как определять основания для принятия решений и совершения действий, прямо или косвенно направленных на сохранение универсальных прав и интересов будущих поколений?

На наш взгляд, защищаемая правом естественная гуманистическая культура и традиции являются тем самым оплотом, который может не только сохранить связующий «мостик» между нынешними и будущими поколениями, но и обеспечить оптимальный вариант реализации ответственности перед будущими поколениями. Проводники современных технологий полагают, что создать человека очевидно возможно и искусственным путём, однако не учитывается, что есть недоступные технологиям естественные человеческие качества: любовь, доброта, порядочность, уважение к старшим и др. Эти элементы добродетельности как фундаментальные ценности должны быть объектом правовой защиты наряду с другими общепризнанными конституционными ценностями и целями (свобода, равноправие, достоинство, общее благо и пр.). Невозможно также под воздействием технологий в условиях истощения природных ресурсов и глобальных катастроф сохранить жизнь человечества в целом.

Полагаем, что "будущее поколение" должно рассматриваться как презюмируемое понятие, находящееся во взаимосвязи с такой категорией, как дети. Отсюда объектом специальной правовой защиты становятся: права детей на развитие, на жизнь и здоровье, на благоприятную окружающую среду; права на форму человеческой жизни; на защиту генома, на биологическую неприкосновенность и

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2013 № 19-П // Собрание законодательства РФ. 2013. № 30 (ч. II). Ст. 4189.

² Воронин Н. Китайский профессор объявил о рождении генетически модифицированных детей. Ученые в гневе // News BBS. Русская служба : [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-46347487> (дата обращения: 06.05.2021).

³ Трубецкой Е. Н. Мировоззрение В. С. Соловьева. Т. 1. М., 1913. 631 с.

биологическое разнообразие; на культурное разнообразие и культурное наследие; на мир, безопасность, благополучие и др. Реализация этих прав подразумевает одновременно защиту прав и интересов будущих поколений. Следовательно, ответственность за обеспечение прав детей и будущих поколений является дуалистической. Как уже упоминалось ранее, она одновременно субсидиарная и солидарная, правовая и нравственная.

Общим у международной ответственности и конституционной внутригосударственной правовой ответственности перед будущими поколениями является то, что применительно к данным видам ответственности невозможны никакие отступления от них и никакие обстоятельства, освобождающие от их наступления.

Принципы ответственности перед будущими поколениями

Ответственность перед будущими поколениями находится в дихотомической связи с обязанностями нынешних поколений.

Исходя из правовой аксиомы, нет прав без обязанностей, очевидно, что ответственность нынешнего поколения перед будущими поколениями существует. Содержание такого рода обязанностей предопределяется правовой аксиологией, формирующейся из совокупности общечеловеческих, общепризнанных и конституционных принципов и ценностей, а также исходя из духовного, исторического и культурного наследия.

В настоящее время большинство учёных и практиков придерживаются позиции важности правовой аксиологии. Особое значение в условиях глобализации отводится конституционной аксиологии [4; 6; 13; 16]. При этом вполне вероятны коллизии конституционных ценностей, основанных на нравственности, и общепризнанных правовых ценностей. Следует обратить внимание на позицию Г. А. Гаджиева в особом мнении к Постановлению Конституционного Суда РФ от 02.12.2013 № 26-П, смысл которой

состоит в том, что «самая сложная проблема аксиологии права может быть разрешена посредством нахождения справедливого баланса между равнозначными ценностями. Баланс можно считать справедливым, когда ни одной из этих ценностей не отдаётся безусловный приоритет, а действие одного принципа (ценности, права) создаёт имманентные пределы для другого принципа (права или ценности)»¹. В данном случае судья КС РФ пытается закрепить паритетность системы конституционных ценностей, что, однако, оказалось невозможным на практике. Можно привести пример конституционной необходимости приоритетной оценки определённых ценностей в случае возникновения конкуренции между равноправием, с одной стороны, и нравственностью, а также безопасностью, с другой, при определении прав однополых меньшинств на брак и усыновление детей. В Российской Федерации приоритетными были определены конституционные ценности защиты общественной нравственности и безопасности детства. В этом контексте стоит отметить позицию Конституционного Суда РФ о том, что «одним из принципов конституционно-правовой аксиологии является возможность не только уравнивания двух конституционных принципов, но и придание большего веса одной из коллидирующих конституционных ценностей»².

Какие руководящие принципы совместной ответственности должны быть положены в основу правовой аксиологии – вопрос дискуссионный, и это отдельная тема для рассуждений [15]. Однако уже вполне очевидным является формирование системы принципов, обязанностей и ответственности нынешних поколений перед будущими поколениями.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2013 N 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 4 Закона Челябинской области "О транспортном налоге" в связи с запросом Законодательного Собрания Челябинской области» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 50. Ст. 6669.

² Определение Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 1485-О // СПС Консультант Плюс.

Так, не стоит недооценивать, говоря об ответственности перед будущими поколениями, значимость принципов устойчивого развития, экологической безопасности, приоритета публичных интересов¹ и обеспечения приоритетности интересов общества и государства в определении государственной политики в сфере оборота генетической информации [17], обеспечения защиты достоинства и биологической неприкосновенности и др. Систему принципов ответственности перед будущими поколениями ещё предстоит сформировать на основе методологии таксономии.

Одной из универсальных обязанностей, адресованной ко всем без исключения, является обеспечение природосберегающего развития, предполагающего уменьшение давления на окружающую среду в результате экономического роста. Согласно традиционной модели, предполагается «сначала рост, борьба с загрязнением, потому как ни экономика, ни окружающая среда не получают никаких преимуществ относительно друг друга»².

В качестве субсидиарных обязанностей, опираясь на практику КС РФ, следует выделить:

- обязанность сохранять окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам³;
- обязанность государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства⁴;

- обязанность по восполнению части лесного фонда, утраченного в результате хозяйственной деятельности⁵;
- обязанность надлежащим образом осуществлять охрану здоровья людей⁶;
- обязанность государства по возмещению вреда, причинённого техногенными авариями и катастрофами⁷.
- обязанность предоставлять достоверную информацию о состоянии окружающей среды⁸;
- обязанность принимать меры, направленные на сдерживание загрязнения окружающей среды, предупреждение и минимизацию экологических рисков⁹.

Заключение

В заключение хотелось бы отметить, что ориентиром в формировании публично-правового контента принципа ответственности перед будущими поколениями должны служить консолидирующие принципы, основанные на том, что будущие поколения – это субъект права. Важны также консолидированное взаимодействие международно-правового и конституционного регулирования, обеспечение действенной солидарной и субсидиарной ответственности и, самое важное, – активное применение принципов конституционного права.

Статья поступила в редакцию 25.02.2021.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.03.2018 № 14-П // Собрание законодательства РФ. 2018. № 15 (Ч. V). Ст. 2238; Определение Конституционного Суда РФ от 13.05.2019 № 1197-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 4.

² Документ по главной теме конференции министров по окружающей среде и развитию в Азиатско-Тихоокеанском регионе «Обеспечение экологически-устойчивого роста в Азиатско-Тихоокеанском регионе». 2005 г.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2019 № 30-П // Собрание законодательства РФ. 2019. № 30. Ст. 4412; Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 г. № 37-О // СПС Консультант Плюс.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2020 № 20-П // Собрание законодательства РФ. 2020. № 20. Ст. 3224.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2020 № 19-П // Собрание законодательства РФ. 2020. № 20. Ст. 3223.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.06.2018 № 25-П // Собрание законодательства РФ. 2018. № 27. Ст. 4138.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2017 № 40-П // Собрание законодательства РФ. 2017. № 51. Ст. 7915.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.02.2018 № 7-П // Собрание законодательства РФ. 2018. № 8. Ст. 1273.

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 09.02.2016 № 225-О // СПС Консультант Плюс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абате Р. Защита будущих поколений: до и в эпоху антропоцена // Изменение климата и безмолвные: защита будущих поколений, дикой природы и природных ресурсов. Кембридж, 2019. С. 43–96.
2. Внукова В. А., Щербак А. Ю. О проблемах института сурrogатного материнства в России // Семейное и жилищное право. 2019. № 6. С. 7–12.
3. Гаджиев Г. А. Конституция России как правовая основа экономики: правовая модель и современность // Известия вузов. Правоведение. 2009. № 2. С. 83–90.
4. Гарлицкий Л. «Конституционные ценности» и Страсбургский суд // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. С. 81–88.
5. Зорькин В. Д. Правовое будущее России // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 7–16.
6. Зорькин В. Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 3–14.
7. Ирхин И. В. Будущие поколения человечества в системе конституционно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 41–45.
8. Йонас Х. Принцип ответственности. Попытка этики для технологической цивилизации. Айрис Пресс, 2004. 479 с.
9. Йонас Х. Хайдеггер и теология // Ориентация и ответственность. Встречи и споры с Хансом Йонасом. Вюрцбург, 2004. С. 41–55.
10. Колосова Н. М. Конституционная ответственность в Российской Федерации. М.: Городец, 2000. 191 с.
11. Кравец И. А. Конституционное право как метаотрасль: роль конституции и основ конституционного строя в межотраслевой гармонизации // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 3–8.
12. Крусс В. И. Конституционализация права: Основы теории. М.: Норма, 2019, 240 с.
13. Крусс В. И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2. С. 7–14.
14. Карташкин В. А. Отраслевые международные принципы прав человека // Современное право. 2018. № 5. С. 111–118.
15. Лановой В. Руководящие принципы совместной ответственности в международном праве: слишком много или слишком мало? // Европейский журнал международного права. 2021. Вып. 31. № 1. С. 15–72.
16. Певцова Е. А. Права детей и молодежи в российском и зарубежном законодательстве: сравнительно-правовой подход. М., 2015. 284 с.
17. Рассолов И. М., Чубукова С. Г. Внутриотраслевые принципы обработки генетической информации // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 98–110.
18. Трофимова Г. А. Конституционно-правовая ответственность граждан // Современное право. 2019. № 6. С. 24–29.
19. Тарабан Н. А. Институт конституционной ответственности: дуализм политических и правовых начал в свете теории общественного договора // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 44–47.
20. Умнова И. А. Современные концепции прав человека в международно-правовом и конституционном измерениях // Омбудсмен. 2012. № 2. С. 5–11.
21. Умнова-Конюхова И. А. Конституция Российской Федерации 1993 года: оценка конституционного идеала и его реализации сквозь призму мирового опыта // Lex russica. 2018. № 11. С. 23–39.
22. Харьков В. Н. Рациональное и эффективное использование и охрана природных ресурсов как конституционные требования в сфере обеспечения экологической безопасности // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 19–21.
23. Чуличкова Е. В. Конституционно-правовое регулирование права на благоприятную окружающую среду: принцип ответственности перед будущими поколениями // Российский юридический журнал. 2015. № 2. С. 48–54.

REFERENCES

1. Abate R. [Protecting Future Generations: Before and During the Anthropocene]. In: *Izmenenie klimata i bezmolvnnye: zashchita budushchikh pokolenii, dikoi prirody i prirodnykh resursov* [Climate change and

- the silent: protecting future generations, wildlife and natural resources]. Cambridge, 2019, pp. 43–96.
2. Vnukova V. A., Shcherbak A. Yu. [On the problems of the institute of surrogacy in Russia]. In: *Semeinoe i zhilishchnoe pravo* [Family and Housing Law], 2019, no. 6, pp. 7–12.
 3. Gadzhiev G. A. [The Constitution of Russia as the Legal Basis of the Economy: Legal Model and Modernity]. In: *Izvestiya vuzov. Pravovedenie* [Proceedings of universities. Jurisprudence], 2009, no. 2, pp. 83–90.
 4. Garlitskiy L. [«Constitutional Values» and the Strasbourg Court]. In: *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2008, pp. 81–88.
 5. Zorkin V. D. [The legal future of Russia]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2011, no. 10, pp. 7–16.
 6. Zorkin V. D. [Value approach in the constitutional regulation of rights and freedoms]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2008, no. 12, pp. 3–14.
 7. Irkhin I. V. [Future generations of humanity in the system of constitutional and legal regulation]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2021, no. 1, pp. 41–45.
 8. Jonas H. *Printsip otvetstvennosti. Popytka etiki dlya tekhnologicheskoi tsivilizatsii* [The principle of responsibility. An attempt of ethics for the technological civilization]. Iris Press Publ., 2004. 479 p.
 9. Jonas H. [Heidegger and theology]. In: *Orientatsiya i otvetstvennost. Vstrechi i spory s Khansom Ionasom* [Orientation and responsibility. Meetings and disputes with Hans Jonas]. Würzburg, 2004, pp. 41–55.
 10. Kolosova N. M. *Konstitutsionnaya otvetstvennost v Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional responsibility in the Russian Federation]. Moscow, Gorodets Publ., 2000. 191 p.
 11. Kravets I. A. [Constitutional law as a meta-branch: the role of the constitution and the foundations of the constitutional system in intersectoral harmonization]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2017, no. 11, pp. 3–8.
 12. Kruss V. I. *Konstitutsionalizatsiya prava: Osnovy teorii* [Constitutionalization of Law: Fundamentals of Theory]. Moscow, Norma Publ., 2019. 240 p.
 13. Kruss V. I. [Russian constitutional axiology: relevance and prospects]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2007, no. 2, pp. 7–14.
 14. Kartashkin V. A. [Sectoral international human rights principles]. In: *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2018, no. 5, pp. 111–118.
 15. Lanovoy V. [Guiding Principles on Shared Responsibility in International Law: Too Many or Too Few?]. In: *Evropeiskii zhurnal mezhdunarodnogo prava* [European Journal of International Law], 2021, iss. 31, no. 1, pp. 15–72.
 16. Pevtsova E. A. *Prava detei i molodezhi v rossiiskom i zarubezhnom zakonodatel'stve: sravnitelno-pravovoi podkhod* [The rights of children and youth in Russian and foreign legislation: a comparative legal approach]. Moscow, 2015. 284 p.
 17. Rassolov I. M., Chubukova S. G. [Intraindustry principles of genetic information processing]. In: *Aktualnye problemy rossiiskogo prava* [Current Problems of Russian Law], 2019, no. 5, pp. 98–110.
 18. Trofimova G. A. [Constitutional and legal responsibility of citizens]. In: *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2019, no. 6, pp. 24–29.
 19. Taraban N. A. [Institute of constitutional responsibility: dualism of political and legal principles in the light of the theory of social contract]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and municipal law], 2020, no. 8, pp. 44–47.
 20. Umnova I. A. [Modern concepts of human rights in international legal and constitutional dimensions]. In: *Ombudsmen* [Ombudsman], 2012, no. 2, pp. 5–11.
 21. Umnova-Konyukhova I. A. [The 1993 Constitution of the Russian Federation: Assessment of the Constitutional Ideal and Its Implementation through the Prism of World Experience]. In: *Lex russica*, 2018, no. 11, pp. 23–39.
 22. Kharkov V. N. [Rational and efficient use and protection of natural resources as constitutional requirements in the field of ensuring environmental safety]. In: *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2019, no. 6, pp. 19–21.
 23. Chulichkova E. V. [Constitutional and legal regulation of the right to a healthy environment: the principle of responsibility to future generations]. In: *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Legal Journal], 2015, no. 2, pp. 48–54.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Умнова-Конюхова Ирина Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, руководитель научного направления конституционно-правовых исследований Центра исследований проблем правосудия Российского государственного университета правосудия; ведущий научный сотрудник отдела правоповедения Института научной информации по общественным наукам РАН;
e-mail: ikonyukhova@yandex.ru

Алешков Павел Витальевич – студент юридического факультета Российского государственного университета правосудия;
p.aleshkov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina A. Umnova-Koniukhova – Dr. Sci. (Law), Prof., Department of Constitutional Law, Head of Scientific School for Constitutional-legal Studies, Center for Justice, Russian State University of Justice, Leading Researcher, Department of Legal Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: ikonyukhova@yandex.ru

Pavel V. Aleshkov – Student, Department of Law, Russian State University of Justice;
p.aleshkov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Умнова-Конюхова И. А., Алешков П. В. К вопросу о публично-правовом содержании принципа ответственности перед будущими поколениями // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 2. С. 28–38.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-28-38

FOR CITATION

Umnova-Koniukhova I. A., Aleshkov P. V. On the Issue of Public-Legal Content of the Principle of Liability to Future Generations. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 2, pp. 28–38.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-28-38

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 341.231.14:342.76

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-39-50

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЁЖИ ВО ФРАНЦИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: СЕМЬЯ, ОБРАЗОВАНИЕ, ЗДОРОВЬЕ

Бенкрид Д.¹, Лезьер В.²

¹Университет Париж-3, Эколь Прогре
75011, г. Париж, ул. Сан Сабен, д. 41, Франция

²Тюменский индустриальный университет
625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть проблемы мировоззренческого кризиса в жизни молодёжи во Франции, вызванного трудностями пандемии, в частности ограничения прав молодёжи, трансформацию и деградацию нравственных и правовых ценностей, кризис здравоохранения и семейных устоев.

Процедура и методы. При проведении исследования использовалась система философско-мировоззренческих, общенаучных и специально-научных методов познания, обеспечивающих объективный анализ исследуемого предмета.

Результаты. Современную обстановку во Франции можно назвать крупным социальным кризисом, который ослабляет будущее молодёжи. В результате исследования отмечена острая необходимость в снижении социального напряжения, т. е. государство должно обеспечить меры по смягчению последствий пандемии, учитывающие конкретные условия жизни молодёжи, и по защите их прав, в т. ч. посредством обеспечения достойной работы и социальной защиты. Государство должно уделять больше внимания потребностям в области защиты детей и правам молодёжи при разработке и осуществлении своих планов реагирования и восстановления в случае пандемии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Одной из социальных категорий – молодёжи – был нанесён серьёзный удар пандемией, адаптация молодёжи к ограничениям прав в период пандемии вызывает много проблем, поэтому в работе сделана попытка выделить тот системообразующий фактор регулирования социальных отношений, который позволил бы гармонизировать правовые возможности и правовые ограничения и не допустить трансформации ценностей.

Ключевые слова: пандемия, права молодёжи, правовые ценности, ограничения прав, кризис здравоохранения

RESTRICTIONS AND VALUES TRANSFORMATION OF YOUTH IN FRANCE DURING THE PANDEMIC: FAMILY, EDUCATION, HEALTH

J. Bencrid¹, V. Lezier²

¹Paris 3-*ém*, *Ecole Progress*

41 Rue St Sabin, Paris 75011, France

²Industrial University of Tyumen

38 Volodarskogo ul., Tyumen, 625000, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider the problem of the ideological crisis in the life of young people in France caused by the difficulties of the pandemic, in particular, the limitation of the rights of young people, the transformation and degradation of moral and legal values, the crisis of health care and family foundations.

Methodology. During the research, a system of philosophical and worldview, general scientific and special scientific methods of cognition was used, providing an objective analysis of the subject under study.

Results. The current state of affairs in France can be called a major social crisis that weakens the future of young people. As the result of the research the need to reduce social tension is noted, respectively, the state should provide measures to mitigate the consequences of the pandemic, taking into account the specific living conditions of young people, and to protect their rights, including through the provision of decent work and social protection. Governments should pay more attention to child protection needs and youth rights when developing and implementing their pandemic response and recovery plans.

Research implications. One of the social categories, namely young people, was dealt a serious blow by the pandemic, the adaptation of young people to restrictions on rights during a pandemic causes many problems, an attempt was made in the article to highlight the system-forming factor in the regulation of social relations, which would allow to harmonize legal opportunities and legal restrictions and prevent the transformation of values.

Keywords: pandemic, youth rights, legal values, restrictions on rights, health crisis

Введение

Период пандемии COVID-19 во Франции инициировал множество проблем социального, экономического, культурного характера, жизнь французского общества была парализована и сопровождалась беспрецедентными последствиями для трудовой, образовательной и эмоциональной жизни всего населения. В зависимости от личного положения и деятельности каждого из членов общества сформировался целый ряд трудностей из-за введённых государством мероприятий сдерживания, правовых и экономических ограничений, стагнации социальной и профессиональной жизни. Наиболее уязвимой, дестабилизированной категорией населения в этот сложный период оказалась молодёжь. По состоянию на 1 января 2019 г. – это 9,2 млн человек от 18 до 29 лет, проживающих во Франции, или

13,7% населения. Количество молодых людей, которые всё ещё учатся, варьируется в разных возрастных категориях.

В широком смысле молодость – это период жизни члена общества, который связан как с формированием взрослой личности, так и с проблемами, которые она несёт, социализацией вне семьи, интеграцией в мир труда. Для уточнения содержательного аспекта анализа нам важно понять, что существует множество определений категорий молодёжи, которые включают такие переменные, как пол, возраст, личностное положение, социокультурное происхождение, характер территориального проживания. Кроме того, в процессе образования, расширения прав и возможностей молодёжи и её развития участвует множество общественных. Это совместное обучение, которое происходит в гармонии либо вне

солидарности с семьей, школой и, наконец, обществом (свободное время, игровые мероприятия, общительность).

В данной статье мы рассмотрим проблемы мировоззренческого кризиса в жизни молодежи во Франции, вызванного трудностями пандемии, в частности ограничения прав молодежи, трансформацию и деградацию нравственных и правовых ценностей, кризис здравоохранения и семейных устоев. Современное состояние во Франции можно назвать крупным социальным кризисом, который ослабляет будущее молодежи.

Следует подчеркнуть, что, начиная с 2000 г. и по настоящее время, происходит трансформация культуры молодежи. Соответственно, многие учёные подчёркивают важность принципов молодежной политики и правовых ценностей, способствующих правовой, социальной и культурной адаптации молодежи [8; 12; 13]. И в России данному вопросу уделяется существенное внимание [1; 2; 3].

Доминирующая проблема данного анализа – это проблема ограничения прав населения Франции и французской молодежи, в частности. Отступления от прав человека, защищаемых на международном уровне, могут осуществляться только «в случае исключительной общественной опасности». Во время кризиса в области экономики, мировоззрения, здравоохранения, как и в другие времена, международная ответственность на государство может быть возложена как на то, что оно активно нарушило какое-либо право человека, так и за то, что оно, будучи пассивным, не приняло необходимых мер по его защите. Таким образом, ему необходимо сбалансировать право на жизнь и свободы, в т. ч. в тех случаях, когда оно рассматривает возможность использования методов отслеживания в целях охраны жизни и здоровья своих граждан всех категорий.

Кроме того, государство должно обеспечить меры, которые не приводили бы к дискриминации, в частности, по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения. Государство

обладает слабой свободой в ограничении экономических, социальных и культурных прав: удовлетворение основной части каждого из этих международных прав должно гарантироваться при любых обстоятельствах. Наконец, более тесный диалог между национальными и международными органами власти в области прав человека мог бы улучшить управление предстоящим кризисом в области здравоохранения: в таком контексте универсализм и суверенизм должны рассматриваться вместе.

В данной статье в соответствии с международным правом мы рассмотрим проблему ограничения прав молодежи и основные меры, которые были приняты во Франции в контексте чрезвычайного положения в области здравоохранения, объявленного с марта 2020 г.

Ограничение прав в государстве свобод

Ограничения прав населения Франции случились в связи с пандемией в 2020 г. и были направлены на минимизацию непосредственного контактирования граждан в общественных местах. Рекомендовалось оставаться дома, закрывались школы, университеты, рестораны, кафе, вводились «досуговые» ограничения, выезды в дневное время в радиусе 1 км, резко ограничилось передвижение людей на внешних границах Шенгенской зоны и внутри нее. Т. е. с 16 марта 2020 г. на фоне объявленной ВОЗ пандемии COVID-19 во Франции резко увеличилось количество вводимых ограничений прав и свобод¹.

¹ См. Указ № 2020-260 от 16.03.2020 "О регулировании передвижения в рамках борьбы с распространением вируса COVID-19", JORF № 0066 от 17.03.2020 [Электронный ресурс] URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000041728476> (дата обращения: 06.06.2021).; "Постановление от 14.03.2020 о некоторых мерах по борьбе с распространением вируса COVID-19", JORF № 0064 от 15.03.2020; "Сообщение комиссии ЕС COVID-19: временное ограничение несущественных перемещений в ЕС (COM(2020) 115) от 16.03.2020" (см. также: "Постановление Европейского парламента и Совета (ЕС) 2016/399 от 9 марта 2016 года о кодексе ЕС, касающемся режима пересечения границ людьми (Шенгенский пограничный кодекс)"; "Декрет

Для многих граждан, не сталкивавшихся с ограничением права на свободу передвижения, такая ситуация стала серьезным испытанием. Для демократических государств такого рода меры были беспрецедентными. Говоря о «домашнем содержании» (режим самоизоляции в столичной Франции был с 17 марта по 11 мая 2020 г.), Эдгар Морин подчёркивает, что даже в Варшавском гетто была возможность передвигаться; но он также говорит, что это гетто было преддверием смерти, в то время как сегодняшнее удержание направлено на защиту жизни¹.

Чрезвычайное положение (ЧП) – это не новое явление для Франции: с 2015 по 2017 гг. оно вводилось несколько раз [4]. Тем не менее, поскольку режим ЧП вводился после нападений, то и его методы отличались от тех, которые применялись в связи с нынешним кризисом в здравоохранении²: тогда меры были направлены главным образом на конкретных лиц – на реального, потенциального или даже виртуального террориста³.

№ 2020-279 от 19.03.2020", "О внесении изменений в декрет № 2020-260 от 16.03.2020", "О регулировании перемещений в рамках борьбы с распространением вируса COVID-19", Ёрфа № 0069 от 20 марта 2020 г.; "Указ № 2020-293 от 23 марта 2020 г., предписывающий общие меры, необходимые для борьбы с эпидемией COVID-19 в рамках чрезвычайного положения в области здравоохранения", JORF № 0072 от 24 марта 2020 г.

¹ Morin E. Cette crise nous pousse à nous interroger sur notre mode de vie, sur nos vrais besoins masqués dans les aliénations du quotidien // Le Monde [сайт]. 2020. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/04/19/edgar-morin-la-crise-due-au-coronavirus-devrait-ouvrir-nos-esprits-depuis-longtemps-confiner-sur-l-immediat_6037066_3232.html (дата обращения: 06.05.2021).

² Чрезвычайное положение в области здравоохранения вступило в силу во Франции 24 марта 2020 г. (Закон № 2020-290 от 23.03.2020 г. "О чрезвычайном положении в связи с эпидемией COVID-19", JORF № 0072 от 24.03.2020); оно было прекращено во Франции 11.07.2020 (Закон № 2020-546 от 11.05.2020 "О продлении чрезвычайного положения в области здравоохранения и дополнении его положений"). См. также: Закон № 2020-856 от 09.07.20 о выходе из чрезвычайного состояния здоровья.

³ См.: CNCDH (национальная консультативная комиссия по правам человека), заключение о контроле за чрезвычайным положением и антитерро-

Кризис в области здравоохранения 2020 г. отличается: «террорист» – это вирус, внутренний «враг рода человеческого», и каждый субъект может быть носителем данного вируса. Учитывая, что одной из конституционных ценностей является безопасность, другой – здоровье, то и цель всех вводимых ограничений – защита жизни.

Соответственно, одной из актуальных задач стало нормативное равновесие правовых принципов и норм, а также формирование правильного баланса интересов в сфере ограничения прав человека [5; 10].

Ограничения присущи правам человека. Они не противопоставляются первым по отношению ко вторым: «сохранение общественных интересов и интересов других не является "другими" правами и свободами, но в значительной степени является условием их действительности» [7].

Кризис здравоохранения в связи с COVID-19 высвечивает тот аспект прав человека, который в «нормальные» времена в большей степени проявляется в импрессионистских штрихах. Он напоминает, что эти права основаны на «постоянной попытке сочетать антагонистические тенденции к притязанию на права и организации прав, одновременные и противоположные потребности в свободе и власти» [11]. Государство, возможно, в некоторых случаях должно ограничивать свободы в целях обеспечения уважения прав других и «удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе»⁴, именно в этом духе были при-

ристическими мерами в законе от 21 июля 2016 г., 26 января 2017 г.: «администрация не относится к нарушению общественного порядка, а скорее опасается перехода к действию, чтобы перейти от объективного общественного порядка к виртуальному общественному порядку» (Серж Слама) – Комитет по юридическим вопросам и правам человека Парламентской ассамблеи Совета Европы, (2017). Чрезвычайное положение: вопросы соразмерности касательно отступлений от обязательств в соответствии со ст. 15 Европейской конвенции о защите прав человека. AS/Jur03. 27.

⁴ Ст. 29 п. 1.2 всеобщей Декларации прав человека; ст. 4 Декларации прав человека и гражданина 1789 г.

няты декреты в марте 2020 г.¹ по борьбе с распространением вируса COVID-19.

Тем не менее, если возможны ограничения прав, существуют и их пределы. Во-первых, в тех случаях, когда государство намерено отступать от прав человека, эта мера должна в соответствии с международными нормами удовлетворять определённым формальным и процедурным требованиям. Кроме того, государству следует обеспечить такие меры, которые бы не приводили к «дискриминации только по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения»². В остальном ограничения – это прежде всего феномены необходимости и соразмерности.

Во-вторых, эта мера должна способствовать достижению цели, быть законной (в данном случае защита здоровья и жизни), а причинённые неудобства не должны быть чрезмерными по сравнению с этой целью; не должно быть и других надлежащих мер, которые были бы менее дорогостоящими с т. зр. свободы. Таким образом, ограничения прав оцениваются в зависимости от обстоятельств, и они не связаны с какой-либо заранее определённой моделью. Эмпиризм, на котором они основаны, может объяснять, что обладатели этих прав иногда сталкиваются с трудностями при определении того, является ли конкретная ситуация нарушением, о чём свидетельствуют опросы, проведённые во Франции или других государствах, в т. ч. среди различных категорий молодых людей [6].

Государство должно обосновать каждую конкретную меру, вытекающую из этой ситуации. Именно на этом этапе усиливается контроль международных органов по правам человека, который должен быть сосредоточен главным образом на последствиях от принятого решения. Речь идёт не столько о том, чтобы судить о причинах, побудивших государство объявить чрезвычайное положение, сколько о кон-

кретных последствиях этого решения для прав человека. Меры, ограничивающие права человека, в соответствии с международными требованиями должны быть «направлены против реальной, явной, настоящей или неминуемой опасности и не подлежат навязыванию из простого страха перед потенциальной опасностью»³. Они также должны быть строго соразмерными, т. е. интенсивность нарушения прав и свобод должна зависеть от серьёзности угрозы⁴. Прежде чем принять такие меры, власти должны убедиться, что другие средства, менее либеральные, явно неэффективны. Таким образом, если ношение масок или массовый скрининг могут быть адекватным ответом на пандемию, следует именно им отдавать предпочтение, а не другим мерам, в частности запретам на выезд, что ставит под вопрос такое решение в случае нехватки необходимого медицинского оборудования⁵. В условиях ЧП отказ от свободы передвижения и собра-

³ Сиракузские принципы о положениях, касающихся ограничений и умаления в международном пакте о гражданских и политических правах. Организация Объединённых Наций. Экономический и социальный совет. Документ ООН E/CN.4/1985/4, Приложение (1985) II.54. E/CN.4/L.985A' Annex page 11). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain?docid=4672bc122> (дата обращения: 06.06.2021).

⁴ Управление Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по правам человека «Чрезвычайные измерения и ковид-19: руководство». 27 апреля 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Events/EmergencyMeasures_COVID19.pdf: «если обязательства по статусу требуют предотвращения распространения COVID-19, то все меры должны быть пропорциональны и ограничены к этим строгим требованиям ситуации».

⁵ Государства должны принимать все необходимые меры для защиты жизни лиц, находящихся под их юрисдикцией (см. ниже), включая «защиту жизни ... от риска заболевания» (Европейский суд по правам человека (суд по правам человека), 1 марта 2001 года, Berktaç c/ Turkey, req. № 22493/93, п. 154). В соответствии с этой юриспруденцией (Суд ЕДП, 29 September 2008, дело Будаева и другие против России, req. № s15339/02, 21166/02, 20058/02, 11673/02 и 15343/02), государство должно проявлять осмотрительность при обеспечении оборудованием, необходимым для реагирования на кризис в области здравоохранения, когда он возникает, или даже до него.

¹ Декрет № 2020-260 от 16.03.2020, Декрет № 2020-279 от 19.03.2020; декрет № 2020-293 от 23.03.2020.

² Ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП) от 16.12.1966.

ний, как правило, является достаточным, по мнению Комитета по правам человека¹. Однако в связи с кризисом COVID-19 были затронуты многие другие права, в частности право на нормальную семейную жизнь, которое было ограничено.

Закон от 23 марта 2020 г. о пандемии COVID-19 позволяет объявить «чрезвычайное положение в области здравоохранения»² в случае бедствий в области здравоохранения, которые по своему характеру и серьёзности ставят под угрозу здоровье населения. Он уполномочивает премьер-министра ограничивать права и свободы различными мерами: «ограничивать или запрещать передвижение людей и транспортных средств в местах и в установленные декретом часы»³, «запрещать людям выходить из своих домов при условии перемещения, строго необходимого для удовлетворения семейных или медицинских потребностей»⁴, или предписывать карантин. Однако эти меры должны быть направлены «исключительно на обеспечение общественного здравоохранения»⁵. Они также должны быть «строго соразмерны рискам для здоровья и соответствующим обстоятельствам времени и места»; кроме того, «они незамедлительно прекращаются, когда они больше не нужны»⁶.

С этой т. зр. можно считать, в частности, что если бы содержание в изоляции было полным (т. е. если бы Государственный совет и власти удовлетворили просьбу врачей, выступавших за такую меру⁷) или было бы продлено чрезмерно с учётом условий здоровья, то квалификация лишения свободы была бы оправданной. Однако режим самоизоляции прекращается после устранения серьёзной опасности заражения, и эта мера может рассматриваться как простое ограничение свободы передвижения.

Возникает вопрос: преодолел ли введённый во Франции режим самоизоляции этот порог вмешательства? Для ответа на этот вопрос в соответствии с прецедентным правом Европейского суда по правам человека должен быть принят во внимание целый ряд критериев, будь то условия, сроки, последствия или условия их осуществления⁸.

«Молодёжь живёт как поколение, принесённое в жертву кризису»

Во французский лексикон вошло новое выражение – «принесённое в жертву поколение»⁹. Оно описывает молодых людей от 18 до 29 лет, которые из-за последствий пандемии коронавируса страдают от безработицы, бедности и депрессии. Им приходится бросать школу или прерывать высшее образование, чтобы обеспечить себя или свою семью, а после выпуска из университета их квалификация будет недостаточной, поскольку занятия проходят в дистанционном формате. Особенно остро проблемам подвержены молодые люди из небогатых семей.

Социальные опросы показывают печальную картину:

- 87% опрошенных реципиентов согласны с утверждением, что молодое поколение в ближайшее десятилетие будет работать только чтобы вернуть долги, взятые во время кризиса,
- 78% уверены, что у них не будет нормальной социальной жизни;
- 66% считают, что они несправедливо обвиняют себя в том, что несут ответственность за возобновление эпидемии;
- 54% уверены, что в результате этого кризиса молодое поколение было принесено в жертву более пожилым французам.

¹ В этом смысле, КПЧ, Замечание общего порядка № 29, *op. cit.*, p. 5.

² Раздел 1 закона № 2020-290 от 23.03.2020 (подчеркнуто в первоначальном тексте).

³ Ст. 2 Закона.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ См.: Государственный совет, постановление от 22.03.2020, *op.cit.*

⁸ См. суд EDH, решение от 08.06.1976, Энгель против Нидерландов, *req. n°* 5100/71; 5101/71; 5102/71; 5354/72; 5370/72.

⁹ Déclaration de M. Emmanuel Macron, président de la République, le 27 mai 2020.: Vie publique. Fr. 28.05.2020. Декларация М. Эммануэля Макрона, Президента Республики от 27.05.2020: Vie publique. Fr. 28.05.2020.

Реальность жизни Французской Республики в течение последнего года такова, что кризис COVID-19 перевернул все стороны жизни, и молодые люди разных возрастов живут плохо. Их преследуют следующие страхи:

- тревога за своё здоровье и здоровье своих близких (40% по сравнению с 53% для всех французов в августе 2020 г.);
- последствия кризиса в области занятости (35% против 29% для всех французов);
- страх перед риском для общественных свобод (25% против 18%)¹.

Очевидно, что кризис в области здравоохранения, ставший экономическим и социальным, разрушает будущее детей, угрожая жизни их родителей. 18–24 года – это возраст, когда человек покидает среднюю школу и семейное гнездо, чтобы строить свою жизнь. Но сегодняшнее поколение вынуждено это делать в условиях кризиса.

Интересно оценить, как кризис влияет на восприятие молодёжи. В споре между защитой жизни и защитой экономики молодые люди сильно разделены: 51% отдаёт приоритет борьбе с пандемией, а 49% ожидают, что правительство в приоритетном порядке будет содействовать улучшению экономического положения (55% – 25–29 лет). Экономический кризис настолько глубок, что 54% молодых людей до сих пор считают, что необходимо поощрять занятость, отменив все меры сдерживания и ограничений.

Молодёжь хорошо осведомлена об экономических проблемах: 24% молодых людей старше 14 лет имели опыт прерывания обучения с начала пандемии, в т. ч. 42% старшеклассников и студентов; 21% – испытывали отмену стажировки на предприятиях и были переведены на дистанционную работу, что существенно ограничило получение первого профессионального опыта, 18% уже пережили увольнение или непродление контракта². Впрочем, «молодые французы

по-прежнему в основном оптимистичны в отношении будущего (62%), а 59% считают, что через 10 лет они будут жить лучше, чем сегодня (по сравнению с 46% в февральском опросе). При этом девушки 25–30 лет менее оптимистичны, чем юноши в целом и младше 20 лет», – говорит Фредерик Даби.

Если смотреть без прикрас на современную социально-экономическую ситуацию, можно отметить тревожные моменты в настроении французской молодёжи:

- 38% пессимистичны (это меньше, чем все французы, 56%);
- 18% считают, что они будут жить хуже через 10 лет;
- 43% сказали, что предпочитают ждать, пока всё не улучшится;
- 56% считают, что общество не даёт им места для успешной трудовой жизни;
- 38% боятся заражения COVID-19;
- 26% считают, что слишком много ожидания для назначения³.

Ещё несколько цифр из исследования «Франс Инфо». Во время опроса, который был проведён в середине января 2021 г., более 30% молодых французов отметили, что уже консультировались с психологом или планируют это сделать. Это на 6% больше, чем для всех французов. По словам Лорана Гербо, президента Ассоциации директоров медицинских учреждений университета, во время первого волны ограничений запросы на психологическую консультацию в этих службах выросли с 56% до 83% в разных учреждениях. У службы помощи Nightline (бесплатная психологическая помощь студентам, работающая каждый день с 21:00 до середины ночи) количество звонков выросло на 40%, особенно весной 2020 г.⁴

¹ Enquête flash réalisée entre le 28 avril et le 7 septembre auprès 550 participants représentant 340: Udaf

² COVID-19: santé, éducation, emploi, quelles incidences pour les jeunes? Vie publique. Fr.: 30.11.2020.

³ Impact du confinement sur le niveau de dépenses mensuelles (Source: Unaf, Suivi de 70 ménages dans les services d'accompagnement budgétaire de 7 Udaf) : Enquête Acemo-COVID Avril (Dares) [Электронный ресурс]. URL: https://dares.travail-emploi.gouv.fr/IMG/xlsx/dares_resultats_enquete_acemo-COVID_17-04-2020.xlsx4; https://dares.travailemploi.gouv.fr/IMG/pdf/dares_tdb_marche-travail_crise-sanitaire_19_05_20.pdf5.

⁴ COVID-19: santé, éducation, emploi, quelles incidences pour les jeunes? Vie publique: 30.11.2020

Ограничения в процессе образования и проблемы в семье

Закрытие школ и экстренный переход на дистанционное обучение были сопряжены с проблемами, обусловленными главным образом недостаточным техническим оснащением (неготовность инфраструктуры массового дистанционного образования), отсутствием или слабой подготовкой педагогов к работе в новых условиях. Эти и другие проблемы бросили вызов системе образования в критической ситуации.

Одновременно наряду с определёнными проблемами новый формат обучения предоставил широкий спектр возможностей и перспектив для изменения и совершенствования образовательных систем, для которых критическая ситуация создаёт форсированные условия.

По оценкам преподавателей, несмотря на переход на дистанционный формат обучения, 68% учащихся вполне удовлетворительно справились с учебной программой. В государственных колледжах таких учеников 49%, а среди старшеклассников – 58%¹.

По данным министра образования, от перехода на дистанционное образование больше всего пострадали ученики младшей школы. Проведённое в сентябре 2020 г. тестирование показало, что ученики начальных классов демонстрируют ухудшение навыков по чтению и письму, тогда как пятиклассники в целом лучше справились с заданиями по сравнению с 2019 г.

Инспекция деятельности учебных заведений отмечает возросший уровень самостоятельности старших школьников в этот период – примерно у 85% учащихся. Логично, что важнейший навык работать автономно и разумно развивался в период пандемии (самоорганизация, общение с учителями, выполнение и передача заданной работы).

С другой стороны, учащиеся столкнулись с целым рядом проблем мировоззренческого и психологического характера: отсутствием мотивации, трудностями

в понимании учебного материала, проблемами с подключением к интернету и организацией онлайн уроков, правовыми ограничениями по социальному статусу, выраженными в усилении фактора неравенства между учащимися.

Проблемы в организации учебного процесса инициировали и проблемы в семейном микроклимате, во взаимоотношениях в семье.

Согласно данным опроса, 30% французов оказались закрытыми со своими детьми в возрасте до 18 лет в квартирах, в лучшем случае, в своих домах; в 33% домохозяйств, по крайней мере, 1 ребёнок учился дистанционно в школе или колледже. 47% опрошенных сообщили, что период изоляции всей семьи в одном помещении привел к ухудшению отношений между родителями и детьми, особенно если речь идёт о дистанционной работе учащихся под контролем родителей (18%) и в неполных семьях (13%).

Социологический опрос, проведённый среди учителей, позволил понять масштабы риска отсева учеников из школ: 20% учащихся отстранены от учебы с начала пандемии, среди учащихся назрели многочисленные конфликты и разобщение, активизировались так называемые «абордажники», которые увеличивают ряды учеников, которым грозит срыв.

Среди педагогического состава также назрел кризис. Многие преподаватели готовы уйти из профессии из-за:

- потери смысла в работе – 75%;
- плохих условий труда и отсутствия цифровых материалов – 56%.

Масштабы ситуации требуют беспрецедентных усилий по поддержке учителей со стороны государства, администрации образовательных учреждений и общества, чтобы они могли наилучшим образом справляться с текущими трудностями: сопровождать рекордное количество хрупких учеников путём персонализации учебных предложений; способствовать социализации, сохраняя при этом барьеры и физическую дистанцированность; поддерживать учеников, выявивших психологические слабости.

¹ Там же.

Из доклада парламентского расследования, проведённого Мари-Джордж Баффет (PCF) и Сандрин мерч (LREM) в декабре 2020 г. о влиянии кризиса COVID-19 на молодых людей следует, что из-за закрытия университетов и нестабильности, вызванной различными последствиями пандемии, каждый 6-й молодой человек был вынужден прекратить учёбу¹.

Право на образование должно защищаться при закрытии школ, например, в максимально возможной степени посредством доступного и адаптированного электронного обучения и специализированных радио- и телепрограмм.

Девочкам приходится тяжелее, т. к. они вынуждены взять на себя часть семейных обязанностей, и это влияет на посещение школы и обучение в целом. Кроме того, ограниченные возможности в области образования для людей, не имеющих доступа к интернету и другим средствам дистанционного обучения, усугубляют неравенство и нищету. Дети также лишаются доступа к продуктам питания и другим услугам, предоставляемым школами, например, к урокам по вопросам психического, сексуального и репродуктивного здоровья.

Необходимо, чтобы системы социальной защиты уделяли особое внимание детям в силу их уязвимости, обусловленной ранним уровнем физического, интеллектуального и эмоционального развития.

Трансформация ценностей молодёжи

Разговор о трансформации ценностей молодёжи очень важен, поскольку триада «семья – работа – друзья и отношения» находится на вершине иерархии предпочтений, выражаемых молодёжью (84%, 68% и 61%), за которой следуют досуг (44%) и, что значительно отстаёт, политика и религия (5% предпочтений для каждой области). Семейная сфера относится к двойному взаимному ожиданию: молодые люди не только придерживаются предписания любить и уважать родителей,

но и ждут от них больших инвестиций. Привязанность к семье у молодых людей стала сильнее, в этой области уровень ожиданий поколений сблизился. Такое сближение наблюдается в меньшей степени в сфере работы, которая относится к области личной реализации. Но проявляется это у молодёжи, конечно, в меньшей степени, чем у взрослых, что, вероятно, объясняется тем фактом, что молодые люди менее восприимчивы к субъективным последствиям её лишения.

Кризис также повлиял на эмоциональность и общительность. Меры по сдерживанию резко усилили чувство изоляции среди населения – с 16% до 38% (в большей степени среди женщин), а среди молодёжи этот уровень вырос до 46%.

Национальная обсерватория физической активности и малоподвижности при участии Министерства спорта провела крупное исследование населения Франции – 28 400 участников всех возрастов. В целом по стране физическая активность людей в период ограничений мало изменилась. Однако для двух возрастных категорий эта тенденция была уникальной:

- 37% детей увеличили физическую активность по сравнению с 42%, которые сократили;
- 60% подростков сократили физическую активность, а 19%, наоборот, увеличили.

Т. е. подростки стали более пассивными в физических нагрузках, чем дети: 58% против 34%. Тем не менее эти две возрастные категории совпадают в динамике «экранного» времени в период вынужденной изоляции дома: увеличение на 62% у детей и на 69% у подростков. Таким образом, малоподвижная деятельность (смартфоны, телевидение, видео) увеличилась более чем на 50% – с 22,6 ч в неделю (до введения изоляции) до 33,3 ч во время пандемии. Среди подростков эта эволюция наиболее примечательна². Пассивное времяпрепровождение увеличилось в основном за счёт снижения динамичной активности. В нача-

¹ COVID-19: un 2e confinement national à compter du 29 octobre minuit. Vie publique. Fr: 30.10.2020.

² OFCE Policy Brief 67, 6 mai 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ofce.sciences-po.fr/pdf/pbrief/2020/OFCEpbrief67.pdf> (дата обращения: 06.06.2021).

ле марта 2020 г. школьники тратили 6,1 ч в неделю на физическую активность (спорт, ходьба, езда на велосипеде), а во время сдерживания это время сократилось до 5,5 ч. В общую активность детей входит и домашняя деятельность, разделяемая с членами семьи (DIY, садоводство, кулинария), которая логически увеличилась между двумя периодами с 2,6 ч/неделю до 4,1 ч/неделю.

Печальным следствием ограничения свободы и изменения ритма жизни молодёжи в образовании, спорте, культурном досуге стал рост зависимости этой категории населения от табака. Потребление алкоголя остаётся стабильным среди молодёжи, при том что регулярное употребление алкоголя немного растёт среди школьников: в 2015 г. потребляли алкоголь не менее 10 раз в месяц 14,8%, в 2020 г. – 16,7%¹.

В средней школе употребление алкоголя встречается нечасто (9,3%), в старших классах оно широко распространено и затрагивает почти 9 из 10 выпускников (88,7%)².

Если говорить о молодёжи от 18 до 25 лет, здесь самой большой проблемой явилось трудоустройство: в третьем квартале 2020 г. 619 000 молодых людей этой возрастной категории (21,8%) не имели работы. Количество безработных среди молодёжи выросло на 16%! Уровень занятости в этой возрастной группе сократился в 4 раза по сравнению с населением в целом. Кроме того, в этой возрастной группе наибольшая нестабильность в сфере занятости: в 2019 г. 52,7% молодежи 15–24 лет были заняты только в рамках краткосрочных контрактов³.

Итак, меры сдерживания, которые приняло правительство Франции с целью ограничения распространения вируса COVID-19, отрицательно влияют на физическое, психическое и социальное здоровье молодёжи.

Заключение

Анализ показал, что некоторые государственные меры, принятые во Франции в связи с кризисом в области здравоохранения, ставят под вопрос «нормальное» функционирование международных конвенций по правам человека. Разумеется, право на свободу и безопасность узко истолковывается международными органами по правам человека: оно не даёт права делать то, что мы хотим, или идти, куда нам заблагорассудится; оно является «только» выражением физической свободы. Таким образом, сдерживание или правила социальной дистанции [9] в принципе не вписываются в его сферу.

Глобальный финансовый, социальный, мировоззренческий кризис 2020 г., кризис в области здравоохранения, в непропорционально большой степени затронул молодёжь, различные категории молодых людей, которые в большей степени подвержены риску трудоустройства в неформальном секторе и часто имеют низкооплачиваемую, менее безопасную и менее защищённую работу. Для того чтобы снизить социальное напряжение, государство должно обеспечить меры по смягчению последствий пандемии, учитывающие конкретные условия жизни молодёжи, и по защите их прав, в т. ч. посредством обеспечения достойной работы и социальной защиты. Государство должно уделять больше внимания потребностям в области защиты детей и правам молодёжи при разработке и осуществлении своих планов реагирования и восстановления в случае пандемии. Интересы молодого поколения должны быть первостепенными и стоять в основе всех государственных действий. Правительствам, государственному и частному секторам, а также международным и национальным организациям следует обмениваться передовым опытом, направленным на смягчение негативных социально-экономических последствий кризиса, вызванного пандемией COVID-19.

Статья поступила в редакцию 17.02.2021.

¹ OFCE Policy Brief 67, 6 mai 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ofce.sciences-po.fr/pdf/pbrief/2020/OFCEpbrief67.pdf> (дата обращения: 06.06.2021).

² OFCE Policy Brief 67, 6 mai 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ofce.sciences-po.fr/pdf/pbrief/2020/OFCEpbrief67.pdf>

³ Au sens du Bureau International du Travail. URL: <https://www.insee.fr/fr/metadonnees/definition/c1129>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришанова А. Г., Кожевникова Н. И. Демографическое и миграционное развитие России: восточный вектор (вопросы теории) // Миграционное право. 2019. № 3. С. 6–9.
2. Исаева А. А. Правовые основы религиозной безопасности в информационном пространстве российского общества // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 16–20.
3. Певцова Е. А., Алешкова И. А. Принципы государственной молодежной политики: тенденции и особенности развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 51–59.
4. Boucobza I., Hennette-Vauchez S. L'état d'urgence dans la durée: comédie dramatique en plusieurs actes // La Revue des droits de l'homme. 2017. № 12. P. 1–19.
5. Bris Le C. Du juste équilibre: les limitations aux droits de l'homme en période de crise sanitaire (Première partie) [Электронный ресурс] // La Revue des droits de l'homme. 2020. URL: <http://journals.openedition.org/revdh/10551> (дата обращения: 05.05.2021).
6. Clémence A., Doise W., Silvana de Rosa A., Gonzalez L. La représentation sociale des droits de l'homme: Une recherche internationale sur l'étendue et les limites de l'universalité // International Journal of Psychology. 1995. Vol. 30. Iss. 2. P. 181–212.
7. Drooghenbroeck S., Delgrange X. Le principe de proportionnalité: retour sur quelques espoirs déçus // Revue du droit des religions. 2019. № 7. P. 41–61.
8. Galland O. Sociologie de la jeunesse. Paris, 2011. 256 p.
9. Greene A. States should declare a State of Emergency using Article 15 ECHR to confront the Coronavirus Pandemic [Электронный ресурс]. URL: <https://strasbourgobservers.com/2020/04/01/states-should-declare-a-state-of-emergency-using-article-15-echr-to-confront-the-coronavirus-pandemic/> (дата обращения: 06.05.2021).
10. Lochak D. Droit, normalité et normalization [Электронный ресурс]. URL: <https://extra.u-picardie.fr/outilscurapp/medias/revues/13/loschak.pdf> (дата обращения: 06.05.2021).
11. Mourgeon J. Les droits de l'homme. France: Presses Universitaires de France, 2003. 128 p.
12. Octobre S. Nouvelles cultures et institutions de transmission [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lecturejeunesse.org/articles/nouvelles-cultures-et-institutions-de-transmission/> (дата обращения: 06.05.2021).
13. Loncle-Moriceau P. Youth policies in France: old trends and new tendencies [Электронный ресурс]. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01149443/document> (дата обращения: 06.05.2021).

REFERENCES

1. Grishanova A. G., Kozhevnikova N. I. [Demographic and Migration Development of Russia: Eastern Vector (Theoretical Issues)]. In: *Migratsionnoe pravo* [Migration law], 2019, no. 3, pp. 6–9.
2. Isaeva A. A. [Legal foundations of religious security in the information space of Russian society]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2019, no. 10, pp. 16–20.
3. Pevtsova E. A., Aleshkova I. A. [Principles of State Youth Policy: Trends and Features of Development]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2020, no. 3, pp. 51–59.
4. Boucobza I., Hennette-Vauchez S. L'état d'urgence dans la durée: comédie dramatique en plusieurs actes. In: *La Revue des droits de l'homme*, 2017, no. 12, pp. 1–19.
5. Bris Le C. Du juste équilibre: les limitations aux droits de l'homme en période de crise sanitaire (Première partie). In: *La Revue des droits de l'homme*, 2020. Available at: <http://journals.openedition.org/revdh/10551> (accessed: 05.05.2021).
6. Clémence A., Doise W., Silvana de Rosa A., Gonzalez L. La représentation sociale des droits de l'homme: Une recherche internationale sur l'étendue et les limites de l'universalité. In: *International Journal of Psychology*, 1995, vol. 30, iss. 2, pp. 181–212.
7. Drooghenbroeck S., Delgrange X. Le principe de proportionnalité: retour sur quelques espoirs déçus. In: *Revue du droit des religions*, 2019, no. 7, pp. 41–61.
8. Galland O. Sociologie de la jeunesse. Paris. 2011, 256 p.
9. Greene A. States should declare a State of Emergency using Article 15 ECHR to confront the Coronavirus Pandemic. Available at: <https://strasbourgobservers.com/2020/04/01/states-should-declare-a-state-of-emergency-using-article-15-echr-to-confront-the-coronavirus-pandemic/> (accessed: 06.05.2021).
10. Lochak D. Droit, normalité et normalization. Available at: <https://extra.u-picardie.fr/outilscurapp/medias/revues/13/loschak.pdf> (accessed: 06.05.2021).

11. Mourgeon J. Les droits de l'homme. France: Presses Universitaires de France, 2003. 128 p.
12. Octobre S. Nouvelles cultures et institutions de transmission Available at: <http://www.lecturejeunesse.org/articles/nouvelles-cultures-et-institutions-de-transmission> (accessed: 06.05.2021).
13. Loncle-Moriceau P. Youth policies in France: old trends and new tendencies Available at: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01149443/document> (accessed: 06.05.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бенкрид Джамел – доктор философии, профессор права и экономики, профессор политических наук и социологии высшего образования Академии Парижа, Университета Париж-3 Эколь Прогре; e-mail: djamelbenkrid@yahoo.fr

Лезьер Виктория – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета, Президент Центра культуры и познания; e-mail: vika_64@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bencrid Jamel – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., University of Paris-3; e-mail: djamelbenkrid@yahoo.fr

Lezier Victoria – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tyumen Industrial University. President of the Center for Culture and Knowledge; e-mail: vika_64@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бенкрид Д., Лезьер В. Ограничения прав и трансформация ценностей молодёжи во Франции в период пандемии: семья, образование, здоровье // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 2. С. 39–50.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-39-50

FOR CITATION

Bencrid J., Lezier V. Restrictions and Values Transformation of Youth in France During the Pandemic: Family, Education, Health. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 2, pp. 39–50.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-39-50

УДК 342.532

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-51-65

ВОЗДЕЙСТВИЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ НА ПРАВИТЕЛЬСТВА В СТРАНАХ СНГ

Какителашвили М. М.*Университет прокуратуры Российской Федерации**117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, к. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить зависимость правительств от парламентских партий в странах СНГ.

Процедура и методы. В статье рассматриваются конкретные примеры зависимости правительств от парламентских партий в странах СНГ. При проведении исследования применены общенаучные методы познания (диалектический, анализа и синтеза и др.), а также социологический, исторический, сравнительно-правовой, формально-правовой и др.

Результаты. В ходе работы сделан вывод о наличии общей тенденции к увеличению влияния политических партий на правительства. Выявлены и систематизированы законодательные положения, по которым можно определить степень влияния парламентских партий на правительство в государствах – участниках СНГ.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят определённый вклад в теорию конституционного права. Предложенные выводы могут использоваться для совершенствования российского законодательства.

Ключевые слова: политическая партия, парламент, правительство, фракция, президент, председатель правительства

THE IMPACT OF THE PARLIAMENTARY PARTIES ON THE GOVERNMENTS IN THE CIS COUNTRIES

M. Kakitelashvili*University of Prosecutor's office of the Russian Federation**2-1, Azovskaya ul., Moscow, 117638, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the dependence of governments on parliamentary parties in the CIS countries.

Methodology. The article deals with specific examples of the dependence of governments on parliamentary parties in the CIS countries. The research uses general scientific methods of cognition (dialectical, analysis and synthesis, and others), as well as sociological, historical, comparative legal, formal legal, and others.

Results. In the course of work, the author comes to the conclusion that there is a general tendency to increase the influence of political parties on governments. The author identifies and systematizes the legislative provisions that can be used to determine the degree of influence of parliamentary parties on the government in the CIS member states.

Research implications. The results of the study make a certain contribution to the theory of constitutional law. The proposed conclusions can be used to improve the Russian legislation.

Keywords: political party; parliament; government; faction; president; prime minister

Введение

Конституционные изменения¹, одобренные 1 июля 2020 г. на общероссийском голосовании, установили новые полномочия Федерального Собрания Российской Федерации – формировать и контролировать правительство РФ. Так, в октябре 2020 г. Государственная Дума Федерального Собрания РФ впервые утвердила 5 министров и нового заместителя председателя Правительства РФ².

Для российских политических партий как единственного объединения граждан, которое обладает правом выдвигать кандидатов (списки кандидатов) в депутаты Государственной Думы РФ и на иные выборные должности в органах государственной власти³, наступил новый этап развития, который потребует существенных изменений в правовом регулировании и деятельности политических партий в России [4, с. 19].

Проведённое сравнительно-правовое исследование должно помочь Российской Федерации воспринять положительный опыт действующего в государствах – участниках Содружества Независимых Государств (СНГ) института парламентаризма.

Для российского законодательства и правоприменительной практики наиболее близок опыт деятельности политических партий в государствах – участниках СНГ. Правовое исследование зарубежного опыта всегда имеет определённую пользу для отечественной науки, тем более опыта стран, имеющих схожие историю, правовую систему, совокупность взглядов на принципы государственного строительства.

В настоящее время в число государств – участников СНГ входят: Республика

Азербайджан, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан, Украина, кроме того, ассоциированным членом организации является Республика Туркменистан⁴. Все эти страны, ранее входившие в состав СССР, имеют правовой институт многопартийности с 30-летней историей, формирование которого ещё продолжается.

Влияние политических партий на формирование правительства

Как справедливо заметил В. Б. Евдокимов, несмотря на всю важность участия партий в работе парламента, главной задачей для них всё-таки остаётся завоевание правительственной власти, воздействие на формирование и деятельность правительства [5, с. 133].

И. Сота более категоричен, полагая, что партии, которые не участвуют в формировании правительства, не несут никакой ответственности перед избирателем за проводимый курс, а потому их единственная цель – преодоление барьера прохождения на парламентских выборах, чтобы попасть в парламент, такой же декоративный по своей роли, как и сами партии [18, с. 46].

По степени влияния политических партий на формирование правительств государств – участников СНГ можно подразделить на следующие группы.

Во-первых, это группа государств, где на конституционном уровне закреплено формирование правительства, правящими партиями (коалициями партий). К этой группе государств мы относим: Армению, Молдавию, Россию, Киргизию и Украину.

В Молдавии и Армении лидеры партийных фракций (коалиции партий), име-

¹ Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

² Замахина Т. Министры с портфелями // Российская газета. 2020. 10 окт.

³ См.: п. 1 ст. 38 Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях».

⁴ Статус ряда стран как членов СНГ неоднозначен. Автор руководствуется позицией Исполнительного комитета СНГ по данному вопросу [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cis.minsk.by/map> (дата обращения: 05.04.2021).

ющих большинство мест в парламенте, возглавляют правительства.

Так, в ст. 149 Конституции Республики Армении установлено, что премьер-министром назначается кандидат от политической партии (коалиции партий) имеющей большинство в Национальном Собрании Республики Армении.

Президент Республики Армении в соответствии с со ст. 150 Конституции обязан в 3-дневный срок либо назначить вице-премьеров и министров, либо обратиться в Конституционный Суд.

Полагаем, что в данной процедуре утверждения вице-премьеров и министров, президенту отведена скорее пассивная роль. Поскольку в случае невыполнения президентом своих обязанностей назначение вице-премьеров и министров происходит в силу права.

Таким образом, на конституционном уровне в Армении определена ключевая роль участия парламентских партий в формировании правительств этих стран. В конституциях этих стран всецело закреплена ответственность правительств перед парламентом.

Существенна роль партийных фракций при формировании правительств Республики Молдова. Во главе государства фактически находится премьер-министр. В свою очередь, Президент Молдавии вправе выдвигать кандидатуру на должность премьер-министра только после консультаций с парламентскими фракциями. Выдвинутый на должность премьер-министра в 15-дневный срок просит парламент выразить вотум доверия всему составу правительства.

В соответствии со ст. 98 Конституции Республики Молдова только на основании полученного вотума доверия парламента, президент вправе назначить правительство.

Отсутствие парламентского большинства Молдавии в 2019 г., а вследствие и невозможность избрания премьер-министра спровоцировали серьёзный правительственный кризис [2, с. 115].

Конституция и Закон Республики Узбекистан от 06.05.1993 № 818-ХП «О Кабинете Министров Республики Узбекистан» устанавливает приоритет политических партий, представленных в парламенте, в вопросе формирования правительства. Так, кандидатура премьер-министра предлагается президенту политической партией (коалицией партий), имеющей наибольшее количество депутатских мандатов в нижней палате парламента. Парламент Узбекистана в 10-дневный срок утверждает премьер-министра.

Кандидатуры в члены кабинета министров Республики Узбекистан предварительно рассматриваются в профильном комитете, затем партийными фракциями и депутатскими группами, и только затем получают одобрение на заседании Законодательной палаты.

После одобрения Законодательной палатой Республики Узбекистан, по представлению премьер-министра, президент утверждает кандидатов в члены правительства. При этом члены правительства освобождаются от должности по инициативе президента.

В соответствии с Конституцией Украины наибольшая парламентская фракция (коалиция фракций) наделена полномочиями выдвигать предложения по кандидатуре на должность премьер-министра Украины. Указанную кандидатуру в Верховную Раду вносит президент. Важно отметить, что министры обороны и иностранных дел назначаются Верховной Радой по представлению президента, другие члены кабинета министров назначаются Верховной Радой Украины по представлению премьер-министра Украины (ст. 114).

Количество и перечень должностей сформированного кабинета министров Украины определяется Верховной Радой Украины по представлению премьер-министра одновременно с назначением персонального состава кабинета министров (ст. 6 Закона Украины от 27.02.2014 № 794-VII «О Кабинете Министров Украины»).

Например, в соответствии с ч. 7 ст. 83 Конституции Украины и ст. 61 Регламента Верховной Рады Украины в марте 2010 г. правящая коалиция «Стабильность и реформы»¹ в Верховной Раде Украины утвердила правительство представителя «Партии регионов» Н. Азарова. Парламентские партии «Свобода», «Батькивщина» и «Удар» заняли оппозицию к правящей коалиции в парламенте.

В феврале 2014 г. правительство Украины было сформировано на основе соглашения парламентских партий «Свобода» и блоком «Батькивщина». Представители этих партий заняли ведущие посты в правительстве [14, с. 156].

В Российской Федерации предложения о формировании парламентским большинством правительства РФ не единожды подымались в науке [20, с. 83] и в Государственной думе РФ².

Впервые правительство парламентского большинства в российской практике было сформировано в 1998–1999 гг. под председательством Е. М. Примакова. В правительстве РФ были представлены: КПРФ – первый заместитель председателя Ю. Д. Маслюков, Аграрной партии России – заместитель председателя Г. В. Кулик, ЛДПР – заместитель председателя С. В. Калашников, Яблоко – министр финансов М. М. Задорнов и др. [10, с. 372]. В российской правоприменительной практике таких примеров больше не было.

Несмотря на то, что Конституция РФ до изменений, принятых в июле 2020 г., не предусматривала формирования правительства РФ политической партией парламентского большинства, правоприменительная практика свидетельствует о

доминировании членов такой партии в правительстве РФ.

Так, в состав правительства РФ от 21 января 2020 г., возглавляемого М. В. Мишустиным, вошёл 31 человек, из них 15 являются членами политической партии «Единая Россия»: заместитель председателя правительства Т. А. Голикова, В. В. Абрамченко, Ю. П. Трутнев, министр иностранных дел С. В. Лавров, министр обороны С. К. Шойгу, министр науки и высшего образования В. Н. Фальков, министр по развитию Дальнего Востока и Арктики А. А. Козлов, министр природных ресурсов и экологии Д. Н. Кобылкин, министр промышленности и торговли Д. В. Мантуров, министр строительства и жилищно-коммунального хозяйства В. В. Якушев, министр транспорта Е. И. Дитрих, министр финансов А. Г. Силуанов, министр экономического развития М. Г. Решетников, министр энергетики А. В. Новак, министр юстиции К. А. Чуйченко.

В правительстве РФ, возглавляемым Д. А. Медведевым, председателем политической партии «Единая Россия», в мае 2018 г. было 22 члена партии «Единая Россия».

Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» наделил Государственную думу РФ полномочиями утверждать заместителей председателя правительства РФ и министров, за исключением ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности.

Важно подчеркнуть, что Президент РФ не вправе отказать в назначении на должность кандидатурам заместителей председателя Правительства РФ и министров, которые были утверждены Государственной думой РФ. Председатель Правительства РФ самостоятельно вносит кандидату-

¹ В коалицию депутатских фракций «Стабильность и реформы» в Верховной Раде Украины 6-го созыва в составе 235 народных депутатов вошли: фракция Партии регионов; фракция Коммунистической партии Украины; фракция «Блок Литвина» (Народная Партия, Трудовая партия Украины); народные депутаты.

² Грызлов Б. В. Правительство должна формировать победившая партия // RIA: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20030329/358728.html> (дата обращения: 06.06.2021).

ры своих заместителей и министров в Государственную думу РФ.

Иной порядок назначения на должности предусмотрен для министров, в ведение к которым отнесены вопросы обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности, которых назначает Президент РФ после консультаций с Советом Федерации РФ.

Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ фактически легитимизирует уже сложившиеся общественные отношения, когда правительство формируется из числа представителей (кандидатов) политической партии, имеющей большинство мандатов в парламенте.

Ко второй группе относятся государства (Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Таджикистан и Туркменистан), в которых роль политических партий в формировании правительства наименьшая. В этой группе стран президентам предоставлено право назначать министров по своему усмотрению, без учёта мнения партийных фракций или членов парламента. Как правило, в этих странах совмещены посты лидера правящей партии и главы государства (Азербайджан, Казахстан), либо посты президента и председателя правительства (Таджикистан).

Например, согласно Конституции Азербайджанской Республики исполнительная власть принадлежит президенту, который наделён полномочиями с согласия парламента назначить премьер-министра и самостоятельно освободить его от должности. Президент Азербайджанской Республики вправе единолично назначать на должность и освобождать от должности членов кабинета министров (ст. 99). Обращает на себя внимание норма ст. 118 Конституции, дающая президенту право в принципе без согласия парламента назначить на должность премьер-министра. Парламент и его фракции, по сути, никак не влияют на формирование правительства в Азербайджанской Республике.

Согласно Конституции Республики Беларусь, исполнительную власть осуществляет правительство – Совет министров Республики Беларусь. Премьер-министр Республики Беларусь назначается президентом Республики Беларусь с согласия палаты представителей. Решение по этому вопросу принимается палатой представителей не позднее чем в 2-недельный срок со дня внесения предложения по кандидатуре премьер-министра. В случае двукратного отказа в даче согласия на назначение премьер-министра палатой представителей президент Республики Беларусь вправе назначить исполняющего обязанности премьер-министра, распустить палату представителей и назначить новые выборы (ст. 106).

В Республике Казахстан установлена процедура согласования президентом кандидатуры премьер-министра с представителями партийных фракций. Затем кандидатура премьер-министра назначается президентом с обязательного согласия нижней палаты парламента. Министры иностранных дел, внутренних дел, обороны, юстиции назначаются президентом самостоятельно, остальные члены правительства – по представлению премьер-министра (ст. 64 Конституции Республики Казахстан).

Стоит заметить, что норма, вовлекающая политические партии в процесс формирования правительства Республики Казахстан, появилась в 2017 г., когда в конституционный закон от 16.10.1995 г. «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов» была внесена ст. 22 «Проведение консультаций с Мажилисом Парламента по кандидатурам для назначения на должности членов Правительства». Как справедливо отмечает Р. Е. Жакупов, введение подобных консультаций носит в большей степени декларативный, чем обязывающий характер, но свидетельствует о возрастании роли парламентских партий в формировании Правительства Казахстана [6, с. 126].

Главенствующая роль в формировании правительства принадлежит пре-

зиденту в Республике Таджикистан. Согласно Конституции Республики Таджикистан, председателем правительства Республики Таджикистан является президент Республики Таджикистан (ст. 64). Аналогичная норма содержится в конституционном законе Республики Таджикистан от 12.05.2001 № 28 «О Правительстве Республики Таджикистан» (ст. 5). Члены правительства после назначения президентом и утверждения на совместном заседании палат парламента приносят присягу президенту (ст. 73 Конституции Республики Таджикистан).

Обособлено от разграниченных нами выше 2-х групп государств – участников СНГ находится Республика Туркменистан, где политические партии и парламент никак не влияют на формирование правительства.

В Республике Туркменистан, также как и в Таджикистане, председателем кабинета министров является президент Туркменистана (ст. 91 Конституции Туркменистана). Но при этом структура и состав кабинета министров утверждаются и изменяются президентом Туркменистана единолично (ст. 5 Закона Туркменистана от 24.11.1995 г. № 82-1 «О Кабинете министров Туркменистана»).

Проведённый анализ выявил ряд общих и особенных характеристик воздействия политических партий на формировании правительства.

Посредством парламента в государствах – участниках СНГ политические партии влияют на деятельность правительства. В зависимости от институционального дизайна, уровень влияния политических партий на деятельность правительства может варьироваться.

Наибольшим объёмом полномочий, влияющих на правительство, обладают политические партии в парламентских республиках (Армения, Киргизия). Партийные фракции (коалиции партийных фракций) в парламентских республиках формируют правительство. Причём члены правительства, как правило, являются членами той или оной партии. Партийное правитель-

ство отправляется в отставку если поддерживающая его партийная фракция (коалиция партий) теряет большинство мест в парламенте. Законодательно установлена ответственность правительства и его членов перед парламентом.

Другие правоотношения складываются в президентских республиках. Парламентские фракции и политические партии, особенно в условиях персонализации президентской власти, не оказывают никакого влияния на правительство. Так, Конституция Азербайджанской Республики устанавливает подчинённость и подотчётность кабинета министров президенту (ст. 114). Президент единолично назначает на должность и освобождает от должности министров, принимает решение об отставке кабинета министров (ст. 109), а в день вступления в должность и начала исполнения своих полномочий вновь избранного президента кабинет министров подаёт в отставку (ст. 116).

Члены правительства Республики Таджикистан после назначения приносят присягу президенту (ст. 73 Конституции Республики Таджикистан).

Общим для стран СНГ является наличие конституционных норм, предусматривающих утверждение кандидатуры председателя правительства (премьер-министра) парламентом и, следовательно, косвенное, но влияние партий на формирование правительства.

Исключением является единоличный порядок формирования правительства президентом Туркменистана. В Конституции Республики Туркменистан установлено, что председателем кабинета министров Туркменистана является президент (ст. 91). Кабинет министров формируется президентом лично, а также слагает полномочия перед вновь избранным президентом (ст. 92).

Однако необходимо учитывать, что сам парламент Туркменистана стал многопартийным относительно недавно – в 2013 г.

В ряде стран (Армения, Молдавия, Россия, Киргизия и Украина) влияние политических партий на формирование пра-

вительства носит существенный характер. Наибольшее влияние на формирование правительства имеют партии при парламентской форме правления (Армения, Молдова).

Характерна общая тенденция наделения политических партий существенным влиянием на формирование правительств. Наиболее отчётливо эта тенденция проявляется в российском законодательстве и правоприменительной практике. Так, парламентские партии уже в 90-е гг. имели опыт формирования «коалиционного правительства».

С принятием в 2001 г. Федерального закона «О политических партиях» и образования т. н. «партии власти», посты в правительство РФ стало занимать руководство политической партии «Единая Россия», обладающей квалифицированным большинством в Государственной думе РФ.

Принятый Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ значительно расширяет полномочия политических партий по формированию Правительства РФ за счёт полномочий президента РФ. Учитывая, что политическая партия «Единая Россия» поддерживает общий политический курс президента РФ и его правительства [13, с. 121], в дальнейшем возможна ситуация, когда председателем правительства станет руководитель партии парламентского большинства [20, с. 83].

Препятствуют повышению влиянию политических партий на формирование правительства персоналистские политические режимы в Азербайджане, Белоруссии, Таджикистане и Туркменистане.

В. Б. Евдокимов в своём исследовании, в зависимости от соотношения и расстановки сил партий в парламенте, выделяет различные виды правительств:

- «партийное правительство» – сформировано политической партией, имеющей абсолютное большинство голосов в парламенте;
- «коалиционное правительство» – сформировано из представителей двух или более партий;

- «правительство меньшинства» – сформировано из одной или нескольких партий, которым даже вместе взятым принадлежит меньше половины мест в парламенте.

Рассматривая правительства, сформированные под влиянием политических партий, следует отметить, что наибольший потенциал стабильности имеют однопартийные правительства. «Коалиционные правительства», сформированные несколькими парламентскими фракциями, отличает нестабильность, которая порой приводит к парламентскому и правительственному кризису [17, с. 191]. Поэтому представляется важным законодательное установление квалифицированного большинства, необходимого для образования парламентского большинства и формирования правительства, как, например, это установлено в конституционном законодательстве Армении.

Полагаем, что в целях полноценной активизации партийного кадрового резерва выдвижение конкретных кандидатур в состав правительства может и должно исходить от политических партий, имеющих фракции в парламенте.

Степень влияния политических партий на правительство

Основываясь на исследованиях, посвящённых контрольным функциям парламента [11, с. 36], полагаем возможным выделить в законодательстве стран СНГ ряд характерных норм, по которым можно судить о степени влияния политических партий на правительство.

1. Подчинённость правительства парламенту.

Конституционное подчинение правительства парламенту закреплено в конституции Молдавии (ст. 104), а в конституциях Белоруссии (ст. 106), Казахстана (ст. 64), Узбекистана (ст. 98) и Украины (ст. 114). Установлена двойная ответственность правительства перед президентом и парламентом. Причём в Конституции Узбекистана ответственность правитель-

ства перед парламентом стоит на первом месте.

Стоит заметить, что судить о степени влияния политических партий на правительство в государстве – участнике СНГ можно только оценивая эти характеристики комплексно.

2. *Утверждение парламентом программы действия правительства* закреплено в конституциях Армении (п. 2 ст. 151), Киргизии (ст. 84), Молдавии (ст. 98), Узбекистане (ст. 98) и Украине (п. 11 ст. 85).

Программа действия правительства является политико-правовым документом, имеющим доктринальный характер.

Так, в Конституции Республики Армении закреплены нормы, что внутренняя и внешняя политика государства осуществляется на основе программы правительства, которая в 20-дневный срок после формирования правительства представляется в Национальное собрание (ч. 1 ст. 151).

Закон Республики Узбекистан от 6.30.1993 года № 818-XII «О Кабинете Министров Республики Узбекистан» обязывает кандидата на должность члена кабинета министров представлять план действий, предусматривающий взаимосвязанные с программой кабинета министров правовые, экономические, социальные, организационно-технические меры по достижению целевых показателей и задач на перспективу. Только в этом случае, его кандидатура может быть одобрена в Законодательной палате. Кабинет министров направляет свою работу на реализацию этой программы, а премьер-министр вместе с членами правительства ежеквартально представляет в парламент отчёт о ходе её реализации на соответствующий год.

Например, программа деятельности Правительства Республики Армения в период с 2017 по 2022 гг. (утверждена Постановлением Правительства Республики Армения № 646-А от 19.06.2017) «базируется на послании Президента Республики Армения, предвыборных программах Республиканской пар-

тии Армении и Армянской Революционной фракции «Дашнакцутюн», принципах коалиционного меморандума, а также на прогрессивных идеях, циркулирующих среди широких слоёв общественности»¹.

3. *Отчёт правительства перед парламентом* предусмотрен в Конституционном законе Азербайджанской Республики от 24.12.2002 г. № 405-ПКГ «О дополнительных гарантиях права решения вопроса доверия Милли Меджлиса Азербайджанской Республики Кабинету Министров Азербайджанской Республики» (ст. 1), в конституциях Армении (ст. 156), Казахстана (ст. 57), Киргизии (ч. 2 ст. 85), России (п. «в» ч. 1 ст. 103), а также в Законе Республики Узбекистан от 06.05.1993 № 818-XII «О Кабинете Министров Республики Узбекистан» (п. 144).

Стоит отметить, что предусмотренная законодательством ряда стран СНГ процедура заслушивания отчёта правительства, носит только информационный характер и существенно не влияет на расширение парламентского влияния на правительство.

Например, в 2008 г. Конституция РФ была дополнена п. «в» ч. 1 ст. 103², согласно которому к ведению Государственной думы РФ было отнесено заслушивание ежегодных отчётов правительства РФ о результатах его деятельности, в т. ч. по вопросам, поставленным Государственной думой РФ. Однако сама по себе такая норма не влечёт каких-либо правовых последствий, например, по вынесению вотума недоверия правительству РФ.

Противоположный подход возобладали в Конституции Казахстана. Так, нижняя палата парламента вправе по инициативе не менее 1/3 от общего числа депутатов палаты заслушивать отчёты членов правительства по вопросам их деятельности. По

¹ Программу деятельности Правительства Республики Армения в период с 2017 по 2022 год [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.am/files/docs/2220.pdf> (дата обращения: 06.06.2021).

² См.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 30.12.2008 № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации».

итогах заслушивания отчёта палата большинством, не менее чем в 2/3 голосов от общего числа депутатов, вправе принимать обращение к президенту об освобождении от должности члена правительства в случае неисполнения им законов Республики (ст. 57). Как подчёркивает Р. Е. Жакупов, президент Казахстана в данном случае обязан принимать решение сразу [6, с. 126].

Несмотря на то, что в конституциях Молдавии, Узбекистана отдельно не установлено такое полномочия парламента как периодическое заслушивание отчётов правительства, совокупность других конституционных норм свидетельствует о наличии таких парламентских полномочий.

Например, в Конституции Республики Молдовы закреплено, что правительство предоставляет парламенту, его комиссиям и депутатам всю необходимую информацию и документы, а в случае необходимости присутствие членов правительства на заседаниях парламента является обязательным (ст. 104). Правительство и каждый его член обязаны давать ответы на вопросы и запросы депутатов (ст. 105).

4. Полномочия парламента принимать решения об отставке (вотуме недоверия) правительства и его членов¹.

Вынесение вотума недоверия правительству свидетельствует о наличии существенных общественно-политических разногласий между высшими государственными органами власти.

Однако отставку правительства, в отличие от ряда исследователей [3, с. 106; 19, с. 355], мы не рассматриваем исключительно как меру конституционно-правовой ответственности. Вотум недоверия правительству может выступать не только как санкция, но и как политическое действие со стороны парламента (партийной фракции). Тем не менее законодательное закрепление такого важного полномочия парламента является важным элементом партийного воздействия на правительство.

Возможность вынесения парламентом вотума недоверия правительству содер-

жится в конституциях Азербайджана (п. 14 ч. 1 ст. 95), Белоруссии (ст. 97), Казахстана (ст. 70), Молдавии (ст. 106), России (ч. 3 ст. 117), Узбекистана (ст. 98) и Украины (ст. 87, 115).

Стабильность правительства достигается за счёт сплочённости партийного состава парламента большинства, установления норм и минимальной численности коалиции. В целях упрочить положение правительства в законодательстве ряда стран устанавливаются конституционными нормы, предусматривающие усложнённую процедуру вынесения вотума недоверия правительству.

Учитывая, что отставка правительства может являться политическим инструментом, а не правовой санкцией, в конституциях Армении (ст. 157), Белоруссии (ст. 106) и России (ч. 4 ст. 117) закреплено, что правительство может инициировать вопрос о доверии ему парламента.

Ещё одной гарантией от применения вотума недоверия правительству со стороны парламента как инструмента в политической борьбе является наличие требования о квалифицированном числе голосов депутатов, необходимом для его вынесения. Так, в Казахстане парламента может рассмотреть вопрос о выражении недоверия правительству по инициативе не менее чем 2/3 голосов от общего числа депутатов, палаты парламента вправе принимать обращение к президенту об освобождении от должности члена правительства, а в Молдавии – по предложению не менее 1/4 депутатов. В Узбекистане вопрос о недоверии может быть рассмотрен по инициативе не менее 1/3 от числа депутатов нижней палаты парламента, а само решение принимается не менее чем 2/3 голосов депутатов палат парламента.

Дополнительной гарантией от влияния политической конъюнктуры являются временные ограничения по принятию парламентом вотума недоверия правительству. Как справедливо заметил И. А. Пирматов, «данная норма предусмотрена законодателем в целях недопущения коллапса, имеющего потенциальные гарантии для

¹ Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2003. С. 105.

кыргызстанского социума, в случае смены состава правительства» [15, с. 161].

В Азербайджанской Республики, Республики Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации принятый парламентом вотум недоверия правительству не во всех случаях влечёт его отставку. Решение об отставке правительства принимается президент единолично [7, с. 7].

Например, Государственная дума РФ может выразить недоверие правительству РФ, но президент РФ вправе объявить об отставке правительства либо не согласиться с решением Государственной думы. В случае если Государственная дума в течение 3-х месяцев повторно выразит недоверие правительству, президент объявляет об отставке правительства либо распускает Государственную думу (ч. 3 ст. 117).

Во всех рассмотренных нами странах установлена коллективная ответственность членов правительства, которая влечёт за собой отставку всего правительства, за исключением Республики Казахстан, где существует норма, предусматривающая персональную ответственность министра. Полагаем, что персональная ответственность члена правительства заслуживает внимания для возможного заимствования положительного опыта.

5. *Избрание нового состава парламента приводит к отставке правительства*, что свидетельствует о прямой зависимости правительства от парламента. Такая норма содержится в конституциях Армении (ст. 158), Казахстана (ст. 70), Узбекистана (ст. 98) и Украины (ст. 115).

6. *Зависимость отставки (вотума недоверия) правительства и роспуска парламента* имеет место в конституциях Азербайджана (ст. 98), Армении (ст. 149), Белоруссии (ст. 106), Молдавии (ст. 85), России (ст. 117) Узбекистана (ст. 98) и Украины (ст. 90).

Например, если Национальное собрание Армении не одобряет программы правительства и не избирает премьер-министра, то оно распускается в силу права. Полномочия палаты представителей могут

быть досрочно прекращены при отказе в доверии правительству, выражении вотума недоверия правительству либо двукратном отказе в даче согласия на назначение премьер-министра.

В соответствии с Конституцией Республики Молдова парламент может быть распущен в случае, если он выразил вотум недоверия правительству в 45-дневный срок после внесения предложения, и только после отклонения предложения не менее 2-х раз либо невозможности формирования правительства (ст. 85).

Верховная Рада Украины может быть досрочно распущена президентом, если она в течение 60 дней после отставки кабинета министров не утвердила персональный состав кабинета министров.

Приведённая выше зависимость отставки (вотума недоверия) правительства и роспуска парламента в Армении, Белоруссии носит диспозитивный характер, т. е. отставка (вотум недоверия) правительства необязательно должно привести к роспуску парламента.

Императивная зависимость отставки (вотума недоверия) правительства и роспуска парламента установлена в конституциях России и Узбекистана. Так, после трёхкратного отклонения представленных кандидатур председателя правительства Государственной думой президент назначает председателя правительства, распускает Государственную думу и назначает новые выборы (ч. 4 ст. 111).

После выражения Государственной думой недоверия правительству президент Российской Федерации вправе объявить об отставке правительства Российской Федерации либо не согласиться с решением Государственной думы. В случае если Государственная дума в течение 3-х месяцев повторно выразит недоверие правительству, президент объявляет об отставке правительства либо распускает Государственную думу (ч. 3 ст. 117).

Председатель правительства РФ может поставить перед Государственной думой вопрос о доверии правительству. Если Государственная дума в доверии отказыва-

ет, президент в течение 7 дней принимает решение об отставке правительства или о роспуске Государственной думы и назначении новых выборов (ч. 4 ст. 117).

Аналогичные нормы установлены в Конституции Узбекистана. Так, в случае двукратного отклонения парламентом кандидатуры на должность премьер-министра, президент Республики Узбекистан назначает исполняющего обязанности премьер-министра и распускает парламент (ст. 98).

В Конституции Казахстана напрямую записано, что не установлена, но Конституция устанавливает право президента после консультаций с председателями палат парламента и премьер-министром распустить парламент или Мажилис Парламента (ст. 63), например, в случае неутверждения парламентом отчёта правительства об исполнении республиканского бюджета, что фактически означает выражение парламентом вотума недоверия правительству (ст. 53).

Стоит заметить, что к настоящему времени в государствах – участниках СНГ сложилась правоприменительная практика роспуска парламентов в связи с вынесенным вотумом недоверия правительству, либо невозможностью сформировать правительство [12, с. 72]. Например, в 2018 г. Национальное собрание Армении 2 раза не избрало Н. Пашиняна премьер-министром Армении, после чего Президент Армении С. Саркисян подписал указ о роспуске парламента и назначении досрочных парламентских выборов в Армении. По словам Н. Пашиняна, его целью был роспуск парламента¹.

Стоит заметить, что сложившаяся практика по данному вопросу не всегда была однозначной.

В конце 2019 г. депутаты партийной фракции «Новый Азербайджан», составляющие парламентское большинство, а её лидером является действующий президент, выступили с инициативой роспуска парламента Азербайджанской Республики.

¹ Фомина Е. Пашинян ушёл, чтобы вернуться // Новая газета. 2018. 19 окт.

Они мотивировали это необходимостью поддержки курса реформ президента, преобразований законодательной власти и омоложения состава парламента.

По инициативе парламента Республики Азербайджан президент И. Алиев своим указом от 05.12.2019, руководствуясь ст. 98 и п. 1 ст. 109 Конституции Азербайджанской Республики, распустил парламент страны и назначил внеочередные выборы в законодательный орган, что противоречит действующей конституции, поскольку ст. 98 Конституции устанавливает, что «Если один и тот же созыв Милли Меджлиса Азербайджанской Республики дважды в течение года выразит недоверие кабинету министров Азербайджанской Республики или не назначит в установленный законом срок после двукратного представления Президентом Азербайджанской Республики необходимое число кандидатов для коллегиальной деятельности Конституционного суда Азербайджанской Республики, Верховного суда Азербайджанской Республики и Правления Центрального банка Азербайджанской Республики, а также по неустраняемым причинам не выполняет свои обязанности, указанные в ст. 94 и 95, ч. II, III, IV и V ст. 96, ст. 97 настоящей Конституции, Президент Азербайджанской Республики распускает Милли Меджлис Азербайджанской Республики». Таким образом ст. 98¹ Конституции устанавливает роспуск парламента в качестве конституционно-правовой ответственности за невыполнения своих обязанностей парламентом. Конституция Азербайджанской Республики не предусматривает самороспуск парламента. Конституционный суд Азербайджанской Республики по запросу главы государства признал законным роспуск парламента президентом на основании обращения депутатов.

Другой пример. В Киргизии парламент распускался трижды в 1994, 2007 и 2010 г. В 1994 г. в нарушении действовавшей в тот период конституции, но в связи с тем, что, по утверждению Президента Киргизии

А. Акаева, перед ним встал вопрос «принять ли отставку правительства или распустить парламент. Выбрал второе – роспуск парламента» [1, с. 161]. В третий раз, после изгнания президента К. Бакиева, парламент был распущен в 2010 г. декретом Временного правительства в нарушение действующей конституции [8, с. 12].

В то же время политический кризис в Молдавии в 2019 г., возникший в связи с тем, что парламент при формировании правительства вышел за установленные конституцией сроки, не привел к роспуску парламента¹.

Заключение

Степень влияния политических партий на правительство в законодательстве стран СНГ обусловлена наличием следующих положений: утверждение председателя правительства парламентом; утверждение персонального состава правительства парламентом; законодательно установленная подчинённость правительства парламенту; отчёт правительства перед парламентом; полномочия парламента принимать решение об отставке (вотуме недоверия) правительству; избрание нового состава парламента приводит к отставке правительства; зависимость отставки (вотума недоверия) правительства и роспуска парламента.

Замедленное развитие влияния политических партий на правительство, как нам представляется, связано с институциональным дизайном [16, с. 167], а именно президентской формой правления, в которой фигура президента возвышается над правительством и парламентом.

Взаимодействие между парламентом (партийными фракциями) и правительством выступает единым механизмом в парламентских республиках. В данном слу-

чае имеют место взаимосвязанные элементы: формирование правительства, отчётность правительства перед парламентом и его ответственность.

Следует ещё раз подчеркнуть, что для оценки степени влияния политических партий, представленных в парламенте, на формирование и деятельность правительства необходим анализ всех вышеперечисленных полномочий.

Условная степень влияния политических партий на формирование и деятельность правительства в государствах – участниках СНГ может варьироваться от Туркменистана, где партии не обладают такими полномочиями, и до Армении, где партии, по нашему мнению, имеют наибольшее влияние.

В Российской Федерации наблюдается тенденция усиления влияния политических партий на формирование правительства, которая нашла отражение в конституционных изменениях, одобренных в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.

Рискнем провести параллели между конституционными реформами в России в 2020 г. и в Армении в 2015 г. Так, внесённые изменения в Конституцию Армении на референдуме 2015 г., инициированным президентом Армении С. Саргсяном – лидером правящей республиканской партии, преобразовали страну из президентской в парламентскую республику, в которой премьер-министр является основным носителем власти в стране. В 2018 г. второй срок президентства С. Саргсяном подошёл к концу, он был назначен премьер-министром Республики Армения. «Это будет не третьим сроком, а первым сроком правления Республиканская партия Армении» – заявил новоизбранный премьер².

Полагаем возможным предположить, что Российская Федерация в дальнейшем последует примеру правовой реформы Армении.

Статья поступила в редакцию 05.04.2021.

¹ Маслова В., Горшенин К. «Не соответствует Конституции»: Додон аннулировал указ о роспуске парламента и проведении досрочных выборов // RT на русском: [сайт]. URL: <https://russian.rt.com/ussr/article/640334-moldaviya-krizis-dodon-demokraty> (дата обращения: 06.06.2021); Конституционный суд Молдавии отменил решение о роспуске парламента // РИА: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20190615/1555597874.html> (дата обращения: 06.06.2021).

² Саргсян С.: Начался не мой третий, а первый срок правления Республиканской партии Армении // News: [сайт]. URL: <https://news.am/rus/news/446817.html> (дата обращения: 06.06.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Акаев А. Памятное десятилетие. Бишкек, 2001. 518 с.
2. Астахова С. В. Молдавия в условиях политического кризиса // Россия и новые государства Евразии. 2019. № 2 (43). С. 115–126.
3. Гафуров А. А. Особенности коллегиальной конституционно-правовой ответственности Правительства Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2018. № 8 (123). С. 106–108.
4. Долгих Ф. И. Партийная система России – состояние и перспективы // Юридический мир. 2020. № 2. С. 19–22.
5. Евдокимов В. Б. Партии в политической системе буржуазного общества. Свердловск, 1990. 158 с.
6. Жакупов Р. Е. Вопросы совершенствования законодательства республики Казахстан о политических партиях // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2019. № 3 (57). С. 126–134.
7. Зазнаев О. И. Дефекты форм правления стран СНГ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2008. № 4. С. 7–17.
8. Искакова Г. Т. Роспуск парламента в Кыргызской Республике: конституционные нормы и политическая реальность // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 5 (96). С. 12–20.
9. Исраилова С. Ш. Реформа избирательной системы в Кыргызстане // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2019. Т. 19. № 7. С. 101–104.
10. Коргунов Ю. Г. Становление партийной системы в современной России. М., 2007. С. 372–373.
11. Нечкин А. В. Парламентский контроль за деятельностью правительств в странах Содружества Независимых Государств // Право и государство. 2016. № 4. С. 36–42.
12. Нечкин А. В. Парламенты стран СНГ: структура, порядок формирования и досрочного прекращения полномочий // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 4 (100). С. 72–77.
13. Парфенова С. Р. Партии в политической системе общества: проблема востребованности у избирателей современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2014. № 4 (27). С. 121–129.
14. Пашковский Е. А. Трансформация партийной системы Украины в 2012–2014 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2014. № 172. С. 156–160.
15. Пирматов И. А. К вопросу о теоретическом аспекте развития парламентской ответственности в Кыргызстане // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 10. С. 161–163.
16. Саква Р. Дилеммы развития российской партийной системы // Политическая наука. 2010. № 4. С. 167–190.
17. Сидоров В. В. Динамика коалиционных правительств в парламентских демократиях // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. № 1. С. 191–198.
18. Сота И. Феномен «партии власти» как явление политической жизни России и Албании: сравнительный анализ // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2013. № 5 (177). С. 46–50.
19. Стародубцева И. А. Совершенствование конституционно-правовой ответственности правительства перед парламентом как мера профилактики коррупции // Юридические записки. 2010. № 23. С. 355–365.
20. Трунтягин А. А., Трунтягин А. Н. Партийное доминирование и перспективы формирования ответственного правительства // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 3 (31). С. 83–90.

REFERENCES

1. Akaev A. *Pamyatnoe desyatiletie* [A memorable decade]. Bishkek, 2001. 518 p.
2. Astakhova S. V. [Moldova in a political crisis]. In: *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii* [Russia and the new states of Eurasia], 2019, no. 2 (43), pp. 115–126.
3. Gafurov A. A. [Features of collegial constitutional and legal responsibility of the Government of the Russian Federation]. In: *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 2018, no. 8 (123), pp. 106–108.

4. Dolgikh F. I. [Party system of Russia – state and prospects]. In: *Yuridicheskii mir* [The Legal World], 2020, no. 2, pp. 19–22.
5. Evdokimov V. B. *Partii v politicheskoi sisteme burzhuaznogo obshchestva* [Parties in the political system of bourgeois society]. Sverdlovsk, 1990. 158 p.
6. Zhakupov R. E. [Issues of improving the legislation of the Republic of Kazakhstan on political parties]. In: *Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan* [Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan], 2019, no. 3 (57), pp. 126–134.
7. Zaznaev O. I. [Defects in the forms of government of the CIS countries]. In: *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEX], 2008, no. 4, pp. 7–17.
8. Iskakova G. T. [Dissolution of Parliament in the Kyrgyz Republic: Constitutional Norms and Political Reality]. In: *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative constitutional review], 2013, no. 5 (96), pp. 12–20.
9. Israilova S. Sh. [Electoral reform in Kyrgyzstan]. In: *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo universiteta* [Bulletin of Kyrgyz-Russian Slavic University], 2019, vol. 19, no. 7, pp. 101–104.
10. Korgunov Yu. G. *Stanovlenie partiinoi sistemy v sovremennoi Rossii* [The formation of the party system in modern Russia] Moscow, 2007. P. 372–373.
11. Nechkin A. V. [Parliamentary control over the activities of governments in the countries of the Commonwealth of Independent States]. In: *Pravo i gosudarstvo* [Law and State], 2016, no. 4, pp. 36–42.
12. Nechkin A. V. [Parliaments of the CIS countries: structure, procedure for the formation and early termination of powers]. In: *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka* [Russian law: education, practice, science], 2017, no. 4 (100), pp. 72–77.
13. Parfenova S. R. [Parties in the political system of society: the problem of demand among voters in modern Russia]. In: *Voprosy natsionalnykh i federativnykh otnoshenii* [Issues of national and federal], 2014, no. 4 (27), pp. 121–129.
14. Pashkovsky E. A. [Transformation of the party system of Ukraine in 2012–2014.]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena* [News of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen], 2014, no. 172, pp. 156–160.
15. Pirmatov I. A. [On the theoretical aspect of the development of parliamentary responsibility in Kyrgyzstan]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovanii* [International Journal of Applied and Basic Research], 2017, no. 10, pp. 161–163.
16. Sakva R. [Development dilemmas of the Russian party system]. In: *Politicheskaya nauka* [Political science], 2010, no. 4, pp. 167–190.
17. Sidorov V. V. [Dynamics of Coalition Governments in Parliamentary Democracies]. In: *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities], 2011, vol. 153, no. 1, pp. 191–198.
18. Sota I. [The Phenomenon of the «Party of Power» as a Phenomenon of the Political Life of Russia and Albania: Comparative Analysis]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki* [News of higher educational institutions. North Caucasus region. Social sciences], 2013, no. 5 (177), pp. 46–50.
19. Starodubtseva I. A. [Improving the constitutional and legal responsibility of the government to parliament as a measure of corruption prevention]. In: *Yuridicheskie zapiski* [Legal briefs], 2010, no. 23, pp. 355–365.
20. Truntyagin A. A., Truntyagin A. N. [Party domination and the prospects for the formation of a responsible government]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 2015, no. 3 (31), pp. 83–90.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Какителашвили Михаил Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного сотрудничества в сфере прокурорской деятельности Университета прокуратуры Российской Федерации;
e-mail: mmk2010@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail M. Kakitashvili – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of International Cooperation in the Field of Prosecutorial Activity, University of Prosecutor's office of the Russian Federation;
e-mail: mmk2010@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Какителашвили М. М. Воздействие парламентских партий на правительства в странах СНГ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 2. С. 51–65.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-51-65

FOR CITATION

Kakitashvili M. M. The Impact of the Parliamentary Parties on the Governments in the CIS countries. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 2, pp. 51–65.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-51-65

УДК 342.4:322

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-66-75

ПРАВО НА ФИЗИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ: КОНЦЕПЦИИ, РЕГУЛИРОВАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Певцова Н. С.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить с позиции конституционного права взаимосвязь права на физическое существование с иными личными неимущественными правами; раскрыть особенности правового регулирования права на физическое существование и охарактеризовать существующие направленности права на физическое существование; обозначить значимость права на физическое существование в эпоху интенсивного развития цифровизации и искусственного интеллекта.

Процедура и методы. Методологическую основу проведённого исследования составляют современные методы познания. В работе использованы исторический, сравнительно-правовой и формально-юридический методы исследования, осуществлён анализ нормативного материала и юридической практики. Прогнозируется обособление от права на жизнь и права на неприкосновенность права на физическое существование. Затронута проблема обеспеченности и интерпретации права на физическое существование в условиях цифровизации.

Результаты. Сделан вывод, что право на физическое существование, с одной стороны, является составной частью некоторых субъективных прав, а с другой – имеет собственное содержание. Определено, что право на физическое существование – неимущественное благо и возможность человека обеспечивать естественное, здоровое состояние своего организма, позволяющее ему жить, совершать деяния по обеспечению своего состояния в гармонии с природой и условиями современной действительности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Автором вводится новая юридическая конструкция «право на физическое существование». Обосновано, что в цифровом обществе антропология права должна быть центральным элементом, соответственно, правовое регулирование и развитие права, трансформируемые в цифровую семиотическую и дополнительную реальность, должны сохранить регулятивный и ценностный потенциал физического компонента человека, несмотря на активное использование техники и технологий. Предложения и выводы, представленные в статье, могут быть использованы при повышении квалификации практикующих юристов, а также в учебном процессе по теории государства и права, конституционному праву, а также в спецкурсах по правам человека.

Ключевые слова: личные неимущественные права, право на физическое существование, конституционный статус личности, цифровизация, права человека

RIGHT TO PHYSICAL EXISTENCE: CONCEPTS, REGULATION AND INTERPRETATION

N. Pevtsova*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gorki, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To determine the relationship of the right to physical existence with other personal non-property rights from the point of view of constitutional law; To disclose the features of the legal regulation of the right to physical existence and to describe the existing orientations of the right to physical existence; to indicate the significance of the right to physical existence in the era of intensive development of digitalization and artificial intelligence.

Methodology. The methodological basis of the study is based on modern methods of cognition. The work uses historical and comparative legal and formal legal methods of research. The analysis of normative material and legal practice is done. The separation from the right to life and the right to inviolability of the right to physical existence is predicted. The problem of security and interpretation of the right to physical existence in the conditions of digitalization is touched upon.

Results. It is concluded that the right to physical existence, on the one hand, is an integral part of some subjective rights, and on the other, has its own content. It is determined that the right to physical existence is not a non-property good but the ability of a person to ensure the natural, healthy state of his body, allowing him to live, perform acts on ensuring his condition to be in harmony with nature and the conditions of modern reality.

Research implications. The author introduces a new legal construct «the right to physical existence». It is justified that in a digital society, the anthropology of law should be the central element, respectively, the legal regulation and development of law, transformed into a digital semiotic and additional reality, should preserve the regulatory and value potential of the physical component of a person, despite the active use of techniques and technologies. The proposals and conclusions presented in the article can be used in improving the skills of practicing lawyers, as well as in the educational process on the theory of state and law, constitutional law, as well as in special courses on human rights.

Keywords: personal non-property rights, right to physical existence, constitutional status of personality, digitalization, human rights

Введение

В последние годы написано немало научных трактатов о правах человека, в которых в той или иной степени обозначается важность нового осмысления «человеческого» в праве. Переход от индустриального к постиндустриальному обществу создал потребность в переосмыслении правовых возможностей человека, т. к. вклиниваются биологический, информационный, интеллектуальный, экологический и иные статусы, влияющие на общий правовой статус человека [13]. В этих условиях, как справедливо отмечает С. А. Авакьян, право в целом и конституционное право должны думать о том, как существовать при новых технологиях и рождаемых ими отношениях между людьми, между гражданами и публичной властью [1]. Трансформация правовых институтов и процедур в условиях цифровизации и интенсивного развития биоинженерии обуславливает потребность рассмотрения права на физическое суще-

ствование как самостоятельного субъективного права.

Новые технологические прорывы стали причиной появления конфликтов между правами человека, и это является одной из актуальных тем как правовой теории, так и правозащитной практики [23]. Кроме того, цифровая реальность и новые биотехнологии уже формируют поведение человека, нормы социальных отношений [2; 14]. Вместе с тем не стоит забывать, что физическое состояние как фундаментальный элемент характеризует человека как биологическое существо и является частью того, что защищается правом. Физическое состояние представляет особый интерес для конституционалистов, т. к. именно оно порождает ряд субъективных прав человека в современном обществе.

Процесс конституционного развития характеризуется постоянным поиском таких механизмов реализации конституционных норм, которые бы обеспечивали устойчивое развитие человека, общества и государства [12; 16].

Традиционным является выделение 2-х видов состояний – физического и психологического, которые концептуально положены в основу всех личных неимущественных прав [7]. Когда мы думаем об обладателях прав человека, естественно, думаем о людях. Человеческие существа по сути – телесные физиологические личности. Однако полное значение факта человеческого материального воплощения, действие которого в конечном итоге основывается на законе, имеет форму выражения как право на физическое существование [18].

Сущностная взаимосвязь права на физическое существование с такими субъективными правами, как право на жизнь, право на неприкосновенность, право на здоровье, право на развитие, право на имя и др., социально мотивирована и концептуально оправдана. Она определяется бинарностью человека с его физиологической сущностью, индивидуализацией, а также духовным миром личности.

Вместе с тем глобализация и интенсивная цифровизация обуславливают потребность понимания границ правового регулирования права на физическое существование и возможных трансформаций его интерпретации в современных условиях.

Многие учёные и практики, а также общественные деятели отмечают тот факт, что человек является центральным звеном современной жизни, но в новых условиях цифровизации общественных отношений он должен суметь встроиться в условия, в которых он оказывается в результате интенсивной цифровизации жизнедеятельности. При этом стремительное развитие новых технологий актуализирует вопросы антропологии права и вопросы генезиса элементарных форм соционормативной регуляции общественных отношений.

В динамике отношений «человек – искусственный интеллект», именно категория «человек» и понятие «личность», выработанное для рассмотрения человека как субъекта социокультурной жизни, определения его как носителя индивидуального

начала, самораскрывающегося в контексте социальных отношений, общения и предметной деятельности должна всегда оставаться первичной в правовом регулировании и, что особенно важно, включать в содержание как психологические, так и физиологические характеристики, определяющие существование человека.

Антропология как наука и её достижения, которые с самых давних времён представляли собой результат изучения человека в различных его проявлениях и действиях в условиях появления, во-первых, параллельного реальному миру цифрового пространства, во-вторых, активного внедрения в жизнедеятельность искусственного интеллекта, создают востребованность не только в новом осмыслении системной взаимосвязи права на физическое существование с иными личными неимущественными правами, но и в обосновании права на физическое существование как самостоятельного правомочия.

Как показывает изучение темы, они исследованы не столь глубоко, как это может показаться на первый взгляд. Само понятие «антропология», как известно, берёт своё начало в далеком прошлом. Это слово связано с именем известного древнегреческого философа Аристотеля, который активно использовал его в своих речах. Однако, рассуждая, философ подчёркивал именно духовную сторону человеческой природы. Шли годы, понимание антропологии менялось, наряду с психологическим компонентом стали уделять внимание и физическому элементу, характеризующему человека в праве. В конце прошлого столетия мыслители уже более активно говорили о физической антропологии с т. зр. развития индивида и человеческих рас. В настоящее время рассуждения об антропологии привели к разветвлению понимания её сути: социальная, визуальная, религиозная, культурная и прочие подходы к пониманию антропологии стали отдельными направлениями в развитии новых знаний. Вместе с тем стало ясно, что все рассуждения об антропологии связаны с центральными пониманием категории «бытие», о

которой ещё размышлял философ Платон. Это понятие было введено в русский научный (прежде всего философский) язык лишь к 1750 г. Григорием Тепловым благодаря переводу слова «ens»¹. Таким образом, физическое существование становится базовой конструкцией для понимания сути жизни, бытия современного человека, в статусе которого именно физическое требует пристального внимания.

Учитывая, что право на физическое существование является производным от права на жизнь, права на неприкосновенность, а в условиях глобальных перемен в мире и развития цифровых правоотношений, его взаимосвязь с такими правомочиями, как право на развитие, право на здоровье, право на питание и др., усиливается и следует отметить, что право на физическое существование – неимущественное благо и возможность человека обеспечивать естественное, здоровое состояние своего организма, позволяющее ему жить, совершать деяния по обеспечению своего состояния в гармонии с природой и условиями современной действительности.

Цель конституционной интерпретации состоит в том, чтобы оказать наиболее возможное влияние на эти ценности, а также на функцию, которую конституционные нормы должны играть в обществе в меняющихся условиях [19].

Исследование права на физическое существование как стержня конституционного статуса личности под углом зрения его философского антропологического осмысления определяет важность его характеристики как юридического правомочия и как юридического концепта.

Некоторые концепции, объясняющие возникновение «физического» компонента в статусе личности

С самых давних времён люди в праве рассматривались как физические лица. Данное обстоятельство объясняется тем, что устанавливались такие элементы, как

правоспособность, правосубъектность, гарантии установленных прав, ответственность субъекта за неисполнение обязанностей связывались с волей на совершение определённых значимых для правового регулирования действий. Вместе с тем физическое состояние также является значимым компонентом в праве. Известно, что именно физическому совершенству организма человека уделяли пристальное внимание древние греки, например, спартанцы и многие другие народы [4]. Все это, бесспорно, послужило основой понимания сути статуса личности, в котором его физическое состояние можно обозначать как первооснову. Физическое состояние зачастую отождествляли с поступками человека, но всё же больше уделяли внимание именно психологическому компоненту, нежели физическому.

В условиях, когда актуализируется интеграция искусственного интеллекта в жизнедеятельность человека, концепции робота как физического лица, с наделянием роботов всеми аспектами правоспособности определяет также возможность существования у него деликтоспособности, т. е. возможности нести ответственность за вред, причинённый его деяниями. Однако отсутствие у роботов физической составляющей определяет как наиболее распространённую в научных исследованиях концепцию о том, что робота следует рассматривать как юридическое лицо. Основанием для такой концепции является «искусственная» природа юридических лиц и роботов [8].

В этой связи применительно к человеку в силу его естественной природы такие понятия, как «жизнь», «здоровье», «человеческое достоинство» и т. д., имеют универсальное и очень важное значение.

Вопрос о возникновении и развитии права на физическое состояние на первом этапе развития цивилизации выступает одним из ведущих в истории права на физическое состояние индивида. Актуальность данной проблемы подтверждается значительным вниманием к ней различных учёных.

¹ Теплов Г. Н. Письма // Русский архив. 1869. Вып. 2. С. 216–220.

Дискуссии об истории права на физическое состояние возможно разбить на следующие наиболее значимые группы, в основе критериального деления которых лежат авторские концепции понимания указанного права. Исследование историографии проблемы позволило выделить следующие подходы.

1. *Игровой подход*, в основе которого лежит так называемая теория игры, которую поддерживали и обосновывали в своих трудах различные исследователи и общественные деятели (Спенсер, Летурно, Бюхер и др.). Они доказывали, что труд стал развиваться из игры, которая возникла явно раньше. Такие рассуждения позволили понять как физическое влияло на поступки человека. Карл Гроос показывал, как человек совершенствовал свое физическое состояние, упражняясь в игре¹. Американский учёный Спенсер в своих исследованиях доказывал, что физические проявления человека равны его инстинктам [11].

Тем не менее данный подход не нашёл должной поддержки, т. к. не было обоснованы связи игры с социальной функцией, кроме того, как форма «естественного саморазвития» она не связывалась с педагогическим воздействием.

Полагая, что игровой подход, основанный на естественном, стал предпосылкой появления других теорий, всё же следует отметить, что теория игрового подхода не имела самостоятельного статуса среди других юридических теорий.

2. *Конструктивный подход* характеризуется тем, что физическое и психологическое как элементы правового состояния развивались в параллели в праве. Однако, несмотря на то, что очевидно доминирование психологического элемента через категорию воли в поведении личности, физиологическое состояние является не менее важным.

Парадигмальные примеры вопиющей бесчеловечности и геноцида, которые привели к рождению Всеобщей декла-

рации прав человека в конце Второй мировой войны, чётко указывают на то, что воплощённая природа человеческих страданий, которая дала международному праву универсальный человеческий закон, исходит из недопустимости не только психологических, но и физиологических страданий.

3. Сторонники *марксистской концепции*, основываясь на материализме, подчеркивали, что в основе возникновения «физическое» в статусе личности лежат 2 важных фактора, носящих объективный и субъективный характер.

4. *Культурологический подход* обосновывает воздействие культуры на формирование не только правосознания человека, но и его физическое здоровье, культурную идентификацию личности (осознание своей принадлежности к определённой культуре, интернализация её ценностей, выбор и осуществление культуросообразного образа жизни, поведения) [22].

В первом случае речь шла о трудовой деятельности личности (охота, рыболовство), где развивались трудовые навыки и физические качества (ловкость, сила). Во втором случае синтезируется психологическое и физиологическое состояние в праве. В третьем случае подразумевается субъективное осмысление, придумывание новых упражнений, трудовых операций. В четвертом обозначается важность учёта правовой культуры для защиты правового статуса личности и созидательного развития человека.

Таким образом, указанные подходы обосновывали тот факт, что зачатки физического в человеке это естественно, а потому между инстинктами и сознательным поведением личности нет никаких различий. Физиологическое и психологическое – это 2 неотъемлемые части, характеризующие человека.

Подобных подходов достаточно много, главное то, что они с разных сторон доказывают важность физического элемента в биологическом статусе человека.

¹ Groos K. Die Spiele der Menschen. Jena, 1899.

Право на физическое существование в системе прав личности

Выделение самостоятельной юридической конструкции «право на физическое существование» в системе прав личности вполне обосновано. Согласно позиции Л. О. Красавчиковой, личные неимущественные отношения складываются по вопросам духовных нематериальных благ, они имеют внеэкономическую природу, и их нельзя отделить от личности [6]. Кроме того, появление новых видов репродуктивных и соматических прав обуславливают потребность акцентирования внимания при правовом регулировании и интерпретации правовых возможностей именно физического элемента.

Таким образом, так называемые «права нового поколения» являются примером именно вкрапления категории «физическое» в содержание многих субъективных прав человека. Стоит подчеркнуть, что физическое существование в правовом статусе личности охватывает не только конкретные права, но и их защиту, и физическую неприкосновенность. Значительное место в конституционной системе личных прав и свобод занимает именно право на неприкосновенность личности. Оно имеет абсолютный характер.

В истории нередко встречались случаи, когда посредством права, затрагивали фактически физическую автономию [5]. Например, посредством установления требования принудительной стерилизации человека [3; 9] или установления правила о физическом обследовании для установления родительства [17]. На самом деле это есть факт медицинского вмешательства в физиологию личности. Бесспорно, подобные нормы сопряжены с принципом гуманизма. Однако возможность каждого распоряжаться своим физическим телом, состоянием здоровья есть неперемное условие реализации свободы личности. Данные отношения находятся в рамках понимания «физическое» в конституционном статусе личности. Так, например, согласно позиции С. С. Шевчука, можно

выделить относительно самостоятельное правомочие личности. Автор указывает на то, что оно может называться правом по распоряжению самого человека тканями и органами своего организма [15]. Оно затрагивает право личности на физическую неприкосновенность и охватывает «физическое» в статусе личности. В науке бытует мнение, что органы и ткани есть вещи, с юридической точки зрения, которые ограничены в обороте (например, трансплантаты, репродуктивный материал, части тела больных, которые ампутированы, грудное молоко, эмбриональный материал, волосы и прочее).

Банки тканей и органов выступают будущей гарантией реализации права распоряжения своими генетическими материалами и органами (спермы, эмбрионов, плазмы, костного мозга), а также, например, осуществления права на отсроченное отцовство.

В юридической науке зарубежных стран категория «физическое существование», зачастую отождествляется с понятием «privacy», обозначающим неприкосновенность частной жизни и является определением автономии образа жизни человека, даже если имеется ввиду непосредственное отношение к репродуктивным и соматическим правам.

Так, одно право, закреплённое на конституционном уровне, может раскладываться на отдельные его составляющие. Например, право на неприкосновенность частной жизни объединяет возможность добровольного выбора контрацепции и право женщины иметь или не иметь ребенка при отсутствии согласия биологического отца ребёнка [10]. В таком случае провоцируется некая дилемма: возможно ли вообще ограничить право на неприкосновенность частной жизни матери для того, чтобы защитить будущего ребенка? Декларация прав ребенка указывает, что, т. к. ребенок в силу объективных обстоятельств умственно и психически незрелый, ему надо оказывать специальную заботу, предоставлять помощь. Кроме того, ребенок нуждается в особом окружении,

охране, ему необходима правовая защита как до рождения на свет, так и после этого рождения. В Конвенции о правах ребенка 1989 г. такого рода постулаты нашли своё отражение.

Право на физическое существование в системной взаимосвязи с правом на жизнь, правом на личную неприкосновенность, правом на личную автономию, правом на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также правом на здоровье непосредственно коррелируют с запретом на пытки, неприкосновенностью частной жизни, свободой выбора деятельности, способствующей укреплению здоровья человека.

Обращаясь к практике ЕСПЧ, можно проследить, что в деле Гефген против Германии¹ (заявителю угрожали непереносимой болью, если он не скажет, где спрятал похищенного мальчика) ЕСПЧ указал, что угроза пытки уже пытка (это психическая пытка из-за страха). Это доказывает, что законодатель и правоприменитель должны защищать физическую (биологическую) неприкосновенность человека как неотъемлемый атрибут конституционного статуса личности, опираясь на принцип достоинства личности. Человеческое достоинство неразрывно связано с личной автономией и правом человека на самоопределение. На первый взгляд, это кажется очевидным, но на практике вопрос достоинства, как и равного обращения и уважения, является одним из сложных. Принцип человеческого достоинства является предпосылкой появления таких субъективных прав, как право на самоопределение или личную автономию [20], право на жизнь, право на физиологическое существование, право на идентичность [21], право на развитие и др.

Следовательно, такие действия, как телесные повреждения либо нравственные страдания, которые выходят за пределы законной формы обращения, не допустимы. Конечно же, подобные рассуждения

носят доктринальный характер, и право, определяя эту суть, должно чётко и недвусмысленно требовать формализации подобных идей в законе.

Заключение

Резюмируя исследование проблемы физического аспекта в правовом статусе личности, необходимо отметить следующее. Право на физическое существование есть неимущественное благо и возможность человека обеспечивать естественное, здоровое состояние своего организма, позволяющее ему жить, совершать деяния по обеспечению своего состояния в гармонии с природой и условиями современной действительности. Соматические и репродуктивные права человека с конституционно-правовых позиций выстраивались именно под призмой правового регулирования использования физического и биологического материала человека. Как отмечают исследователи, использование частей организма человека становится одним из элементов современной культуры. Вовлечение в гражданский оборот элементов физического состояния человека (органов и тканей) требует пристального внимания к отношениям людей между собой с позиции морали и нравственности.

Открытый перечень нематериальных благ, закреплённый в ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации, необходимо дополнить новой категорией – «индивидуальность человека». Под ней следует понимать нематериальное благо, возникшее с рождения человека и формирующееся в социуме при наличии определённых условий. Данная конструкция представляет собой уникальные, автономные признаки личности, отражающие его «физическое» и «духовное» начала.

В связи с прогрессом генно-инженерных технологий, в т. ч. клонирования, а также с учётом пробельности соответствующего законодательства (наличия нормы о запрете клонирования и отсутствия определения санкций за это) в будущем данная категория станет востребованной,

¹ Постановление ЕСПЧ от 1.06.2010 г. по делу «Гефген против Германии» [Gäfgen v. Germany] (Жалоба № 22978/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 1.

а на данном этапе уже прослеживается потребность в юридическом закреплении указанного понятия.

Права человека имеют одинаковую структуру, и все права между собой взаимосвязаны. Единственное отличие лежит в природе социальной основы, на основании которой заявлено право. Права человека существуют за счёт того, что социальное признание даёт претензии людей к конкретным конечным состояниям, где социальной базой является всё человечество.

Система прав человека должна быть гармоничной и бесконфликтной. Для этого, с нашей точки зрения, категорию «физическое существование», которая

является сентенцией для многих прав человека, в т. ч. и права на развитие, необходимо детально регламентировать. В законодательстве нужно учитывать, что общие принципы (достоинство личности, неприкосновенность частной жизни и др.) должны распространяться не только на личные имущественные права, но и на личные неимущественные права. Признание такого подхода в юриспруденции является необходимым, т. к. все личные неимущественные права находятся в непосредственной взаимосвязи с правом на физическое существование.

Статья поступила в редакцию 16.03.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авакьян С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23–28.
2. Аничкин Е. С. Модернизация конституционно-правового статуса личности в условиях формирования цифрового пространства // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 19–22.
3. Дугарон Е. Ц. Процессуальное положение недееспособного лица в делах о медицинской стерилизации и искусственном прерывании беременности // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 9. С. 3–7.
4. Зайков А. В. Спартанские ксенеласии // Античная древность и средние века. 1999. Вып. 30. С. 6–25.
5. Иоффе О. С. Личные неимущественные права и их место в системе советского гражданского права // Советское государство и право. 1966. № 7. С. 51–59.
6. Красавчикова Л. О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... д-р юрид. наук. Екатеринбург, 1994. 463 с.
7. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ-Пресс, 2000. 244 с.
8. Михалева Е. С., Шубина Е. А. Проблемы и перспективы правового регулирования робототехники // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12. С. 26–35.
9. Павлова Ю. В. Правовые аспекты применения медицинской стерилизации как метода планирования семьи // Медицинское право. 2007. № 1. С. 14–19.
10. Романовский Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни. М.: МЗ-Пресс, 2001. 312 с.
11. Столбов В. В. История физической культуры и спорта. М.: Физкультура и спорт. 1983. 320 с.
12. Умнова (Конюхова) И. А., Алешкова И. А. Применение Конституции Российской Федерации судами общей юрисдикции: актуальные вопросы теории и практики. М., 2016. 184 с.
13. Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Принцип солидарности в постиндустриальном обществе: особенности содержания и тенденции развития // Международное публичное и частное право. 2021. № 1. С. 3–7.
14. Чернусь Н. Ю., Цихоцкий А. В. Гражданско-правовой режим биологического материала человека // Российский юридический журнал. 2019. № 1. С. 81–87.
15. Шевчук С. С. Правовые и этические проблемы трансплантации органов и тканей человека. Ставрополь, 2001. 112 с.
16. Basnet G. Jean-Pierre Chauffour: The Power of Freedom, Uniting Human Rights and Development // Human Rights Law Review. 2011. Vol. 11 (1). P. 206–210.
17. Frank R. Compulsory physical examinations for establishing parentage // International Journal of Law, Policy and the Family. 1996. Vol. 10 (2). P. 205–218.

18. Grear A. Challenging Corporate «Humanity»: Legal Disembodiment, Embodiment and Human Rights // Human Rights Law Review. 2007. № 7 (3). P. 511–543.
19. Grimm D. The role of fundamental rights after sixty-five years of constitutional jurisprudence in Germany // International Journal of Constitutional Law. 2015. Vol. 13 (1). P. 9–29.
20. O'Mahony C. There is no such thing as a right to dignity // International Journal of Constitutional Law. 2012. Vol. 10 (2). P. 551–574.
21. Osella S. «De-gendering» the civil status? A public law problem // International Journal of Constitutional Law. 2020. Vol. 18. Iss. 2. P. 471–475.
22. Pevtsova E., Pevtsova N., Lavitskaya M., Redkous V., Matveeva E. Influence of migration processes in Europe on law and legal culture of information society // E3S Web of Conferences. 2020. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2020/70/e3sconf_itse2020_17023.pdf (дата обращения: 06.05.2021).
23. Smet S. On the Existence and Nature of Conflicts between Human Rights at the European Court of Human Rights // Human Rights Law Review. 2017. Vol. 17. Iss. 3. P. 499–521.

REFERENCES

1. Avakyan S. A. [Information space of knowledge, digital world and constitutional law]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and municipal law], 2019, no. 7, pp. 23–28.
2. Anichkin E. S. [Modernization of the constitutional and legal status of an individual in the context of the formation of a digital space]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* [Constitutional and municipal law], 2019, no. 12, pp. 19–22.
3. Dugaron E.T. [Procedural status of an incapacitated person in cases of medical sterilization and artificial termination of pregnancy]. In: *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* [Arbitration and civil proceedings], 2017, no. 9, pp. 3–7.
4. Zaikov A. V. [Spartan Xenelasia]. In: *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Ancient antiquity and the Middle Ages], 1999, no. 30, pp. 6–25.
5. Ioffe O. S. [Personal non-property rights and their place in the system of Soviet civil law]. In: *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1966, no. 7, pp. 51–59.
6. Krasavchikova L. O. *Ponyatie i sistema lichnykh, ne svyazannykh s imushchestvennymi prav grazhdan (fizicheskikh lits) v grazhdanskom prave Rossiiskoi Federatsii: dis. ... d-r yurid. nauk* [The concept and system of personal, not related to property rights of citizens (individuals) in the civil law of the Russian Federation: D. thesis in Law]. Ekaterinburg, 1994. 463 p.
7. Maleina M. N. *Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan: ponyatie, osushchestvlenie, zashchita* [Personal non-property rights of citizens: concept, implementation, protection]. Moscow, MZ-Press Publ., 2000. 244 p.
8. Mikhaleva E. S., Shubina E. A. [Problems and prospects of legal regulation of robotics]. In: *Aktualnye problemy rossiiskogo prava* [Current problems of Russian Law], 2019, no. 12, pp. 26–35.
9. Pavlova Yu. V. [Legal aspects of the use of medical sterilization as a method of family planning]. In: *Meditinskoe pravo* [Medical law], 2007, no. 1, pp. 14–19.
10. Romanovsky G. B. *Pravo na neprikosновенность частной жизни* [Right to privacy]. Moscow, MZ-Press Publ., 2001. 312 p.
11. Stolbov V. V. *Istoriya fizicheskoi kultury i sporta* [History of physical culture and sports]. Moscow, Fizkultura i sport Publ., 1983. 320 p.
12. Umnova (Konyukhova) I. A., Aleshkova I. A. *Primenenie Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii sudami obshchei yurisdiktsii: aktualnye voprosy teorii i praktika* [Application of the Constitution of the Russian Federation by courts of general jurisdiction: topical issues of theory and practice]. Moscow, RGUP Publ., 2016. 184 p.
13. Umnova-Konyukhova I. A., Aleshkova I. A. [The principle of solidarity in a post-industrial society: features of the content and development trends]. In: *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* [Public and Private International Law], 2021, no. 1, pp. 3–7.
14. Chernus N. Yu., Tsikhotsky A. V. [Civil regime of human biological material]. In: *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Legal Journal], 2019, no. 1, pp. 81–87.
15. Shevchuk S. S. *Pravovye i eticheskie problemy transplantatsii organov i tkanei cheloveka* [Legal and Ethical Issues of Human Organ and Tissue Transplantation]. Stavropol, 2001. 112 p.
16. Basnet G. Jean-Pierre Chauffour: The Power of Freedom, Uniting Human Rights and Development. In: *Human Rights Law Review*, 2011, vol. 11 (1), pp. 206–210.

17. Frank R. Compulsory physical examinations for establishing parentage. In: *International Journal of Law, Policy and the Family*, 1996, vol. 10 (2), pp. 205–218.
18. Grear A. Challenging Corporate «Humanity»: Legal Disembodiment, Embodiment and Human Rights. In: *Human Rights Law Review*, 2007, no. 7 (3), pp. 511–543.
19. Grimm D. The role of fundamental rights after sixty-five years of constitutional jurisprudence in Germany. In: *International Journal of Constitutional Law*, 2015, vol. 13 (1), pp. 9–29.
20. O'Mahony C. There is no such thing as a right to dignity. In: *International Journal of Constitutional Law*, 2012, vol. 10 (2), pp. 551–574.
21. Osella S. «De-gendering» the civil status? A public law problem // *International Journal of Constitutional Law*. 2020. Vol. 18. Iss. 2. P. 471–475.
22. Pevtsova E., Pevtsova N., Lavitskaya M., Redkous V., Matveeva E. Influence of migration processes in Europe on law and legal culture of information society. In: *E3S Web of Conferences*, 2020. Available at: URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2020/70/e3sconf_itse2020_17023.pdf (accessed: 06.05.2021).
23. Smet S. On the Existence and Nature of Conflicts between Human Rights at the European Court of Human Rights. In: *Human Rights Law Review*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 499–521.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Певцова Наталья Сергеевна – магистр юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: natalipevtsova@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya S. Pevtsova – Master's Student, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: natalipevtsova@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Певцова Н. С. Право на физическое существование: концепции, регулирование и интерпретация // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 2. С. 66–75.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-66-75

FOR CITATION

Pevtsova N. S. Right to Physical Existence: Concepts, Regulation and Interpretation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 2, pp. 66–75.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-66-75

УДК 342.7

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-76-83

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Талапина Э. В.*Институт государства и права РАН**119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследовать теорию и практику реализации социальных прав (права на труд и права на образование) в условиях цифровизации, а именно при алгоритмической обработке данных. Выявить возможные «источники» дискриминации при использовании алгоритмов.

Процедура и методы. Использовались методы компаративного анализа, системного анализа, моделирования.

Результаты. Сделаны предложения по учёту рисков дискриминации при алгоритмической обработке данных, высказано пожелание по формированию правового регулирования юридического обоснования принятого решения и предоставлению возможностей его оспаривания.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты могут быть использованы в научно-исследовательских целях, в законодательной и правоприменительной практике.

Ключевые слова: дискриминация, искусственный интеллект, алгоритм, право на труд, право на образование

SOCIAL RIGHTS IN A DIGITALIZED WORLD

E. Talapina*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences**10, Znamenka ul., Moscow, 119019, Russian Federation*

Abstract

Aim. To investigate the theory and practice of social rights (the right to work and the right to education) in the context of digitalisation, namely through algorithmic data processing. To identify possible «sources» of discrimination when algorithms are used.

Methodology. The methods of comparative studies, system analysis and modeling were used.

Results. Suggestions are made on taking into account the risks of discrimination in algorithmic data processing; the proposal to construe a legal regulation of legal justification of the decision and to give the opportunity to discuss it is expressed.

Research implications. The results can be used for research purposes, as well as by legislators and law enforcement bodies.

Keywords: discrimination, artificial intelligence, algorithm, right to work, right to education

Введение

С широким распространением цифровых технологий меняется реализация многих социальных прав, причём не только с т. зр. формы. Возникают новые риски и угрозы нарушений прав человека. Алгоритмическая обработка данных при принятии решений в сфере реализации социальных прав граждан способна привести к дискриминации. Особенно это показательно в сфере занятости населения и образования. Проблема не ограничивается явными, легко обнаруживаемыми нарушениями прав человека, которые связаны с использованием чувствительных данных. Современные технологии аналитики больших данных позволяют сделать из исходной информации непредсказуемый

вывод, поскольку чувствительные данные можно извлечь не напрямую, а путём сопоставления с другими данными. В таких технологических условиях и люди, и частные компании, и даже государство становятся всё более прозрачными, что посягает на устоявшееся понимание частной жизни и приватности, а также создаёт новые риски дискриминации в процессе реализации социальных прав граждан.

Принцип недискриминации в законодательстве и судебной практике

Принцип всеобщего равенства является главным принципом правового государства. Он проводится красной нитью во многих международных актах и национальных конституциях. Из принципа равенства выводится запрет дискриминации и право на недискриминацию. Право на недискриминацию имеет более узкое содержание и зависит от ряда условий, начиная с того, что государство может осуществлять совершенно осознанную политику дискриминации «во благо» (поддерживая инвалидов, например, и устанавливая квоты для их трудоустройства и приёма в вузы).

Дискриминировать означает различать. Если сказать то же самое на юридическом языке, то дискриминировать – обращаться с человеком неблагоприятным образом на запрещённом основании.

На уровне Совета Европы дискриминация запрещена ст. 14 Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод. При этом она запрещает дискриминацию только в отношении тех прав и свобод, которые гарантированы в Конвенции и в Дополнительных протоколах к ней. В этом смысле ст. 14 Конвенции не является самостоятельной гарантией [1, с. 45]. Чтобы расширить действие ст. 14 и установить общий запрет дискриминации, 4.11.2000 г. был принят Протокол № 12 к Конвенции (который Россией подписан, но не ратифицирован). Однако странным образом этот общий запрет дискримина-

ции распространён только на отношения граждан с властью – «никто не может быть подвергнут дискриминации со стороны каких бы то ни было публичных властей».

Чтобы расширить этот запрет и распространить его на частный сектор, некоторые государства могут детализировать своё антидискриминационное законодательство. К примеру, по такому пути пошла Эстония. Поскольку закреплённая в Конституции Эстонии норма о недискриминации касается только взаимоотношений между государством и отдельными лицами (т. е. имеется в виду равенство перед законом), для преодоления дискриминации как в государственном, так и в частном секторе принят Общий закон о равном обращении – Equal Treatment Act¹. Этот закон касается защиты лиц от дискриминации по признаку национальности (этнического происхождения), расы, цвета кожи, религии или других убеждений, возраста, инвалидности или сексуальной ориентации.

В объединённой Европе концепт равенства образует фундаментальный принцип права ЕС². Как и многие другие принципы, равенство и недискриминация конкретизированы судебной практикой. Именно Судом ЕС дано общее понятие дискриминации³. Однако этот общий принцип равного обращения применим, только если конкретные запреты дискриминации не применяются. Схожая позиция у ЕСПЧ. Дискриминация, по мнению ЕСПЧ, означает различное обращение с лицами, находящимися в относительно аналогичных ситуациях, без объективной и разумной причины (Постановление ЕСПЧ по делу «Уиллис против Соединенного Королевства», жалоба № 36042/97).

¹ Estonian Equal Treatment Act—RT I, 26 April 2017, 9. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/503052017002/consolide> (дата обращения: 06.05.2021).

² CJCE, Angel Rodr/guez Caballero/Fondo de Garantfa Salarial, aft. C-442/00.

³ Case C-303/05, Advocaten voor de Werelt VZW v Leden van de Ministerraad (ECJ 3 May 2007), para. 56 (together with para. 46). With special regard to Art. 20 FRC: Case C-21/10, Károly Nagy v Mezőgazdasági és Vidékfejlesztési Hivatal (ECJ 21 July 2011), para. 47.

Различное обращение является дискриминационным, если для него отсутствует объективная и разумная причина. Кроме того, различное обращение должно не только преследовать законную цель, но также соблюдать соразмерность между средствами и целью.

На нормативном уровне в Европейском Союзе Директива Совета 2000/43/ЕС от 29.06.2000 г. закрепила осуществление принципа равного обращения с лицами независимо от их расовой принадлежности или этнического происхождения и, в конкретном контексте занятости, Директива Совета 2000/78/ЕС от 27.01.2000 установила общие рамки равного обращения при трудоустройстве. Обе директивы предусматривают расширение сферы действия запрета на дискриминацию, с прямой на косвенную дискриминацию – даже использование нейтрального критерия или практики будет рассматриваться как дискриминация, если это может привести к возникновению конкретного неблагоприятного положения лиц, имеющих особые характеристики, если только такое положение, критерий или практика не обосновываются объективно законной целью и уместными и необходимыми для достижения этой цели средствами. Здесь заложено и перераспределение бремени доказывания. В судебных делах лицо, утверждающее, что оно является жертвой дискриминации, должно иметь возможность требовать от ответчика доказательства того, что он (ответчик) не нарушил принцип равенства. Само же лицо при этом представляет факты, позволяющие предположить наличие дискриминации. Таким образом, 2 безусловных достижения европейских директив – запрет косвенной дискриминации и перераспределение бремени доказывания по делам о дискриминации.

В законодательстве о равном обращении сосуществуют два различных определения косвенной дискриминации, которые имеют весьма различные последствия. Один из подходов основан на концепции непропорционального воздействия: если на пер-

вый взгляд нейтральная мера (т. е. мера, которая не проводит явной дискриминации между членами группы А и членами группы В) в действительности затрагивает гораздо большее количество членов такой группы, эта мера будет считаться подозрительной и может быть сохранена только в случае объективного и разумного обоснования этой меры. Такой подход к косвенной дискриминации принят Директивой 97/80 от 15.12.1997 о бремени доказывания в области равной оплаты труда и равных возможностей. Он основан на статистическом анализе воздействия такой, казалось бы, нейтральной меры, т. е. для принятия решения судья оценивает статистику.

Второй подход основан на идее о том, что некоторые меры, хотя и не основываются прямо на запрещённом критерии различия, тем не менее по своей природе могут благоприятствовать лицам, принадлежащим к той или иной конкретной категории охраняемых лиц. Здесь нет необходимости определять на статистическом уровне, действительно ли происходит непропорциональное воздействие в ущерб этой категории. Данный подход к косвенной дискриминации вдохновлен прецедентным правом ЕС о запрещении дискриминации по признаку национальности [3, р. 46].

Право на труд и дискриминация

Всеобщая декларация прав человека запрещает дискриминацию в связи с оплатой труда, которая должна быть равной за равный труд (ст. 23). Контекст дискриминации в области занятости получил широкое развитие в актах Международной организации труда, основополагающим актом которой является Конвенция о дискриминации в области труда и занятий 1958 г. (Конвенция 111). В её трактовке термин «дискриминация» включает:

а) всякое различие, недопущение или предпочтение, проводимое по признаку расы, цвета кожи, пола, религии, политических убеждений, национального происхождения или социальной принадлеж-

ности, приводящее к уничтожению или нарушению равенства возможностей или обращения в области труда и занятий;

б) всякое другое различие, недопущение или предпочтение, приводящее к уничтожению или нарушению равенства возможностей или обращения в области труда и занятий, определяемое соответствующим членом по консультации с представительными организациями предпринимателей и трудящихся, где таковые существуют, и с другими соответствующими органами.

Следует заметить, что разница в обработке данных не является дискриминацией. Приведём пример из практики Государственного совета Франции (высшей инстанции системы административных судов). Сразу несколько заявителей просили аннулировать правила деятельности от 25.09.2014 г. в пользу бывших военнослужащих вспомогательных войск (французская армия в Северной Африке 1954–1962 гг.) и их близких, в частности, по поводу предоставления резервированных должностей детям таких военнослужащих. Так, для получения рабочего места такими детьми не существует условия о возрасте, тогда как для всех остальных возраст занятия должности ограничен. Государственный Совет подтвердил, что разница между лицами в аналогичной ситуации является дискриминацией, если получение права не объясняется объективными и рациональными причинами, т. е. если не преследует цель публичной пользы или основано на объективных и рациональных причинах по отношению к целям закона. Но в данном случае, как раз ввиду специальной цели поддержки детей военнослужащих, дискриминации выявлено не было¹.

Нетрудно заметить, что запреты дискриминации формулировались задолго до наступления цифровой эпохи. Это не означает, что они потеряли актуальность. Напротив, с распространением цифровых технологий необходимо исследовать новые риски в этой области. В частности, как

расширяются возможности дискриминации при алгоритмической обработке данных в сфере занятости.

Такие практики уже активно используются частным сектором при подборе кандидатов на вакантные должности. Как правило, найм на работу основывается на отборе для алгоритма «лучших» параметров кандидатов, что в дальнейшем способно привести к дискриминации (если в качестве ориентира избраны лучшие работники с наиболее высокой зарплатой за определённый период, которые все оказались мужчинами, то женщины-претенденты будут отсекаются автоматически). Такой, казалось бы, нейтральный параметр, как место жительства, может косвенно указывать на национальность или расу (не секрет, что во многих городах мира существуют районы компактного проживания представителей отдельных национальностей). Адрес проживания может также свидетельствовать о социальном положении лица, его достатке. Сложность состоит ещё и в том, что механическое отсечение некоторых параметров не всегда приведёт к недискриминации (поскольку посредством обработки больших данных можно извлечь даже ту информацию, которая кандидатами не предоставлялась) [2, с. 87].

Ещё один канал для расширения дискриминационных практик – использование генетической информации работодателями. К счастью, данное направление довольно быстро снабдилось специальным законодательством, и большинство стран напрямую запретило работодателям использовать генетическую информацию о сотрудниках. Так, в законодательстве США (Genetic Information Nondiscrimination Act (GINA), 2008) с целью предотвращения генетической дискриминации на рабочем месте работодателям запрещено требовать прохождения генетического тестирования или принимать решения о найме, увольнении и пр. на основе генетической информации.

¹ Госсовет Франции. 2019. № 418521.

«Источники» дискриминации при использовании алгоритмов

Попытаемся ответить на вопрос «Как можно избежать дискриминации со стороны алгоритма?» Это собственно и покажет основные «источники» дискриминации.

Во-первых, важно не использовать при составлении алгоритма чувствительные параметры и характеристики, способные привести к дискриминации. Но это не так просто. Например, европейское законода-

тельство о защите данных допускает сбор и обработку данных расового или этнического характера, которые могут использоваться для борьбы с дискриминацией при условии соблюдения определённых ограничений. В то же время многие исследователи и практики высказываются против сбора таких данных, ибо они с тем же успехом могут использоваться для совершенно противоположных целей – дискриминации (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Основные риски и опасения, связанные со сбором данных по этническим группам / Main risks and concerns related to the collection of data on ethnic groups

1-й риск / опасность	Воздействие плохой или недостаточной государственной политики
2-й риск / опасность	Подстрекательство к этническим конфликтам и стигматизация
3-й риск / опасность	Злоупотребление данными с целью дискриминации этнических групп
4-й риск / опасность	Дискриминационное этническое профилирование государственными органами
5-й риск / опасность	Нарушение конфиденциальности и правил защиты данных

Источник: [5, p. 272].

Во-вторых, в алгоритме дискриминация может быть заложена на уровне определения целевой переменной и классифицирующей метки. Искусственный интеллект – это компьютер, обнаруживающий корреляции в наборах данных. Например, компания, разрабатывающая фильтр спама, предоставляет компьютеру сообщения, помеченные людьми как спам. Эти помеченные сообщения являются обучающими данными. Компьютер должен обнаружить характеристики спамового сообщения. Набор выявленных корреляций называют моделью (или прогностической моделью). Сообщения, идентифицированные как спам, часто будут содержать, например, определённые фразы («массивная потеря веса», «миллион долларов выигрыша» и т. д.) или корреспондировать определённым IP-адресам.

Алгоритм машинного обучения черпает из соответствующих примеров (ранее выявленное мошенничество, спам, дефолты платежей, плохое состояние здоровья) атрибуты или действия (прокси), которые могут быть использованы для обнаружения желаемого качества или результата

(целевая переменная). Целевая переменная представляет собой то, что ищет разработчик данных, в то время как классифицирующие метки делят все возможные значения этой целевой переменной на взаимоисключающие категории [6, p. 10–13]. От того, как выбрать эти классифицирующие метки, многое зависит. Например, хороший сотрудник – это тот, кто делает лучшие продажи, или тот, кто никогда не опаздывает на работу? Если компания решает, что сотрудник «хороший» по классу, потому что «редко опаздывает», то вполне вероятно, что люди, которые в среднем беднее и потому живут дальше от работы, будут поставлены в невыгодное положение (дискриминированы), даже если они справляются с работой лучше других сотрудников.

В-третьих, дискриминация может последовать из данных для обучения, если они основаны на предыдущей дискриминации. Иными словами, алгоритм будет воспроизводить дискриминацию (причём последовательно и системно), если обучающие данные её позволяли. Так, при поиске через Гугл деловых женских

причесок поисковик показал в основном фотографии белых женщин со светлыми волосами, а при поиске неделовых причесок – фотографии темнокожих женщин. Гипотетически, если работодатель доверит искусственному интеллекту сканировать заявления о приеме на работу и разобраться с ними по критерию «непрофессиональный» вид, это может привести к юридически значимой расовой дискриминации.

Право на образование и риски дискриминации

Основным международным актом здесь является Конвенция ООН о борьбе с дискриминацией в области образования (принята 14.12.1960). Национальные государства, запрещая дискриминацию в области образования, имеют возможность детализировать это в своём законодательстве, либо пользоваться общим запретом дискриминации и принципом равенства. Приведём конкретные примеры того, как могут проявлять себя риски дискриминации в данной сфере.

На европейском уровне показательным является судебное дело D. H. and Others v. the Czech Republic (2007 г.) в Европейском суде по правам человека¹. Дело касалось систематического помещения учащихся из числа цыган в специальные учебные заведения для умственно отсталых. Этот факт был доказан статистически – путём приведения конкретных цифр, наглядно демонстрирующих верность утверждения о такой дискриминации. Это лишний раз доказывает, что для успешного применения статистического подхода к случаям дискриминации данные об этнической принадлежности должны собираться и предоставляться в распоряжение жертв дискриминации.

Если говорить об использовании алгоритмической обработки данных в образовании, вновь подтверждает себя тезис о повторе дискриминационных предвзятостей человека искусственным интел-

лектром. Данные для обучения могут быть предвзятыми, если они отражают дискриминационные человеческие решения. Так, для отбора в один из медицинских колледжей Великобритании, который регулярно получал больше заявок, чем имелось мест, было разработано программное обеспечение, помогающее сортировать заявки. Алгоритм был составлен на основе записей о приёме в колледж в предыдущие годы, когда абитуриентов отбирали в «ручном режиме», т. е. по сути была воспроизведена предшествующая система отбора. В итоге было установлено, что компьютер ставит в невыгодное положение женщин и лиц из числа мигрантов, что означает, что раньше лица, ответственные за отбор студентов, предвзято относились к этим категориям лиц. Программа не привнесла никакой новой предвзятости, а лишь повторила предвзятость, которая уже существовала в системе [4, р. 103–121].

Таким образом, система может учиться либо на основе предвзятых данных, либо на основе предвзятой выборки, но по большому счёту это неважно, поскольку в обоих случаях система будет воспроизводить предвзятость.

Другой аспект проблемы дискриминации связан с открытостью алгоритма и возможностью оспаривания принятых решений. Правда, на практике, даже если действует общее правило о доступности алгоритмов, этот доступ осуществляется в индивидуальном порядке в каждом конкретном случае. И далеко не всегда с положительным результатом. Так, во Франции подача заявок на поступление в вузы отныне производится только путём использования платформы Parcoursup, которая «сортирует» эти заявки в зависимости от их количества и необходимых качеств кандидатов в каждый вуз. Разумеется, многие абитуриенты остаются недовольны результатами такого отбора. Но попытки оспорить решение не всегда удаются. Например, административный трибунал Гваделупы (решение по Антильскому университету от 04.02.2019 дело № 1801094) постановил, что алгоритмическая обработка данных в вузах для от-

¹ European Court of Human Rights (EctHR), D. H. and Others v. the Czech Republic, Judgment (13 November 2007), paras. 46, 137, 164, 180, 187 and 188.

бора кандидатур на платформе Parcoursup (сам алгоритм) не может передаваться профсоюзам студентов. Что, конечно, обнулило шансы на оспаривание принятых решений.

Не стоит упускать из виду и такой психологический феномен, как «смещение в сторону автоматизации» – он может привести к тому, что люди будут чрезмерно полагаться на системы поддержки принятия решений. Чем сложнее факторы, которые играют роль в принятии решения, тем больше человек склонен доверять автоматизированной системе, а не своим собственным суждениям [7, р. 134].

Заключение

Анализ, даже будучи проведённым применительно к отдельным сферам труда и образования, показывает глубину проблематики. Использование алгоритмов при

отборе кандидатов в области образования и труда способно повлечь дискриминационные последствия, а возможности бороться с такой дискриминацией ограничены. Очевидно, необходим целый комплекс правовых мер, включая правовые компоненты правил обучения алгоритмов с учётом возможных рисков дискриминации, правил разработки алгоритмов. Отдельного правового регулирования заслуживает юридическое обоснование решения, принятого алгоритмом, и предоставление возможностей его оспаривания. Это послужит своеобразной адаптацией к цифровым условиям запрета косвенной дискриминации и перераспределения бремени доказывания по делам о дискриминации, сформированных в европейских стандартах.

Статья поступила в редакцию 30.03.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартенев Д. Г. Запрет дискриминации: практический обзор подходов Европейского суда по правам человека // *Международное правосудие*. 2019. № 1. С. 43–66.
2. Hacker Ph. The Ambivalence of Algorithms. Gauging the Legitimacy of Personalized Law // Bakhoum M., Conde Gallego B., Mackenrodt M.-O., Surblytė-Namavičienė G., eds. *Personal Data in Competition, Consumer Protection and Intellectual Property Law*. Berlin, 2018. 577 с.
3. Schutter De O. Prouver la discrimination // *ERA Forum*. 2003. Vol. 4. P. 45–54.
4. Tischbirek A. Artificial Intelligence and Discrimination: Discriminating Against Discriminatory Systems // Wischmeyer Th., Rademacher T. *Regulating Artificial Intelligence*. Springer, 2020. P. 103–121.
5. Van Caeneghem J. Legal Aspects of Ethnic Data Collection and Positive Action. The Roma Minority in Europe. Springer, 2019. 728 p.
6. Zuiderveen Borgesius F. Discrimination, intelligence artificielle et décisions algorithmiques: Etude à l'intention du Service anti-discrimination du Conseil de l'Europe, 2018. 51 p.
7. Hänold S. Profiling and Automated Decision-Making: Legal Implications and Shortcomings // Corrales M., Fenwick M., Forgó N., eds. *Robotics, AI and the Future of Law*. Springer, 2018. P. 123–153.

REFERENCES

1. Bartenev D. G. [The Prohibition of Discrimination: A Practical Review of the Approaches of the European Court of Human Rights]. In: *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International Justice], 2019, no. 1, pp. 43–66.
2. Hacker Ph. The Ambivalence of Algorithms. Gauging the Legitimacy of Personalized Law. In: Bakhoum M., Conde Gallego B., Mackenrodt M.-O., Surblytė-Namavičienė G., eds. *Personal Data in Competition, Consumer Protection and Intellectual Property Law*. Berlin, 2018. 577 с.
3. Schutter De O. Prouver la discrimination. In: *ERA Forum*, 2003, vol. 4, pp. 45–54.
4. Tischbirek A. Artificial Intelligence and Discrimination: Discriminating Against Discriminatory Systems. In: Wischmeyer Th., Rademacher T. *Regulating Artificial Intelligence*. Springer, 2020, pp. 103–121.
5. Van Caeneghem J. Legal Aspects of Ethnic Data Collection and Positive Action. The Roma Minority in Europe. Springer, 2019. 728 p.
6. Zuiderveen Borgesius F. Discrimination, intelligence artificielle et décisions algorithmiques: Etude à l'intention du Service anti-discrimination du Conseil de l'Europe, 2018. 51 p.
7. Hänold S. Profiling and Automated Decision-Making: Legal Implications and Shortcomings. In: Corrales M., Fenwick M., Forgó N., eds. *Robotics, AI and the Future of Law*. Springer, 2018, pp. 123–153.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Талапина Эльвира Владимировна – доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института государства и права РАН;
e-mail: talapina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elvira V. Talapina – Dr. Sci. (Law), Chief Researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: talapina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Талапина Э. В. Социальные права в условиях цифровизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 2. С. 76–83.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-76-83

FOR CITATION

Talapina E. V. Social Rights in a Digitalized World. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 2, pp. 76–83.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-76-83

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-84-93

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОЗДАНИЕ, РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АВТОНОМНЫХ ВООРУЖЁННЫХ РОБОТОВ

Бегишев И. Р.

*Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова
420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выработать уголовно-правовые средства предупреждения и пенализации деятельности, направленной на создание, распространение и использование автономных вооружённых роботов, поскольку их применение представляет повышенную опасность для общественных отношений, обеспечивающих мир и безопасность человечества.

Процедура и методы. Рассмотрены различные аспекты незаконного оборота автономных вооружённых роботов. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы научного познания.

Результаты. В целях поддержания мира и безопасности человечества, сохранения мирного сосуществования государств, при наступлении технологической сингулярности и появлении полностью автономных вооружённых роботов законодателю необходимо дополнить УК РФ отдельной нормой об ответственности за создание, распространение и использование таких роботов.

Теоретическая и/или практическая значимость. В настоящее время отсутствуют какие-либо правовые нормы и правила учёта и применения автономных вооружённых роботов. Предложения и выводы настоящего исследования могут быть использованы при создании и совершенствовании механизмов уголовно-правового регулирования робототехники.

Ключевые слова: робот, робототехника, искусственный интеллект, мир и безопасность человечества, цифровые технологии, цифровая экономика, преступление, наказание, пенализация, ответственность, общественная опасность, вооружение, оружие, взрывчатое вещество, взрывное устройство, вооружённый, автономный

CRIMINAL LIABILITY FOR CREATING, DISTRIBUTING, OR USING AUTONOMOUS ARMED ROBOTS

I. Begishev

*Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
42, Moskovskaya ul., Kazan, 420111, Russian Federation*

Abstract

Aim. To develop criminal legal means of preventing and penalizing activities aimed at the creation, distribution and use of autonomous armed robots, since their use poses an increased danger to public relations that ensure the peace and security of mankind.

© CC BY Бегишев И. Р., 2021.

Methodology. Various aspects of illegal trafficking of autonomous armed robots were considered. The methodological basis of the study was made up of nationwide and private scientific methods of scientific knowledge materials.

Results. In order to maintain the peace and security of mankind, preserve the peaceful coexistence of states, with the advent of technological singularity and the appearance of fully autonomous armed robots, the legislator needs to supplement the Criminal Code of the Russian Federation with a separate norm on responsibility for the creation, distribution and use of such robots.

Research implications. Currently, there are no legal norms and rules for the accounting and use of autonomous armed robots. The proposals and conclusions of this study can be used for creating and improving the mechanisms of criminal law regulation of robotics.

Keywords: robot, robotics, artificial intelligence, peace and security of humanity, digital technologies, digital economy, crime, punishment, penalization, responsibility, public danger, armament, weapons, explosives, explosive device, armed, autonomous

Введение

Бурное развитие сквозных цифровых технологий, внедрение и применение робототехники и технологий искусственного интеллекта предопределяет необходимость поиска путей решения проблем охраны общественных отношений [2; 3; 4; 5; 6; 7; 9; 10; 11; 12; 14; 15].

Эскалация международной напряженности, проявляемая в последнее время государствами западного блока, формирует новые вызовы и угрозы международному миру [16]. В затронутом контексте ускоренное развитие сквозных цифровых технологий, в т. ч. робототехнических устройств, комплексов и систем, может служить дополнительным фактором, повышающим международные угрозы и обостряющим вызовы. Обладая расширенными поражающими возможностями, роботы выступают одним из обстоятельств, способствующих эскалации международных конфликтов [8].

Перечень технических средств, формально относящихся к категории робототехники, очевидно широк и имеет в своём составе комплексы, обладающие существенными различиями в тактико-техническом потенциале. Выразим мнение, что разработка роботов, имеющих производственное и иное хозяйственно-бытовое назначение и не обладающих признаками сквозных технологий и технологий двойного назначения, не составляет существенной угрозы миру и безопасности человечества.

Иная ситуация складывается по отношению к робототехническим системам, способным быть носителями вооружения, обладающим возможностью длительного нахождения в активном состоянии и снабжённым элементами передачи сигналов, которые позволяют осуществлять управление на значительном удалении.

Подобные разработки в состоянии изменить характер применения вооружения, повысить его латентность, увеличить радиус действия. Однако традиционные вооружённые роботы в настоящее время уже не являются наиболее актуальным трендом. В качестве такового выступают автономные роботы [1]. Последние отличаются от традиционных робототехнических систем способностью к самообучению, формированию решений на основании самостоятельного анализа внешней обстановки и осуществлению действий исходя из той информации, которая была ими самостоятельно отобраана.

Отличия управляемых роботов от автономных

В затронутом контексте необходимо описать механизмы принятия решений роботами и выявить основные отличия между их управляемыми и автономными разновидностями.

Любой робот состоит из двух компонентов – аппаратной и программной. Первая, по сути, представляет собой механическую

часть устройства, выраженную во взаимосвязанной системе элементов конструкции, датчиков, рычагов, радаров, лидаров, радиопоглощающих материалов и покрытия и т. д. Изолированно от программного аппаратный элемент к осуществлению каких-либо механических действий неспособен и в этой связи представляется нерелевантным. Однако аппаратным компонентом во многом предопределяются основные технические характеристики робота: длительность автономной работы, габариты, снаряженная масса, масса полезной нагрузки, дальность действия, виды навесного оборудования, классы перевозимого груза, вероятность обнаружения радиолокационными, инфракрасными и другими областями спектра обнаружения и т. д.

Программный элемент – это цифровой код компьютерной программы, содержащей алгоритмы действий робота. В рамках реализации данных алгоритмов робот может совершать конкретные механические манипуляции. При этом характер и пределы таких манипуляций, их длительность, а также перечень конкретных действий изначально предопределены цифровым кодом программы. Для приведения в действие цифрового кода компьютерной программы необходимо получение соответствующего сигнала от устройств управления и сигнализации либо датчиков робота (если автоматическое реагирование на определённые сигналы датчиков было изначально заложено в цифровой код компьютерной программы). После получения такого сигнала компьютерная программа робота определяет его содержание и выявляет наличие алгоритмов, в которых данный сигнал предусмотрен в качестве исходного элемента. Получив сигнал, алгоритм приводится в действие, и робот приступает к выполнению конкретных механических манипуляций, прямо предусмотренных этим алгоритмом. При этом определённый сигнал может инициировать не один, а несколько алгоритмов.

Приведёнными описаниями продемонстрирована взаимосвязь программного и аппаратного элементов робота, который,

хотя и фигурирует как единое программно-аппаратное устройство, приобретает способность к совершению конкретных механических манипуляций исключительно исходя из своей программной составляющей.

Видится принципиальным следующее: поскольку все механические манипуляции робота прямо предопределяются алгоритмами, заложенными в цифровой код его компьютерной программы, его действия в тех или иных ситуациях являются прогнозируемыми. Составляя цифровой код с алгоритмами действий, разработчики робота однозначно определяют границы возможного поведения робота. Участие человека в данном случае сводится либо к управлению и координированию действий робота, либо, в случае если компьютерная программа содержит достаточно сложные алгоритмы, способные опосредовать взаимосвязанный и объединённый общим назначением комплекс действий, в рамках которого полностью выполняется поставленная задача, человеческое участие состоит в инициировании реализации алгоритмов компьютерной программы. В любом случае, вне зависимости от характера и пределов, само наличие человеческого участия и отсутствие способности самообучения позволяют однозначно именовать вышеописанных роботов управляемыми.

Существенные отличия демонстрирует автономный робот, в первую очередь ввиду способности к самообучению. Последняя состоит в имитации человеческих когнитивных способностей посредством самостоятельного анализа зависимостей внешней среды, отбора информации и формирования новых алгоритмов действий путём внесения изменений в собственный программный код. Таким образом, цифровой код компьютерной программы автономного робота, а соответственно, и зафиксированные в нём перечни алгоритмов перестают быть статичной категорией и приобретают способность к автономному изменению, не опосредованному участием человека.

Из изложенного следует закономерный вывод: характер и пределы механических манипуляций автономного робота в конкретных ситуациях не предопределены разработчиком при создании компьютерной программы. Заложив в цифровой код способность к самообучению, фактически далее нельзя обоснованно спрогнозировать поведение робота при выполнении конкретных механических действий, поскольку последние предопределяются самостоятельно сформулированными поведенческими алгоритмами. Резюмируя изложенное, приходим к убеждению, что автономный робот отличается от управляемого *возможностью самостоятельного принятия решений и действия на основании самостоятельно сформулированного поведенческого алгоритма.*

Причиняющая способность автономного вооружённого робота

Отсутствие возможности конструктивного прогнозирования вариантов действий подобных роботов, потенциальная возможность девиаций в ходе осуществления ими самообучения являются достаточной предпосылкой к констатации наличия свойства общественной опасности.

Полагаем, что автономный робот, в силу присущих ему интеллектуальных свойств, обладает повышенной причиняющей способностью, обусловленной усиленными вычислительными мощностями заложенной в него компьютерной программы, иными словами, будучи оператором некоего робота, человек за единицу времени в состоянии совершить несопоставимо меньше логических операций по сравнению с автономным роботом. Данное свойство проявляется как в оценке возможных вариантов решения поставленной задачи, так и в характере и длительности прогнозирования развития ситуации. Обобщенно вышеизложенное можно обозначить как *«интеллектуальный потенциал автономного робота».*

Указанная причиняющая способность экспоненциально возрастает в случае нали-

чия в техническом оснащении автономного робота средств вооружения. Важно обозначить, что в зависимости от конкретных параметров программной составляющей посредством автономного робота возможно применение большинства разновидностей оружия массового поражения, в т. ч. основанного на новых физических принципах. Данное обстоятельство существенно дополняет причиняющую способность автономного вооружённого робота.

При этом уголовно-правовая оценка создания и разработки вышеуказанного робота с размещёнными на нём средствами оружия массового поражения видится не в полной мере обоснованной, поскольку описанный робот выступает не просто средством доставки вооружения, но и, входя в общий технико-боевой комплекс, существенно усиливает за счёт собственного интеллектуального потенциала его причиняющую способность, что должно найти отражение и предопределить дифференциацию уголовной ответственности.

Однако на сегодняшний день изложенное невозможно в рамках действующих положений уголовного закона, поскольку ещё не наступила полная технологическая сингулярность и не появились автономные роботы.

Даже в случае применения обычных средств вооружения в автономном роботе его высокие вычислительно-интеллектуальные возможности способны довести причиняющий потенциал такого вооружения до объёмов, сопоставимых с оружием массового поражения. Таким образом, будучи применёнными в автономном роботе, обычные средства вооружения приобретают способность вызывать массовые потери и разрушения до необратимых изменений окружающей среды. В описанной ситуации автономный вооружённый обычными средствами робот приобретает такие присущие оружию массового поражения признаки, как наличие поражающих факторов длительного действия, длительный психотравмирующий эффект и его распространение за пределы объекта поражения, сложность защиты войск, на-

селения, критически важных объектов при применении автономного робота¹.

В этой связи автономный вооружённый робот по причиняющему потенциалу использованных в нём средств вооружения может признаваться тождественным оружию массового поражения и представлять существенную угрозу миру и безопасности человечества.

Названное образует необходимость выработки уголовно-правовых средств предупреждения и пенализации деятельности по созданию, использованию и распространению подобных систем вооружения.

Незаконный оборот автономных вооружённых роботов

Тезис о том, что использование автономного вооружённого робота представляет повышенную опасность общественным отношениям, обеспечивающим мир и безопасность человечества в рамках государственной юрисдикции Российской Федерации, подтверждается следующими доводами:

– ранее отмечавшиеся факторы усиления причиняющего потенциала автономного вооружённого робота: 1) возможность применения в нём оружия массового поражения; 2) когнитивные способности, значительно умножающие причиняющий потенциал вооружения. Безусловно, оба указанных фактора непосредственно влияют на тяжесть наступивших в результате применения такого робота последствий. Данный признак является отражением объёма вреда, причинённого объекту уголовно-правовой охраны. Более того, повышенный причиняющий потенциал автономного вооружённого робота образует возможность полагать, что наступающий в результате его разработки, использования или распространения вред причиняет или создаёт угрозу причинения вреда интересам не только одного государства, но и

стабильности региона, уровню геополитической напряжённости, области политических интересов государств;

– неправомерное применение автономного вооружённого робота возможно со значительного удаления от места производимой атаки, что как минимум образует возможность осуществления провокационно-подстрекательских действий с территории иностранных государств;

– возможность применения при конструировании аппаратной части робота радиопоглощающих материалов и покрытия существенно усиливает скрытность функционирования подобных роботов, а повышенные интеллектуальные возможности образуют способность преодолевать систему радиоэлектронного обнаружения;

– возможность автономных вооружённых роботов действовать в составе группы, самостоятельно сообразуя и координируя свои действия на основании команд управления единого командного центра. Из данного факта следует повышенная устойчивость указанной группы, возможность рассеивания атакующих роботов. Совершенно справедливы рассуждения исследователей, отмечающих, что «Лучший рой сможет адаптировать свою парадигму командования и контроля к изменяющимся условиям, таким как доступная пропускная способность каналов коммуникации, но с адаптацией её к децентрализованному процессу принятия решений, когда этот канал не работает. Кроме того, модель командования и контроля может изменяться во время различных фаз операции, а для определённых типов решений могут быть использованы различные модели» [13], что отражает их высокоинтеллектуальный потенциал, возможность использования для решения широкого спектра задач боевого, разведывательного, демонстрационного, провокационного характера, что дополнительно подтверждает тезис о направленности указанных роботов на причинение вреда международной политической стабильности.

Означенное определённо свидетельствует о направленности деяний, связан-

¹ Оружие массового поражения // Минобороны России: [сайт]. URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=13769@morfDictionary> (дата обращения: 20.01.2021).

ных с неправомерным использованием автономных вооружённых роботов, на причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в области мира и безопасности человечества и международной стабильности.

В то же время абстрактное указание на «неправомерное использование» как признак, характеризующий деяние, не удовлетворяет требованиям формальной определённости правовых предписаний и в случае конструирования конкретной уголовно-правовой нормы требует уточнения.

Важно сформировать единое предствление о том, что сама деятельность, направленная на изготовление автономного вооружённого робота, уже создаёт достаточную общественную опасность. Принимая во внимание особую сложность ликвидации подобных робототехнических устройств, следует концентрировать усилия не на пенализации фактов создания таких роботов, а на выработке уголовно-правовых мер превентивно-предупредительного воздействия. Деятельность по созданию, разработке, проектированию, написанию программ для вышеуказанных роботов уже образует достаточные основания для вменения оконченного состава преступления. Сообразно этому проектируемый состав преступления, по нашему мнению, должен содержать указание на деяние, состоящее в разработке автономных вооружённых роботов. И эта деятельность, в силу сложного технического характера рассматриваемых разновидностей роботов, обоснованно имеет многокомпонентную структуру – может выражаться в изыскании средств для построения робота, написании компьютерных программ, создании вооружения, объединении программного и аппаратного компонентов.

В затронутом контексте важно различать, что само по себе приискание аппаратной составляющей, как признак объективный, может образовывать состав только в том случае, если умыслом виновного охватывалось совершение вышеуказанных действий в целях разработки автономного вооружённого робота.

Другими словами, в ситуациях, когда лицо приобретает либо иным образом получает вооружение, элементы питания, материалы внешнего покрытия, датчики, иные элементы механической конструкции, необходимо устанавливать направленность умысла на совершение вышеуказанных действий в целях разработки автономного вооружённого робота. При отсутствии такого умысла содеянное не может образовывать состава преступления, объективными признаками которого охватывается разработка таких роботов, и должно влечь ответственность за неправомерное получение соответствующих материалов, если оно образует самостоятельный состав преступления.

Обратная ситуация складывается по отношению к написанию цифрового кода компьютерной программы автономного робота. Указанные действия обладают общественной опасностью, даже в случае если они не направлены на создание автономного вооружённого робота как на конечный результат, и лицо планирует ограничиться только написанием программы для последующего её неправомерного использования (размещения в общем доступе; передаче лицам, разрабатывающим автономных вооружённых роботов; помещение на хранение в носителях цифровой информации).

Важно обозначить, что любой робот приобретает свойство автономности только за счёт наличия в цифровом коде его компьютерной программы алгоритмов, обладающих возможностью самостоятельного принятия решений, и способен действовать на основании самостоятельно сформулированного поведенческого алгоритма. Иными словами, свойство автономности технически закладывается компьютерной программой, никакими иными компонентами робота оно не может быть обусловлено, разработка программы в данном случае – основное криминообразующее действие, в отсутствие его робот, вне зависимости от его технических характеристик, тождественен оружию.

Таким образом, деяния, состоявшие в неправомерном использовании либо разработке автономных вооружённых роботов, можно сопоставить по общественной опасности с аналогичными деяниями, совершаемыми в отношении компьютерных программ, предопределяющих появление у роботов свойства автономности.

В то же время содержание и структура цифровых кодов компьютерной программы позволяют однозначно определить её целевое предназначение, поэтому ситуации, когда такая программа создаётся с целью её дальнейшего использования в автономном вооружённом роботе, могут быть с достаточной определённостью отграничены от правомерных процессов создания компьютерных программ.

Комплексно анализируя изложенное, следует описать процессы приискания механических частей, написания программных кодов для автономного робота общим термином «создание» как наиболее релевантным и охватывающим достаточный комплекс конкретных действий, что особенно ценно в условиях неопределённости относительно конкретных форм, методов и средств разработки, проектирования и конструирования автономных вооружённых роботов. При этом важно понимать, что создание есть длящийся процесс, начинающийся с приискания необходимых технических средств (материалов), продолжающийся их переработкой, разборкой, сборкой и завершающийся объединением, в результате которого возникает автономный вооружённый робот как новый объект материального мира. В то же время деяние, состоящее в создании такого робота, может признаваться окончанным с момента совершения действий, направленных на возникновение робота, как конечный итог деятельности.

Следующими по общественной опасности будут действия, состоящие в любых формах возмездного или безвозмездного отчуждения в пользу других лиц автономных вооружённых роботов. Незаконный оборот подобных робототехнических устройств, комплексов и систем создаёт

основу для посягательств на мирное существование государств, образует экзистенциальные угрозы международной стабильности, способствует совершению актов международного терроризма.

Помимо изложенного, незаконный оборот детерминирует усиление процессов теневой экономики, возникновение преступных сообществ (преступных организаций), имеющих соответствующую специализацию. Таким образом, распространение указанных роботов можно сформулировать как любые формы отчуждения автономных вооружённых роботов либо компьютерных программ, предназначенных для их функционирования, как в рамках единичных экземпляров, так и партиями. При этом цель получения материальной или иной выгоды не является необходимой предпосылкой незаконного распространения, последнее может производиться как возмездно, т. е. предполагая совершение встречных действий, так и безвозмездно. В то же время распространяться могут равным образом как автономные вооружённые роботы, так и их компьютерные программы.

Наиболее общественно опасной формой действия является использование автономных вооружённых роботов. Особо отметим, что использование, как наиболее широкая форма, предполагает задействование любых свойств и качеств робота, в т. ч. с целью демонстрации военного потенциала, совершения провокационно-агрессивных действий, выполнения разведывательных функций. Безусловно, подобной формой действия охватывается и применение автономного вооружённого робота по прямому назначению, т. е. задействование его поражающего потенциала, обусловленного как вооружением, так и возможностями интеллектуальных систем.

Заключение

Исходя из соображений наиболее полного обеспечения обороноспособности и безопасности Российской Федерации, обеспечения контроля человека над автоном-

ным оружием, а также поддержания мира и безопасности человечества, сохранения мирного сосуществования государств, находим возможным при наступлении технологической сингулярности и появлении полностью автономных вооружённых роботов предложить законодателю дополнить УК РФ отдельной нормой об ответственности за создание, использование или распространение автономных вооружённых роботов следующего содержания:

«Статья 356.1 Создание, распространение или использование автономных вооружённых роботов

1. Действия, направленные на создание автономных вооружённых роботов, противоречащих общепризнанным принципам и нормам международного права, а равно компьютерных программ, предназначенных для их функционирования, наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

2. Распространение автономных вооружённых роботов, противоречащих общепризнанным принципам и нормам международного права, а равно компьютерных

программ, предназначенных для их функционирования, наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет.

3. Использование автономных вооружённых роботов наказывается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет».

В примечании к указанной норме предлагаем дать определение понятия «автономный вооружённый робот» следующего содержания:

Примечание. Под автономным вооружённым роботом в статьях настоящего Кодекса понимается робот, обладающий возможностью самостоятельного принятия решений и способный действовать на основании самостоятельно сформулированного поведенческого алгоритма, которому намеренно приданы свойства, обеспечивающие его применение с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств либо иного вооружения.

Статья поступила в редакцию 08.04.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бегишев И. Р. Об обороте роботов, их составных частей (модулей) (инициативный проект федерального закона). Казань, 2021. 28 с.
2. Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Искусственный интеллект и уголовный закон. М.: Проспект, 2021. 192 с.
3. Габов А. В., Хаванова И. А. Автономия боевых роботов и право // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 361–378.
4. Габов А. В., Хаванова И. А. Эволюция роботов и право XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 215–233.
5. Грачева Ю. В., Арямов А. А. Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6 (115). С. 169–178.
6. Грачева Ю. В., Маликов С. В., Чучаев А. И. Предупреждение девиаций в цифровом мире уголовно-правовыми средствами // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 189–211.
7. Денисов Н. Л. Концептуальные основы формирования международного стандарта при установлении уголовной ответственности за деяния, связанные с искусственным интеллектом // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 4. С. 18–20.
8. Козюлин В. Б., Ефимов А. Р. Новый бонд-машина с лицензией на убийство // Индекс безопасности. 2016. Т. 22. № 1 (116). С. 37–60.
9. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.
10. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования. Киров: Вятский государственный университет, 2020. 111 с.
11. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 3. С. 461–476.

12. Некрасов В. Н. Уголовная ответственность роботов: актуальные проблемы и направления дальнейшего развития // Государство и право. 2019. № 5. С. 134–140.
13. Савин Л. В. Варианты будущей войны: решение боевых роботов // Стратегическая стабильность. 2017. № 1 (78). С. 24–35.
14. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 85–102.
15. Хисамова З. И., Бегисhev И. Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 564–574.
16. Холиков И. В., Сазонова К. Л. Международно-правовая ответственность в контексте правовой регламентации военного использования беспилотных летательных аппаратов // Военное право. 2017. № 4 (44). С. 217–226.

REFERENCES

1. Begishev I. R. *Ob oborote robotov, ih sostavnykh chastej (modulej) (iniciativnyj projekt federalnogo zakona)* [On the turnover of robots, their components (modules) (initiative draft of the federal law)]. Kazan, 2021. 28 p.
2. Begishev I. R., Hisamova Z. I. *Iskusstvennyj intellekt i ugovolnyj zakon* [Artificial intelligence and criminal law]. Moscow, 2021. 192 p.
3. Gabov A. V., Havanova I. A. [Autonomy of killer robots and the law]. In: *Permskij yuridicheskij almanah* [Perm legal almanac], 2019, no. 2, pp. 361–378.
4. Gabov A. V., Havanova I. A. [Evolution of robots and the 21st century law]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin], 2018, no. 435, pp. 215–233.
5. Gracheva Yu. V., Aryamov A. A. [Robotization and Artificial Intelligence: Criminal Law Risks in the Field of Public Security]. In: *Aktualnye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of the Russian Law], 2020, vol. 15, no. 6 (115), pp. 169–178.
6. Gracheva Yu. V., Malikov S. V., Chuchayev A. I. [Preventing Deviations in the Digital World by Criminal Law Means]. In: *Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics.], 2020, no. 1, pp. 189–211.
7. Denisov N. L. [Conceptual foundations of international standard for the criminalization of acts related to artificial intelligence]. In: *Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya* [International Criminal Law and International Justice], 2019, no. 4, pp. 18–20.
8. Kozyulin V. B., Efimov A. R. [New bond-a machine with a license to kill]. In: *Indeks bezopasnosti* [Security Index], 2016, vol. 22, no. 1 (116), pp. 37–60.
9. Laptev V. A. [Artificial Intelligence and Liability for its Work]. In: *Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics.], 2019, no. 2, pp. 79–102.
10. Mosechkin I. N. *Iskusstvennyj intellekt v ugovolnom prave: perspektivy sovershenstvovaniya ohrany i regulirovaniya* [Artificial intelligence in criminal law: prospects for improving protection and regulation]. Kirov, 2020. 111 p.
11. Mosechkin I. N. [Artificial intelligence and criminal liability: problems of becoming a new type of crime subject]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* [Bulletin of Saint Petersburg University. Law], 2019, vol. 10, no. 3, pp. 461–476.
12. Nekrasov V. N. [Criminal responsibility of robots: actual problem and areas for further development]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2019, no. 5, pp. 134–140.
13. Savin L. V. [Future war variants: decision of combat robots]. In: *Strategicheskaya stabilnost* [Strategic stability], 2017, no. 1 (78), pp. 24–35.
14. Habrieva T. Ya., Chernogor N. N. [The Law in the Conditions of Digital Reality]. In: *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, no. 1 (253), pp. 85–102.
15. Khisamova Z. I., Begishev I. R. [Criminal liability, and artificial intelligence: theoretical and applied aspects]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [Russian Journal of Criminology], 2019, vol. 13, no. 4, pp. 564–574.
16. Holikov I. V., Sazonova K. L. [International legal responsibility in the context of the legal regulation of the military use of unmanned aerial vehicles]. In: *Voennoe pravo* [Military law], 2017, no. 4 (44), pp. 217–226.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бегишев Ильдар Рустамович – кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, старший научный сотрудник Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова;
e-mail: begishev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ildar R. Begishev – Cand. Sci. (Law), Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, senior researcher, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov;
e-mail: begishev@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бегишев И. Р. Уголовная ответственность за создание, распространение или использование автономных вооружённых роботов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 2. С. 84–93.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-84-93

FOR CITATION

Begishev I. R. Criminal Liability for Creating, Distributing, or Using Autonomous Armed Robots. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 1, pp. 84–93.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-84-93

УДК 343.242

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-94-103

СУЩНОСТЬ И ЦЕЛЕВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Лапшин В. Ф.¹, Корнеев С. А.²

¹Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

²Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний

390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Настоящее исследование предполагает научное обоснование необходимости разграничения уголовной ответственности несовершеннолетних преступников и иных мер уголовно-правового воздействия, применяемых к лицам, совершившим запрещённое уголовным законом деяние в несовершеннолетнем возрасте.

Процедура и методы. В процессе исследования комплексно применялись различные методы научного познания, используемые в гуманитарных (юридических) исследованиях: диалектический, сравнительный анализ, формально-логический.

Результаты. По итогам исследования установлено, что принудительные меры воспитательного воздействия, предусмотренные Уголовным кодексом РФ (УК, УК РФ) и применяемые к несовершеннолетним, совершившим запрещённое общественно опасное деяние, в действительности не являются разновидностью формы реализации уголовной ответственности. Их целевое назначение сводится к обеспечению правильного восприятия несовершеннолетним общих социальных ценностей, которые охраняются уголовным законом, а также понимания недопустимости нарушения этих общественных отношений в будущем.

Теоретическая и/или практическая значимость. Для современной науки уголовного права значимость сформулированных выводов заключается в формировании основы для разграничения различных форм реализации уголовно-правового воздействия на 2 группы: уголовная ответственность и иные меры уголовно-правового характера. Практическое значение представленной работы может быть выражено в корректировке подходов к применению принудительных мер воспитательного воздействия, поскольку их функциональная сущность сводится к воспитанию несовершеннолетнего и завершению процесса формирования его личности, а не к воздаянию (каре) за совершённое общественно опасное деяние.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие, формы реализации уголовной ответственности, уголовная ответственность несовершеннолетних, иные меры уголовно-правового характера, принудительные меры воспитательного воздействия, смягчающие наказание обстоятельства

THE ESSENCE AND PURPOSE OF COMPULSORY MEASURES OF EDUCATIONAL INFLUENCE

V. Lapshin¹, S. Korneev²

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoi ul., Mytishchi, 141014, Moscow region, Russian Federation

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service

1, Sennaya ul., Ryazan, 390000, Russian Federation

Abstract

Aim. This study assumes scientific substantiation of the need to differentiate the criminal liability of juvenile criminals and other measures of criminal law enforcement applied to persons who have committed an act prohibited by the criminal law as a minor.

Methodology. In the process of research, various methods of scientific knowledge used in humanitarian (legal) studies were comprehensively applied: dialectical, comparative analysis, formal-logical.

Results. According to the results of the study, it was found that the coercive measures of educational influence provided by the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code, CC) and applied to minors who have committed a prohibited socially dangerous act, in fact, are not a form of implementation of criminal liability. Their purpose is to ensure the correct perception by minors of general social values that are protected by criminal law, as well as an understanding of the inadmissibility of violating these social relations in future.

Research implications. For the modern science of criminal law, the significance of the formulated conclusions lies in the formation of a basis for distinguishing between various forms of implementation of criminal law impact on 2 groups: criminal liability and other measures of a criminal law nature. The practical significance of the presented work can be expressed in the adjustment of approaches to the use of compulsory measures of educational influence, since their functional essence is reduced to the upbringing of a minor and the completion of the process of forming his personality, and not to retribution (punishment) for the committed socially dangerous act.

Keywords: criminal law impact, forms of criminal responsibility implementation, criminal responsibility of minors, other measures of criminal law nature, compulsory measures of educational influence, mitigating circumstances

Введение

В современной уголовно-правовой науке не прекращаются споры о дифференциации и формах реализации уголовной ответственности. Исследователи высказывают, порой, противоположные по своему содержанию мнения, но при этом каждое из них основывается на нормах действующего уголовного закона.

Действительно, положения УК не содержат официального понятия, например, уголовной ответственности, форм её реализации, не раскрывают сущности и специфических особенностей института иных мер уголовно-правового характера и проч. Всё это обеспечивает возможность для предположения, что *любая* мера, закреплённая в уголовном законе, может рассматриваться в качестве формы реализации ответственности за совершённое преступление, а институт иных мер уголовно-правового характера, в т. ч. и принудительные меры воспитательного воздействия (ПМВВ), применяемые к несовершеннолетним, являются составной частью объёма уголовной ответственности.

Подобный подход, несмотря на некую правовую обоснованность, что вызвано, вероятно, низким качеством законодательной техники построения современных уголовно-правовых предписаний, поскольку применение, например, только принудительных мер медицинского характера исключает уголовную ответственность, поскольку лицо не способно осознать значение и цель его принудительного лечения. В этой связи остаётся неразрешённым вопрос о принудительных мерах воспитательного воздействия, применяемых к несовершеннолетним, но уже достигшим минимального возраста уголовной ответственности. Нормы действующего УК, к сожалению, позволяют рассматривать их и в качестве формы уголовно-правового воздействия, альтернативной уголовной ответственности, и в качестве составной части последней.

Подобное обстоятельство указывает на необходимость изучения сущности применяемых только к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия, для выявления истинной цели их применения, равно как и места в системе форм уголовно-правового воздействия.

Задачи принудительных мер воспитательного воздействия (ПМВВ)

Изучение положений уголовного закона, а также материалов специальных научных исследований, позволяет сформулировать определение, в соответствии с которым иные меры уголовно-правового характера представляют собой совокупность мер государственного принуждения, назначаемых на основании решения суда. Иные меры уголовно-правового характера применяются к лицу, совершившему деяние, запрещённое уголовным законом, и заключаются в предусмотренном УК РФ принудительном ограничении прав и свобод лица, обусловленном его возрастом, а также психическим состоянием как в момент совершения общественно опасного деяния, так и после его совершения.

Разновидностью «иных мер» можно признать и ПМВВ, т. к. они обладают всеми юридически значимыми признаками, присущими указанному институту. Так, ПМВВ являются уголовно-правовой мерой государственного принуждения [18, с. 31, 45; 14, с. 19], в связи с чем не следует разделять мнение, что они могут быть отнесены к области административно-правового регулирования [7, с. 113]. Сложно поддержать и решение об исключении из российского уголовного закона ПМВВ, назначаемых при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности, с созданием нового федерального закона, регламентирующего их назначение и реализацию [7, с. 101].

Эти сомнения вызваны тем, что определение общественной опасности деяния, преступности и наказуемости деяния, уголовной ответственности деяния, мер уголовно-правового воздействия, в т. ч. иных мер уголовно-правового характера, куда, безусловно, включаются ПМВВ, – это предмет уголовно-правового регулирования. Выделение указанных мер в отдельный нормативный акт нарушает, во-первых, логику деления всего права на отрасли, а во-вторых, общие правила законодательной техники о компактности, системности

и унификации положений одного и того же института права.

Анализ норм уголовного закона свидетельствует, что сущность ПМВВ может быть сведена к мере государственного принуждения, применяемой в отношении несовершеннолетнего лица, совершившего общественно опасное деяние, при условии его освобождения от уголовной ответственности (ст. 90 УК РФ), либо в отношении лица, совершившего преступление, если речь идёт об освобождении от уголовного наказания (ст. 92 УК РФ). Указанный факт свидетельствует о противоречивости законодательной регламентации данного института уголовного права, вследствие чего не утрачивается потребность в проведении специального исследования, дополнительного анализа уже имеющихся научных работ с целью устранения заявленной проблемы [13, с. 464].

За последнее время в доктрине уголовного права имеет место быть устоявшееся мнение отдельных исследователей, которое заключается в отождествлении между собой наказания и ПМВВ, рассмотрении последних либо в качестве форм реализации уголовной ответственности, либо в качестве карательных мер, представляющих собой составную часть уголовной ответственности [9, с. 210; 5, с. 8]. Представляется, что данная точка зрения является дискуссионной. Так, ПМВВ сложно признать карательной мерой уголовно-правового характера. Цель рассматриваемых мер не может быть карательной по определению, а в содержании кары практически невозможно найти то, что сближает её с воспитанием. В случаях же отмены ПМВВ и привлечения несовершеннолетнего лица к уголовной ответственности либо назначения ему наказания карательная сущность, безусловно, присутствует, однако она включена в объём уголовной ответственности, в частности, непосредственно определённого вида наказания.

Справедливо суждение учёных, что ПМВВ, в отличие от наказания, полностью лишены карательной сущности, т. к. в области защиты прав несовершеннолетних превалирует

принцип воспитуемости, а не наказуемости. Более того, использование карательной парадигмы в решении проблем преступности несовершеннолетних неэффективно как с экономической точки зрения, так и с социальной. Прав был и С. А. Боровиков, отмечая, что, несмотря на имеющиеся различия в юридической природе, не нужно производить разделение данных мер, а полностью включить их в иные меры уголовно-правового характера, обособив эту группу и отделив от остальных уголовно-правовых мер по примеру наказания [1, с. 36].

Действительно, ПМБВ по своей социально-правовой природе схожи с ПММХ и должны относиться к разряду иных, обособленных от уголовной ответственности мер по ряду причин. Так, в психологии, наряду с хронологическим возрастом, выделяется биологический, социальный и, соответственно, психологический. Биологический возраст характеризует состояние организма, социальный – подразумевает под собой показатель профессиональных возможностей, и нередко ни тот, ни другой не совпадают с паспортным возрастом лица [8, с. 62].

В научной литературе выделяются основные характеристики несовершеннолетнего возраста (14–18 лет), послужившие совершению общественно опасного деяния:

- физическое и нравственное созревание, приобретение определённой системы знаний и навыков, подготовка к включению в полный объём в жизнедеятельность общества, к выполнению в нём «взрослых» функций [12, с. 7];

- лёгкая внушаемость и подверженность чужим влияниям, аффективность и неадекватность реакции на жизненные ситуации, легкая возбудимость и излишняя раздражительность, упрямство, повышенная потребность в общении, стремление к самостоятельности, конфликтность [17, с. 170];

- дисгармония в мотивационно-волевой сфере, «заклеймённость», девиантное поведение [4, с. 4; 14, с. 41; 16, с. 290];

- слабый прогноз и оценка ситуационных обстоятельств и собственных дей-

ствий, а также слабость волевого контроля деятельности;

- аномальная личностная незрелость, которая образует патопсихологический синдром, включающий в себя особенности интеллектуальной, мотивационной, морально-этической сфер, а также организации и волевого контроля поведения;

- личностная незрелость, которая является фактором, влияющим на потенциальную способность и актуальную возможность осознавать фактический характер и общественную опасность своих противоправных действий либо руководить ими [18, с. 7–8].

Таким образом, несовершеннолетнее лицо, совершившее общественно опасное деяние, в силу возрастной невменяемости (социальной незрелости), равно как лицо, страдающее психическим расстройством, в силу душевного состояния, не способно должным образом и (или) в должной мере дать отчёт в содеянном, осознать, понять, за что его наказывают, почему именно оно вынуждено претерпевать негативные последствия совершения общественно опасного деяния в виде лишений и правоограничений. Несовершеннолетний не способен на это по причинам, в которых больше объективного, чем субъективного. Именно поэтому и возложение на него лишений и правоограничений, вызванных реализацией мер уголовной ответственности, в т. ч. наказанием, во многих случаях невозможно ввиду его возраста.

Содержание принудительных мер воспитательного воздействия, определяемое современной судебной практикой по уголовным делам

Перечисленные «изъяны» личностного портрета, присущие подростковому возрасту, находят своё отражение и в материалах уголовных дел, возбуждаемых в отношении лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте. Так, в приговоре Курского районного суда Ставропольского края обращено внимание на характеристики несовершеннолетних Ш. и Л., обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК

РФ, а именно: отсутствие интереса к учёбе, общественной жизни класса, конфликтность, демонстративность, агрессивность, замкнутость, склонность к обману, отсутствие положительного влияния со стороны опекуна. Определяя окончательную меру уголовно-правового характера, суд учёл ряд позитивных факторов, имеющих значение для индивидуализации уголовно-правового воздействия, а именно:

- необходимость несовершеннолетних в особых условиях воспитания и обучения, требующих специального педагогического подхода;
- личность подсудимых;
- несовершеннолетний возраст;
- условия их жизни и воспитания;
- уровень психического развития;
- влияние на них старших по возрасту лиц.

Учитывая совокупность всех перечисленных выше обстоятельств, суд пришёл к выводу о возможности освобождения Ш. и Л. от уголовного наказания в виде лишения свободы на срок 1 год и помещения их в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа с установлением того же срока¹.

Рыбинский городской суд Ярославской области указал на возможность социальной адаптации, реинтеграции несовершеннолетнего Б., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ, без применения уголовного наказания. Как следствие, уголовное дело в отношении подсудимого было прекращено с применением к нему отличной от наказания принудительной меры воспитательного воздействия в виде предупреждения².

В постановлении Иглинского районного суда Республики Башкортостан указыва-

ется, что государственный обвинитель И. и потерпевший А. считают невозможным прекращение дела в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. По мнению стороны обвинения, такое решение не обеспечит «достижения в этом случае целей уголовной ответственности». Суд, принимая во внимание совокупность всех установленных по делу фактов, имеющих юридическое значение, постановил прекратить уголовное дело в отношении К. в связи с применением принудительной меры воспитательного воздействия³, тем самым обособив её от уголовной ответственности.

Городовиковский районный суд Республики Калмыкия постановил применить к несовершеннолетнему Ш. принудительные меры воспитательного воздействия в виде предупреждения, передачи его под надзор специализированного государственного органа сроком на 6 месяцев, ограничения досуга и установления особых требований к поведению несовершеннолетнего сроком на 6 месяцев. При этом суд установил и учёл следующие юридически значимые факты:

- отсутствие надлежащего воспитания и достаточного контроля со стороны законного представителя несовершеннолетнего Ш.;
- отличное от целей уголовной ответственности целевое предназначение выбранной меры уголовно-правового характера, которое заключается в «осуществлении надлежащего воспитательного воздействия на несовершеннолетнего, постоянном контроле, ограничении досуга и установлении особых требований к поведению»⁴.

¹ Приговор № 1-235/2019 1-28/2020 по уголовному делу № 1-235/2019 от 14.02.2020 // Архив Курского районного суда Ставропольского края: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/sl0wWRTGVvxo> (дата обращения: 18.04.2021).

² Постановление № 1-210/2020. по уголовному делу № 1-210/2020 от 13.05.2020 г. // Архив Рыбинского городского суда Ярославской области: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NiZz4GQcfYdv> (дата обращения: 18.04.2021).

³ Постановление № 1-87/2020 по уголовному делу № 1-87/2020 от 27.04.2020 г. // Архив Иглинского районного суда Республики Башкортостан: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eQ9B1Rirufbr> (дата обращения: 18.04.2021).

⁴ Постановление № 1-36/2020 по уголовному делу № 1-36/2020 от 20.05.2020 г. // Архив Городовиковского районного суда Республики Калмыкия: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mrxmLA2ORgri> (дата обращения: 18.04.2021).

Таким образом, исходя из содержания всех судебных решений, рассмотренных в процессе исследования, установлено, что ПМБВ в судебной практике представляют собой уголовно-правовой институт, содержащий меры государственного принуждения, не являющиеся формой реализации уголовной ответственности.

Социально-правовая сущность принудительных мер воспитательного воздействия

Сущность ПМБВ сводится к лишениям и ограничениям, испытываемым несовершеннолетним, совершившим общественно опасное деяние, не являющееся преступлением. В теории уголовного права возникают трудности с определением содержания этих правоограничений. По мнению специалистов, они направлены на оказание помощи, обеспечение социальной, психологической, педагогической реабилитации, коррекции поведения и адаптации в обществе; сводятся к лишению осужденного права выбора места жительства и пребывания, ограничению права передвижения по территории РФ; совмещению в себе и воспитательных (психологических, педагогических) и принудительных (изоляционных и правоограничительных) компонентов [2, с. 73–74; 6, с. 237; 10, с. 15].

Лишения и ограничения, испытываемые лицом в результате применения ПМБВ, содержат как воспитательный, так и принудительный элементы. В зависимости от целей, преследуемых законодателем в отношении несовершеннолетних, в уголовном законе предусмотрены различные меры уголовно-правового воздействия. Так, для изоляции несовершеннолетнего осужденного, его исправления, восстановления социальной справедливости, общей и частной превенции совершения новых преступлений применяется наказание в виде лишения свободы с отбыванием в учреждениях ФСИН России. Для воспитания же несовершеннолетнего, совершившего общественно опасное деяние, могут быть применены ПМБВ (ст. 90–92 УК РФ).

Принудительная мера воспитательного воздействия помещению несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа включает в свой объём признаки и воспитательного, и принудительного характера, но в то же время порождает ряд дискуссий в доктрине уголовного права. Отдельные исследователи полагают, что рассматриваемая мера отождествляется с уголовным наказанием; является более строгой мерой, чем ПМБВ; представляет самостоятельную, обособленную форму реализации уголовной ответственности. По этим причинам помещение несовершеннолетнего лица в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа должно быть исключено из рассматриваемого института, в т. ч. из-за его отсутствия в исчерпывающем перечне ПМБВ [3, с. 20; 11, с. 83; 17, с. 102–103].

Но большинство из приведённых мнений носит дискуссионный характер.

Во-первых, в соответствии с нормой уголовного закона, руководящими разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа является «принудительной, некарательной мерой воспитательного воздействия, принимаемой к несовершеннолетнему, который нуждается в особых условиях воспитания, обучения и требует специального педагогического подхода» (ч. 2 ст. 92 УК РФ). Соответственно, сложно признать справедливость суждения отдельных исследователей по поводу отсутствия рассматриваемой меры в перечне ПМБВ.

Во-вторых, в уголовном законе представлен исчерпывающий список как наказаний (ст. 44 УК РФ), так и наказаний несовершеннолетних (ст. 88 УК РФ). Дополнение того или иного перечня считается необоснованным, т. к., исходя из толкования закона, помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа – это освобождение от наказания, а не привлечение к нему.

В-третьих, действительно, помещение несовершеннолетнего в специальное учеб-

но-воспитательное учреждение закрытого типа является наиболее суровой мерой в сравнении с другими мерами воспитательного воздействия. Однако это не позволяет приравнивать помещение несовершеннолетнего в указанное учебно-воспитательное учреждение к уголовной ответственности, в частности, к наказанию в виде лишения свободы. Учреждения ФСИН России не сопоставимы со специализированными помещениями специального типа по объёму лишений и правоограничений. Здесь же следует обратить внимание, что минимальный возраст несовершеннолетнего воспитанника данного учреждения составляет 11 лет, а ведомственная подчинённость указанных учреждений закрытого типа определяется структурой органов и учреждений Министерства просвещения РФ.

В-четвёртых, к обременениям, испытываемым несовершеннолетним при помещении в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, относятся изоляция, ограничение свободы, соблюдение специальных требований режима, учебы, организация труда или лечения. Указанные лишения и ограничения практически идентичны тем, которые возникают при применении принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях специализированного типа. Представляется, что обе организации выполняют изоляцию человека от общества, однако при этом они не могут отождествляться с учреждениями УИС.

В-пятых, специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа создаётся для обучающихся, нуждающихся в особых условиях воспитания, обучения и требующих специального педагогического подхода. В учреждения закрытого типа могут быть помещены несовершеннолетние 11–18 лет, если они:

– не подлежат уголовной ответственности в связи с тем, что к моменту совершения общественно опасного деяния не достигли возраста, с которого наступает уголовная ответственность;

– достигли возраста уголовной ответственности, но не привлекаются к ней вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством. По этой причине они во время совершения общественно опасного деяния не могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими;

– осуждены за совершение преступления средней тяжести или тяжкого преступления и освобождены судом от наказания в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 92 УК РФ (п. 4 ст. 15 Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ¹).

Таким образом, в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа не предусмотрено отдельных, суровых условий для несовершеннолетних лиц, освобождённых от наказания в соответствии с ч. 2 ст. 92 УК РФ. Для всех перечисленных категорий лиц созданы единые требования и условия, направленные на их воспитание, обучение, социальную адаптацию, реинтеграцию и возвращение в социум. Исходя из этого, «помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа» – это обособленная от уголовной ответственности ПМБВ [2, с. 69; 21].

Заключение

Иные меры уголовно-правового характера реализуются посредством ПММХ и ПМБВ. Лишения и правоограничения, представляющие собой сущность каждой из выделенных форм реализации иных мер уголовно-правового характера, обладают рядом общих юридически значимых признаков, а именно:

– применяются только на основании судебного решения к лицу, совершившему деяние, запрещённое уголовным законом;

¹ Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14023/page/1> (дата обращения: 18.04.2021).

- носят принудительный характер;
- реализуются в течение определённого законом срока и зависят от состояния здоровья лица, совершившего деяние, запрещённое уголовным законом, и иных его индивидуальных особенностей;
- могут быть реализованы только в отношении лица, которое не способно осознавать свои действия и руководить ими в процессе совершения деяния, запрещённого уголовным законом;

- применяются с целью воспитания несовершеннолетнего, излечения лица, страдающего психическим расстройством, или улучшения его психического состояния, а также предупреждения совершения новых деяний, предусмотренных уголовным законом.

Статья поступила в редакцию 11.03.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боровиков С. А. О месте принудительных мер воспитательного воздействия в системе мер уголовно-правового характера // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 3. С. 34–38.
2. Боровиков С. А. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива наказанию несовершеннолетних. М.: Юрлитинформ, 2009. 176 с.
3. Боровых Л. В. Проблемы возраста в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1993. 21 с.
4. Ганишина И. С. Психокоррекционная программа помощи несовершеннолетним с девиантным (делинквентным) поведением: пособие. Рязань, 2005. 29 с.
5. Иванов П. В. Принудительные меры воспитательного воздействия в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 24 с.
6. Казакова Т. А. Деятельность комиссий по делам несовершеннолетних в сфере реализации принудительных мер воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей: исторический аспект // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия. Пермь, 2020. С. 234–237.
7. Карелин Д. В. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. 269 с.
8. Кроник А. А., Головаха Е. И. Психологический возраст личности // Психологический журнал. 1983. № 5. С. 57–65.
9. Неткачев К. Н. Принудительные меры воспитательного воздействия как форма реализации уголовной ответственности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском районе. Красноярск, 2003. С. 207–211.
10. Поводова Е. В. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы теории и правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 31 с.
11. Понятовская Т. Г. Наказания, назначаемые несовершеннолетним: снисхождение или безнаказанность? // Союз криминалистов и криминологов. 2013. № 1. С. 80–84.
12. Прокументов Л. М. Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних. Томск: Изд-во ТГПУ, 1999. 201 с.
13. Пудовочкин Ю. Е. Меры уголовно-правового характера и уголовная ответственность: научная дискуссия и поиск решения // Пенитенциарная наука. 2020. № 4. С. 460–472.
14. Репьева А. М., Ботвин И. В., Ермакова О. В. Формирование института принудительных мер воспитательного воздействия: закон, теория, практика. Барнаул, 2019. 107 с.
15. Скрипченко Н. Ю. Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 2. С. 16–21.
16. Тюрина И. Н. Принудительные меры воспитательного воздействия как средство предупредительного воздействия // Вестник воронежского института МВД России. 2020. № 1. С. 286–292.
17. Устинова В. В. О характере мер воздействия, применяемых КДН к правонарушителям и их родителям // Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юридическая литература, 1971. Вып. 13. С. 99–114.
18. Федонкина А. А. Личностная незрелость у несовершеннолетних правонарушителей в рамках нормального и аномального личностного развития: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2019. 23 с.

19. Энциклопедия уголовного права. Т. 11. Уголовная ответственность несовершеннолетних / отв. ред. В. Б. Малинин. СПб., 2008. 230 с.
20. Якушин В. А. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия. Тольятти, 2018. 337 с.
21. Brovkina A. A., Vezlomtsev V. E., Zakharova S. S., Shuranova O. A., Truntsevsky Yu. V. System of criminal penalties of Russian federation: legal regulation and sentencing practice // E3S Web of Conferences. 2019. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2019/61/e3sconf_itese18_04066.pdf (дата обращения: 05.04.2021.).

REFERENCES

1. Borovikov S. A. [On the place of compulsory measures of educational influence in the system of measures of a criminal-legal nature]. In: *Ugolovno-ispolnitelnaya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie* [Penitentiary system: law, economics, management], 2006, no. 3, pp. 34–38.
2. Borovikov S. A. *Prinuditelnye меры воспитательного воздействия как альтернатива наказанию несовершеннолетних* [Compulsory educational measures as an alternative to punishing minors]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2009. 176 p.
3. Borovykh L. V. *Problemy vozrasta v mekhanizme ugolovno-pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Age problems in the mechanism of criminal law regulation: abstract of PhD thesis in Juridical sciences]. Ekaterinburg, 1993. 21 p.
4. Ganishina I. S. *Psikhokorrektcionnaya programma pomoshchi nesovershennoletnim s deviantnym (delinkventnym) povedeniem* [Psycho-correctional program for helping minors with deviant (delinquent) behavior]. Ryazan, 2005. 29 p.
5. Ivanov P. V. *Prinuditelnye меры воспитательного воздействия в уголовном праве: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Forced measures of educational influence in criminal law: abstract of PhD thesis in Juridical sciences]. Rostov-on-don, 2003. 24 p.
6. Kazakova T. A. [Activities of commissions on juvenile affairs in the field of implementation of compulsory measures of educational influence on juvenile offenders: a historical aspect]. In: *Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodeystviya* [Penitentiary system and society: experience of interaction]. Perm, 2020, pp. 234–237.
7. Karelin D. V. *Prinuditelnye меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовной ответственности: dis. ... kand. yurid. nauk* [Compulsory educational measures as an alternative to criminal liability: PhD thesis in Juridical sciences]. Tomsk, 2001. 269 p.
8. Kronik A. A., Golovakha E. I. [Psychological age of a person]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological sciences], 1983, no. 5, pp. 57–65.
9. Netkachev K. N. [Compulsory educational measures as a form of implementation of criminal liability]. In: *Aktualnye problemy borby s prestupnostyu v Sibirskom raione* [Actual problems of combating crime in the Siberian region]. Krasnoyarsk, 2003, pp. 207–211.
10. Povodova E. V. *Prinuditelnye меры воспитательного воздействия: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Compulsory measures of educational influence: problems of theory and legal regulation: abstract of PhD thesis in Juridical sciences]. Moscow, 2005. 31 p.
11. Ponyatovskaya T. G. [Punishments imposed on minors: leniency or impunity?]. In: *Soyuz kriminalistov i kriminologov* [Union of Criminalists and Criminologists], 2013, no. 1, pp. 80–84.
12. Prozumentov L. M. *Problemy preduprezhdeniya prestupnosti nesovershennoletnikh* [Problems of prevention of juvenile delinquency]. Tomsk, TGPU Publ., 1999. 201 p.
13. Pudovochkin Yu. E. [Criminal measures and criminal liability: scientific discussion and search for a solution]. In: *Penitentsiarnaya nauka* [Penitentiary science], 2020, no. 4, pp. 460–472.
14. Repeva A. M., Botvin I. V., Ermakova O. V. *Formirovanie instituta prinuditel'nykh мер воспитательного воздействия: zakon, teoriya, praktika* [Formation of the institution of compulsory educational measures: law, theory, practice]. Barnaul, 2019. 107 p.
15. Skripchenko N. Yu. [Concept and types of other measures of a criminal-legal nature]. In: *Vestnik instituta: prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye* [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction], 2011, no. 2, pp. 16–21.
16. Tyurina I. N. [Compulsory measures of educational influence as a means of preventive influence]. In: *Vestnik voronezhskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 1, pp. 286–292.
17. Ustinova V. V. [On the nature of the penalties applied by the KDN to offenders and their parents]. In:

- Voprosy borby s prestupnostyu* [Crime issues], 1971, no. 13, pp. 99–114.
18. Fedonkina A. A. *Lichnostnaya nezrelost u nesovershennoletnikh pravonarushitelei v ramkakh normal'nogo i anomal'nogo lichnostnogo razvitiya: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Personal immaturity in juvenile delinquents within the framework of normal and abnormal personal development: PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2019. 23 p.
 19. Malinin V. B., ed. *Entsiklopediya ugolovnogo prava. T. 11. Ugolovnaya otvetstvennost nesovershennoletnikh* [Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 11. Criminal liability of minors]. St. Petersburg, 2008. 230 p.
 20. Yakushin V. A. *Nakazanie i inye mery ugolovno-pravovogo vozdeistviya* [Punishment and other measures of criminal law influence]. Togliatti, 2018. 337 p.
 21. Brovkina A. A., Vezlomtsev V. E., Zakharova S. S., Shuranova O. A., Truntsevsky Yu. V. System of criminal penalties of Russian federation: legal regulation and sentencing practice. In: *E3S Web of Conferences*, 2019. Available at: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2019/61/e3sconf_ite18_04066.pdf (accessed: 05.04.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лапшин Валерий Фёдорович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского государственного областного университета;
e-mail: kapitan-44@yandex.ru

Корнеев Сергей Александрович – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний;
e-mail: kornei_lam@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valery F. Lapshin – Dr. Sci.(Law), Assoc. Prof., Prof., Department of Criminal Law, Moscow Region State University;
e-mail: kapitan-44@yandex.ru

Sergey A. Korneev – Graduate Student, Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service;
e-mail: kornei_lam@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лапшин В. Ф., Корнеев С. А. Сущность и целевое назначение принудительных мер воспитательного воздействия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 2. С. 94–103.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-94-103

FOR CITATION

Lapshin V. F., Korneev S. A. The Essence and Purpose of Compulsory Measures of Educational Influence. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 2, pp. 94–103.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-94-103

УДК 343.34

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-104-115

ПТИЦЫ КАК УГРОЗА ДЛЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛЁТОВ

Маликов С. В.^{1,2}, Чучаев А. И.¹¹Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, Российская Федерация²Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

117218, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, д. 34, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Впервые в криминологической и уголовно-правовой литературе раскрываются содержание и роль орнитологической безопасности полётов в безаварийном функционировании воздушного транспорта, в т. ч. беспилотных транспортных средств.

Процедура и методы. Использованы инженерно-технический и юридико-догматический методы.

Результаты. Дана характеристика столкновений птиц с воздушными судами и ущерба, причиняемого подобного рода инцидентами. Приведена уголовно-правовая оценка рассматриваемых нарушений, допускаемых: а) работниками транспорта, на которых в силу выполняемой работы или занимаемой должности возложены обязанности по обеспечению орнитологической безопасности; б) лицами, не являющимися указанными работниками транспорта; в) лицами, пилотирующими лёгкие (сверхлёгкие) воздушные суда.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выработаны рекомендации по суброгации уголовно-правовой нормы, сформулированной в ст. 268 УК РФ.

Ключевые слова: гражданская авиация, безопасность полётов, орнитологическая безопасность, столкновения с птицами, механизм происшествия, работник транспорта, беспилотное транспортное средство

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16162.

BIRDS AS A THREAT TO FLIGHT SAFETY

S. Malikov^{1,2}, A. Chuchayev¹¹Kutafin Moscow State Law University

9, Sadovaya-Kudrunskaya ul., Moscow, 125993, Russian Federation

²The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

34, B. Cheremushkinskaya ul., Moscow, 117218, Russian Federation

Abstract

Aim. For the first time in the criminological and criminal law literature, the content and role of ornithological flight safety in the accident-free functioning of air transport, including unmanned vehicles, is revealed.

Methodology. Engineering-technical and legal-dogmatic methods were used.

Results. The characteristics of bird collisions with aircraft and the damage caused by such incidents are given. The article provides a criminal-legal assessment of the violations under consideration committed by: a) transport workers who, by virtue of their work or position, are entrusted with the duties of ensuring ornithological safety; b) persons who are not specified transport workers; c) persons piloting light (ultralight) aircraft.

Research implications. Recommendations on subrogation of the criminal law norm formulated in Article 268 of the Criminal Code of the Russian Federation are developed.

© CC BY Маликов С. В., Чучаев А. И., 2021.

Keywords: civil aviation; flight safety; ornithological safety; collisions with birds; accident mechanism; transport worker; unmanned vehicle.

Acknowledgment: The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16162.

Введение

Согласно данным Росавиации, за последние годы отмечается рост числа столкновений воздушных судов с птицами (рис. 1).

В результате таких происшествий на территории РФ произошла 1 катастрофа, 395 авиационных инцидентов с самолётами и 14 – с вертолётами. За пределами России по этим причинам зафиксировано 96 инцидентов. В 38 случаях установить место столкновения воздушного судна с птицей не представилось возможным. Тенденция изменения относительных показателей безопасности полётов также указывает на рост степени влияния на безопасность полётов случаев столкновения самолётов с птицами¹. Пиковые ситуации, как правило, имеют место в весенне-летний период эксплуатации воздушных судов, особенно в июне–августе, на которые приходится до 150–180 случаев столкновений² (рис. 2).

Так, самолёт А321 выполнял рейс из Жуковского в Симферополь. Инцидент случился на взлёте. После отрыва от взлётно-посадочной полосы самолёт столкнулся со стаей чаек. Попавшие в двигатели птицы нарушили их работу, в результате лайнер совершил жёсткую посадку в поле (Раменский район Московской обл.). Все пассажиры (226 чел.) и члены экипажа (7 чел.) были эвакуированы³.

Международная организация гражданской авиации (ИКАО) ежегодно регистрирует около 5 400 столкновений воздушных судов с птицами. При этом ущерб от этого достигает 1 млрд долларов в год [8, с. 26].

Криминологическая характеристика

Формулируя определение механизма транспортного преступления, под которым предлагается понимать взаимосвязь и взаимодействие управляющего субъекта с технической системой, её информационным обеспечением [20] и ситуацией (внешними факторами), детерминирующими его поведение и влекущими нарушение безопасности функционирования воздушного транспорта, криминологи орнитологическую безопасность не рассматривают в качестве его составляющего [2, с. 24]. Как правило, её не выделяют и в причинном комплексе, исследуемом с других позиций: бинарной (двухзвенной причинности), кондиционалистской, так называемой традиционно-диалектической, интеракционистской и т. д. Даже в работах, специально посвящённых противодействию аварийности авиации, орнитологическая безопасность также не упоминается [19; 21; 22]. Проблема в той или иной мере находит отражение лишь в литературе по организации безопасности полётов [13] и собственно орнитологии [12].

С учётом свойств орнитологической безопасности она характеризует ситуацию транспортного происшествия, однако надо иметь в виду, что само данное понятие относится к числу дискуссионных.

В. Н. Кудрявцев, первым из криминологов выделивший и давший её характеристику, определял ситуацию «...как событие или состояние, вызвавшее решимость совершить общественно опасное действие, которое приводит к преступному результату вследствие умысла или неосторожности» [10, с. 74]. Эта дефиниция подвёр-

¹ См.: Письмо Росавиации от 18.09.2015 «Информация по безопасности полётов № 19».

² См.: Письмо Росавиации от 28.05.2019 «Информация по безопасности полётов № 8».

³ См.: Гайва Е. Нерадько: Необходимы дополнительные меры по защите полётов от птиц // Российская газета. 2019. 15 авг.; Гайва Е. Эксперт: Не более 15% аэропортов имеют специалистов по защите от птиц // Российская газета. 2019. 16 авг.; Игнатов О. Минтранс установит федеральные правила защиты самолётов от птиц // Российская газета. 2020. 22 янв.

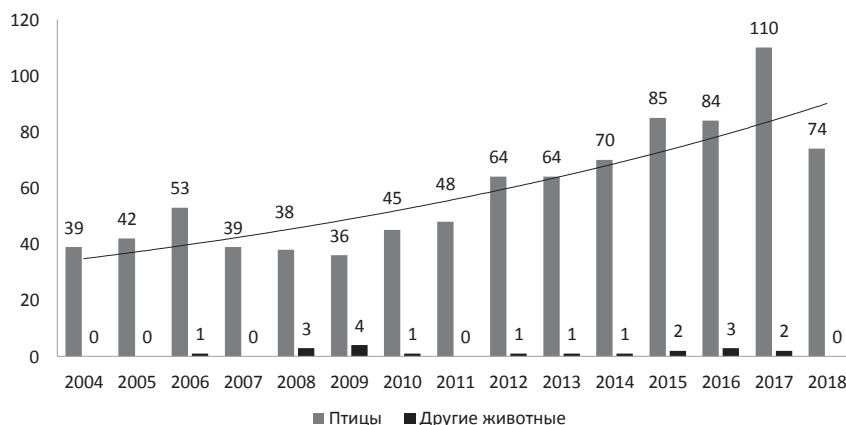

Рис. 1 / Fig. 1. Количество столкновений (угрозы столкновений) воздушных судов с птицами и другими животными в Российской Федерации в 2004–2018 гг. / Number of collisions (threats of collisions) of aircraft with birds and other animals in the Russian Federation in 2004–2018

Источник: по данным Росавиации: [сайт]. URL: <https://favt.gov.ru/deyatelnost-bezopasnost-poletov-stolknoveniya-ptici-stat> (дата обращения: 28.03.2021).

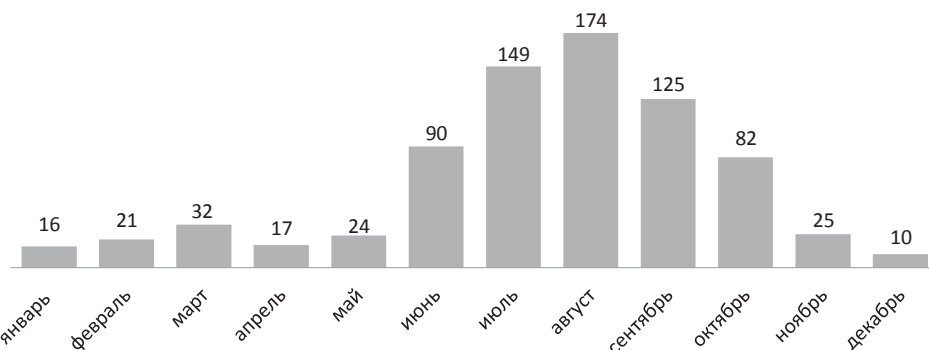

Рис. 2 / Fig. 2. Количество столкновений (угрозы столкновений) воздушных судов с птицами в Российской Федерации в 2020 г. / Number of collisions (threats of collisions) of aircraft with birds in the Russian Federation in 2020

Источник: по данным Росавиации: [сайт]. URL: <https://favt.gov.ru/deyatelnost-bezopasnost-poletov-stolknoveniya-ptici-stat/> (дата обращения: 28.03.2021)

глась критике. В литературе отмечалось, что, во-первых, «событие или состояние» не всегда вызывает решимость совершить преступление, нередко оно совершается не благодаря, а вопреки ситуации; последняя не равнозначна причинному комплексу конкретного преступления. Во-вторых, сама ситуация охватывает обстоятельства, которые по своим детерминирующим свойствам находятся на диаметрально

противоположных точках континуума. В-третьих, несмотря на упоминание форм вины, определение фактически охватывает только умышленные преступления [1, с. 74–75].

Некоторые авторы указывают на специфичный характер ситуации неосторожного преступления [7, с. 62]. Однако, на наш взгляд, это методологически ошибочно, данные обстоятельства лежат в разных

плоскостях, соответственно в объективном и субъективном, относятся к различным признакам состава преступления (объективной и субъективной стороны). Кроме того, в неосторожном преступлении принципиальное значение имеет не сама ситуация, а её оценка, в данном случае командиром воздушного судна, принимающим решение, или оператором беспилотника. Другими словами, надо различать объективное содержание ситуации и её субъективное восприятие.

Р. Акофф и Ф. Эмери считают, что индивид строит модель ситуации на основе своих убеждений относительно доступных для него способов действия; возможных результатов этих способов действия; возможных состояний окружения выбора; вероятностей того, что каждое состояние окружения выбора окажется истинным; эффективности достигнутого способа действий по каждому результату в каждом возможном состоянии окружения выбора; удельного веса ценностей результата [1, с. 87–88]. Одним словом, поведение человека не обязательно зависит от ситуации, он может поступать по своему усмотрению, игнорируя имеющиеся обстоятельства.

В литературе выделяются свойства ситуации, что в целом позволяет лучше познать рассматриваемый феномен, а следовательно, учесть его в организации орнитологического обеспечения безопасности полётов. Например, О. Л. Дубовик выделяет 3 её свойства: криминогенность, кумулятивность и конфликтность [3, с. 29].

На наш взгляд, значение имеют и такие отличительные признаки (атрибуты) как конкретность и систематичность. Первый выражается в том, что ситуация существует в определённых пространственно-временных границах. Применительно к рассматриваемой проблеме он характеризует наличие птиц по маршруту воздушного судна и во время его полёта, в остальном же этот признак криминологически безразличен. Систематичность и известная повторяемость ситуации создают гносеологические и логические предпосылки для

появления её в будущем [15, с. 79]. Кроме того, она должна быть информативной (информация может восприниматься как визуально, так и передаваться через информационную модель воздушного судна работниками служб аэропорта). Наконец, ситуация должна отражать возможность неблагоприятного исхода, в противном случае у пилота нет выбора поведения.

Элементы ситуации транспортного преступления также относятся к числу дискуссионных проблем. По нашему мнению, понятием «ситуация» охватывается совокупность объективно существующих обстоятельств, характеризующих внешнюю обстановку, в которой осуществляется полёт с момента пробегав при взлёте воздушного судна до полной его остановки при посадке. Таким образом, с учётом рассматриваемой проблемы в качестве самостоятельного элемента необходимо выделять её орнитологическую составляющую, причём исходя из конкретных этапов полёта и видов птиц.

При характеристике орнитологической безопасности полётов надо иметь в виду, что нет и не может быть единого перечня видов птиц, которые представляют опасность для нормальной работы авиации. Указанное обстоятельство во многом зависит от ряда факторов, в т. ч. биотопического окружения (пойменные луга, озёра, пашни и пр.)¹, географического расположения и др. [16].

Выбор птицами для своего существования аэропортов объясняется рядом факторов. «Любой аэропорт, по сути, является заповедником для птиц ... Эти территории мало посещаются людьми; более теплая по сравнению с окружающей местностью и освещённая взлётно-посадочная полоса ... привлекает птиц. Для последних здесь имеются хорошие возможности для кормёжки беспозвоночными, а также хо-

¹ Биотоп (греч. жизнь и место) – относительно однородный по абиотическим факторам среды участок геопространства (суши или воды), занятый определённым биоценозом, т. е. исторически сложившейся совокупностью животных, растений, грибов и микроорганизмов.

роший обзор, позволяющий не стать кормом для других животных. Здесь можно найти места для гнездования и отдыха, чем пользуются как осёдлые, так и мигрирующие птицы» [17, с. 2202].

Обитающие в районе аэропортов птицы представляют разную степень угрозы безопасности полётов воздушных судов. «Наиболее самолётоопасными характеристиками будут обладать те виды, которые имеют средние и крупные размеры (т. е. виды, потенциально способные повредить воздушное судно при столкновении), и виды, которые кормятся вблизи взлётно-

посадочной полосы или часто её пересекают ... К птицам, представляющим повышенную опасность для ВС (воздушных судов), относятся и виды, кормящиеся в воздушном пространстве лётного поля, прежде всего хищники, которые в силу своего размера способны нанести значительный вред самолёту. Даже небольшая по размерам пустельга ... попав в двигатель, способна вызвать изменение его рабочих параметров ... Более мелкие виды – ласточки и стрижи – представляют опасность в связи с кучностью их полёта» [13, с. 97–98] (рис. 3).

Рис. 3 / Fig. 3. Анализ данных о столкновениях воздушных судов с птицами / Analysis of data on aircraft collisions with birds

Источник: Росавиация: [сайт]. URL: <https://favt.gov.ru/public/materials/b/1/d/6/b/b1d6bf7671452d40eee06ab855177557.pdf> (дата обращения: 28.03.2021).

Реальную угрозу для безопасности авиации представляют стайные виды птиц [11].

Согласно статистическим данным, все случаи столкновения распределяются следующим образом: голуби – 26,2%; чайки – 19,1%; водоплавающие (гусеобразные, гагары и др.) – 14,1%; воробьи – 13,4%; дневные хищные птицы – 13,1%; врановые – 6,2%; стрижи – 3,2 %; совы – 2,5%; журавли, аисты и цапли – 2%. Для аэропорта «Шереметьево» основную опасность представляют чайки (они гнездятся рядом на озере), утки, галки, скворцы и чибисы. Аэропорт «Домодедово» вообще расположен в районе пролегания птичьих трасс,

над ним весной и осенью происходит массовый перелёт пернатых. Поэтому достаточно часто фиксируются столкновения птиц с воздушными судами на большой высоте (свыше 2,5 км) [8, с. 27; 14, с. 75].

Среди факторов столкновений птиц с воздушными судами необходимо учитывать сезонность происшествий, а также время суток. В этой связи выделяются периоды, связанные с массовым появлением молодых птиц, не воспринимающих опасность, исходящую от самолёта или вертолёт, весенней брачной активностью пернатых [5; 6]. Однако надо учитывать и вид пернатого. Например, столкновения с

голубыми чаще всего происходят зимой и намного реже весной, а с чайками – летом (единичные случаи имеют место весной и осенью), причём, как правило, во время разбега воздушного судна.

Распределение рассматриваемых происшествий по времени года между аэропортами также существенно различаются. Наиболее опасными периодами для «Шереметьево» признаются июнь, июль и октябрь; для «Домодедово» – апрель и октябрь; для «Пулково» – с июля по сентябрь. Для аэропорта, например, в Ульяновске таковыми являются 4 месяца: март, апрель, август и октябрь.

По времени суток столкновения ранжируются следующим образом: 1) утренние часы – 66,9% случаев; ночные часы – 33,1% случаев [8, с. 28].

В зависимости от высоты полёта наиболее вероятная возможность столкновения птиц с самолётом появляется при нахождении последнего на высоте до 400 м.; именно она характеризуется наибольшим скоплением пернатых (рис. 4).

В криминологии выделяются мотивационно безразличные ситуации и мотивирующие [4, с. 222]. Кроме того, по источнику возникновения они могут быть 4-х видов, однако в рассматриваемом случае им присущ только 1 источник – факторы внешней среды, т. е. наличие птиц по маршруту полёта воздушного судна. Ситуацию также можно рассматривать, исходя из такого его свойства как интервальность.

Организационно-институциональная система гражданской авиации России учитывает необходимость обеспечивать орнитологическую безопасность функционирования воздушных судов. Работа по предотвращению столкновений птиц с воздушным судном до 4 декабря 2020 г. регламентировалась Руководством по орнитологическому обеспечению полётов гражданской авиации (РООП ГА-89), утверждённым 26.12.1988 г. № 209¹, им же

были предусмотрены сбор и анализ информации о столкновениях и их причинах. В настоящее время новый приказ пока не подготовлен.

Для защиты аэродромов от птиц используются различные приёмы и способы. Так, в Московском авиаузле применяются оборудование по отпугиванию птиц. В частности, в Шереметьево действуют 52 биоакустические установки: 12 – установлены стационарно в фиксированных точках лётного поля; 15 – переставляются инженерами-орнитологами по мере необходимости между взлётными полосами, рядом с рулёжными дорожками, что позволяет учитывать изменения орнитологической обстановки; 22 – расположены на зданиях; 3 – на автомобилях аэродромной службы для оперативного реагирования на скопление птиц. Кроме того, используются 80 механических отпугивателей птиц с вращающимися зеркалами и около 30 установок с зеркальными шарами. В арсенале имеются новейшие лазерные приборы, специально разработанные для борьбы с птицами на аэродромах [9].

Для обеспечения орнитологической безопасности полётов в Домодедово используются ловчие птицы. Аналогичный способ предупреждения столкновений применяется и в некоторых крупных зарубежных аэропортах, например, в Лос-Анджелесе и Хитроу.

Уголовно-правовая характеристика

В случае наступления неблагоприятных последствий (причинение имущественного ущерба, тяжкого вреда здоровью пассажирам или иным лицам, смерти) возникает проблема квалификации деяния. Уголовный кодекс РФ предусматривает несколько норм, целью которых является

и указаний, изданных центральными органами государственного управления СССР, и утратившими силу некоторых актов РСФСР, их отдельных положений, а также писем, инструкций и указаний, изданных центральными органами государственного управления РСФСР, в области транспорта» // СПС Консультант Плюс.

В литературе отмечалось, что Руководство морально устарело, требуется принять новый акт либо другим образом обновить действующий [8, с. 28].

¹ См.: Приказ Минтранса России от 4.12.2020 № 541 «О признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых актов СССР, их отдельных положений, а также писем, инструкций

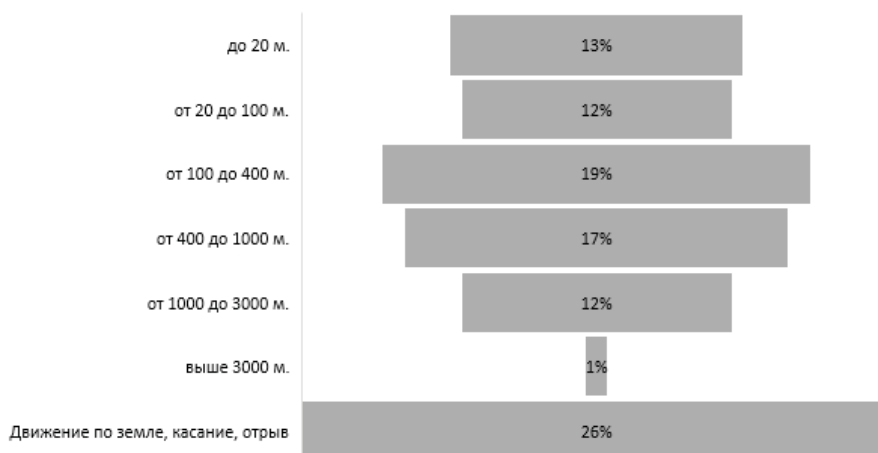

Рис. 4 / Fig. 4. Высота, на которой происходят столкновения воздушных судов с птицами / The altitude at which aircraft collide with birds

Источник: Росавиация: [сайт]. URL: <https://favt.gov.ru/public/materials/b/1/d/6/b/b1d6bf7671452d40eee06ab855177557.pdf> (дата обращения: 28.03.2021).

обеспечение безопасности функционирования воздушного транспорта: ст.ст. 263, 266, 267, 267¹ и 268.

Сущность орнитологической безопасности, безусловно, исключает наличие признаков преступлений, предусмотренных ст.ст. 266 и 267 УК РФ. В первом случае ответственность наступает за недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями; во втором – за приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения [18].

Преступление, предусмотренное ст. 268 УК РФ, имеет место в случае нарушения правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта. Объективная сторона состава преступления заключается в нарушении пассажиром, пешеходом или другим участником движения (кроме лиц, указанных в ст.ст. 263 и 264 УК РФ) правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека. Уголовно-правовая норма, закреплённая в данной статье, носит бланкетный характер, следовательно, для констатации наличия состава преступления необходимо установить нарушенное нормативно определённое

правило. Существующие правила по обеспечению орнитологической безопасности не только не адресуют требования их соблюдения кому-либо из перечисленных лиц, но и даже не упоминают их.

Суть преступления, предусмотренного ст. 267¹ УК РФ, заключается в совершении из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств. В отличие от предыдущей нормы эта статья не связывает объективную сторону преступления с нарушением каких-либо правил, а говорит вообще о совершении действий, которые создают угрозу безопасности транспортных средств, в т. ч. и воздушных судов. Следовательно, теоретически нарушение орнитологической безопасности может охватываться ст. 267¹ УК РФ. Подобного рода действиями нарушаются отношения, характеризующие безопасность движения или эксплуатации транспорта, что соответствует объекту уголовно-правовой охраны норм, интегрированных в гл. 27 УК РФ. Исходя из сущности орнитологической безопасности и её места в обеспечении безопасности полётов деяния, нарушающие её, создают угрозу безаварийного функционирования транспортных средств. При этом надо иметь в виду, что состав пре-

ступления является формальным, следовательно, наступление каких-либо последствий для привлечения лица к уголовной ответственности не требуется. Последняя связывается с таким обязательным признаком субъективной стороны, как хулиганские побуждения¹. Субъект преступления общий, достигший возраста 16 лет.

Только эта норма применима и в том случае, когда действия виновного направлены на беспилотное транспортное средство.

Изложенное можно проиллюстрировать следующим гипотетическим примером. Лицо, находясь вблизи аэродрома, во время взлёта (посадки) воздушного судна из хулиганских побуждений выпускает ловчую птицу (орла, беркута), которая атакует самолёт (или беспилотное транспортное средство) и в связи с этим попадает в двигатель, что приводит к его разрушению, чем создаётся угроза безопасности полёта.

Деяния лиц, на которых возложена обязанность по отпугиванию птиц, охватываются ст. 263 УК РФ. Однако надо иметь в виду, что эта статья содержит описание 3-х хотя и очень близких, но тем не менее самостоятельных преступлений, посягающих на безопасность функционирования воздушного, железнодорожного, водного транспорта и метрополитена. В ч. 1 ст. 263 УК РФ говорится о 2-х из них: 1) нарушение правил безопасности движения или эксплуатации данных видов транспорта лицом, в силу выполняемой работы или занимаемой должности обязанным соблюдать эти правила (за исключением правил, о которых говорится в ст. 271¹ УК РФ); 2) отказ этого лица от исполнения своих трудовых обязанностей в случае, если такой отказ запрещён законом. Ч. 1¹ статьи предусматривает ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации воздушного, морского и внутреннего водного транспорта лицом, управляющим лёгким (сверхлёгким) воздушным судном или маломерным судном (также за

исключением правил, о которых говорится в ст. 271¹ УК РФ). Как видно из закона, нарушение орнитологической безопасности не может характеризовать второе преступление по определению.

Первый и последний составы преступлений отличаются друг от друга рядом признаков, главным образом предметом и субъектом преступления. Согласно ст. 32 Воздушного кодекса РФ лёгким признаётся воздушное судно, максимальная взлётная масса которого составляет 5 700 кг, в т. ч. вертолёт, максимальная взлётная масса которого менее 3 100 кг; сверхлёгким – судно, максимальная взлётная масса которого составляет не более 495 кг без учёта массы авиационных средств спасения. Главное же заключается в том, что субъект преступления по ч. 1¹ ст. 263 УК РФ является общим; на пилота, управляющего лёгким или сверхлёгким воздушным судном, не распространяются требования по обеспечению орнитологической безопасности полётов. Таким образом, совершённые им нарушения указанной безопасности не образуют состава рассматриваемого преступления. Указанный пилот не может быть привлечён к уголовной ответственности и по ст. 268 УК РФ в силу прямого запрета закона: признание лица субъектом преступления по ст. 263 УК РФ исключает наличие состава преступления, предусмотренного ст. 268 УК РФ и наоборот.

На наш взгляд, в настоящее время образовалась лакуна в правовом регулировании ответственности лиц, нарушающих безопасность движения или эксплуатации транспорта. Она, в частности, появилась из-за бессистемного внесения изменений в УК РФ. Редакции ст. 263 УК РФ менялись неоднократно, а диспозиция уголовно-правовой нормы, содержащейся в ст. 268 УК РФ, подверглась коррекции 1 раз – из неё исключили последствие в виде причинения вреда средней тяжести здоровью человека. Для устранения сложившегося положения оговорку, содержащуюся в ст. 268 УК РФ, целесообразно ограничить лишь субъектами преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 263 УК РФ.

Диспозиция уголовно-правовой нормы является бланкетной, что обуславливает не-

¹ О хулиганских побуждениях см.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

обходимость обращения к нормативным актам, регламентирующим подготовку к полёту и полёт воздушного судна. Одним из основных таких актов являются Федеральные авиационные правила «Подготовка и выполнение полётов в гражданской авиации Российской Федерации», утверждённые приказом Минтранса России от 31.07.2009 № 128 (в ред. от 22.04.2020)¹; они обязательны для исполнения эксплуатантами и владельцами воздушных судов, зарегистрированных в Государственном реестре гражданских воздушных судов РФ, воздушных судов, зарегистрированных в иностранных государствах и включённых в сертификат (свидетельство) эксплуатанта, выданный в РФ, а также иных физических или юридических лиц, осуществляющих организацию, обеспечение выполнения полётов гражданских воздушных судов и аэронавигационное обслуживание в воздушном пространстве Российской Федерации.

Данные Федеральные правила содержат специальный раздел, посвящённый орнитологическому обеспечению полётов. Последнее охватывает:

- 1) орнитологическое обследование района аэродрома;
- 2) ликвидацию условий, способствующих скоплению птиц на аэродромах, и проведение мероприятий по их отпугиванию;
- 3) проведение визуальных и радиолокационных системных наблюдений для обеспечения контроля за орнитологической обстановкой;
- 4) сбор и оценку сведений о фактической орнитологической обстановке в районе аэродрома в целях определения опасности, создаваемой птицами для полётов воздушных судов;
- 5) доведение до лётных экипажей воздушных судов информации об орнитологической обстановке (предупреждение о её усложнении и возникновении орнитологической опасности на аэродромах, в районах аэродромов, на маршрутах, в районах полётов).

¹ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 43.

Командир воздушного судна обязан принять все необходимые меры, чтобы избежать столкновения с видимыми объектами (в т. ч. с птицами) и объектами, о которых получена информация от органов обслуживания воздушного движения.

Таким образом, неисполнение указанных обязанностей, возложенных на работника транспорта в силу выполняемой работы или занимаемой должности, образует нарушение правил безопасности функционирования воздушного транспорта, обязательной составляющей которой является орнитологическая безопасность полётов. В этом случае деяние охватывается ст. 263 УК РФ. Необходимо лишь установить наличие причинно-следственной связи между нарушением последней и наступившими последствиями в виде неосторожного причинения тяжкого вреда здоровью человека или крупного (свыше 1 млн руб.) ущерба.

В отличие от пилота или иного лица, на которого возложена обязанность по обеспечению безопасности полётов, ответственность оператора беспилотного воздушного транспорта средства нормами гл. 27 УК РФ не предусмотрена.

Заключение

Проблема столкновения птиц с воздушными судами актуальна не только для гражданской авиации России, но и для воздушного транспорта других стран. Нарушения орнитологической безопасности влекут многомиллионные (до 1 млрд долларов) потери для эксплуатантов воздушных судов, а в ряде случаев – и гибель десятков пассажиров. Вопрос о предупреждении указанных нарушений криминологическими средствами в литературе не ставился, а следовательно, и не рассматривался.

Орнитологическая безопасность полётов выступает одним из элементов безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта. Следовательно, юридическая оценка её нарушения зависит от ряда обстоятельств и, в первую очередь, от того, кем допущено нарушение.

ние: работником транспорта, на которого в силу выполняемой работы или занимаемой должности возложена обязанность по обеспечению орнитологической безопасности, или лицом, которое не является таковым. В первом случае деяние образует преступление, предусмотренное ст. 263 УК РФ; во втором случае – преступление, предусмотренное ст. 267¹ УК РФ (при наличии всех других необходимых признаков состава преступления).

Лица, управляющие лёгкими (сверхлёгкими) воздушными судами, при нарушении орнитологической безопасности полётов, не могут нести ответственность по указанным статьям (они пилотируют транспортные средства, но не являются работниками транспорта). Их деяние

нельзя квалифицировать и по ст. 268 УК РФ в силу имеющейся оговорки, ограничивающей круг субъектов, ответственных за предусмотренное ею деяние. В связи с этим предлагается суброгировать уголовно-правовую норму, тем самым исключить образовавшийся пробел в законодательном регулировании ответственности указанных лиц за деяния, фактически нарушающие безопасность функционирования воздушного транспорта. В настоящее время причинённый этими лицами вред, в зависимости от его характера, охватывается преступлениями против личности или собственности.

Статья поступила в редакцию 07.04.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акофф Р., Эмери Ф. О целенаправленных системах. М., 1974. 269 с.
2. Белокобыльский Н. Н., Чучаев А. И. Механизм транспортного преступления. Саратов, 1991. 184 с.
3. Дубовик О. Л. Принятие решения в механизме преступного поведения и индивидуальная профилактика преступлений. М., 1977. 76 с.
4. Зеленовский Я. Организация трудовых коллективов // Введение в теорию организации и управления. М., 1971. 310 с.
5. Ильичев В. Д. и др. Защита самолётов и других объектов от птиц. М., 2007. 319 с.
6. Ильичев В. Д., Силаева О. Л., Сапункова Н. Ю., Золотарев С. С. Столкновения в воздухе: птицы как источник биоповреждений; птицы и угроза для авиации // Экология и жизнь. 2011. № 5. С. 72–75.
7. Квашиш В. Е. Преступная неосторожность. Владивосток, 1986. 189 с.
8. Колесниченко Ю. М. Орнитологическая безопасность полётов: проблемы и пути решения // Проблема безопасности полётов. 2012. № 12. С. 26–34.
9. Крапошин П. Борьба с птицами в аэропортах – обеспечение безопасности полётов [Электронный ресурс] // Воздушный транспорт ГА. 2019. № 34–36. URL: <https://otrugivatel.ru/about/publications/224-ernatyey-kamikadze-2019> (дата обращения: 06.06.2021).
10. Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. М., 1968. 175 с.
11. Кухта А. Е. Птицы в техносреде юго-востока Западной Сибири: дис. ... канд. биол. наук. Томск, 2013. 230 с.
12. Кухта А. Е., Большакова Н. П. Опыт использования кольцевания для оценки перемещения птиц на территории аэропорта «Томск» // Ukrainian Journal of Ekology. 2017. № 7 (3). С. 217–220.
13. Кухта А. Е., Большакова Н. П., Мацюра А. В. Концептуальные подходы к орнитологическому обеспечению безопасности полётов воздушных судов // Вестник Тувинского государственного университета. Естественные и сельскохозяйственные науки. 2017. № 3. С. 96–105.
14. Кучински М. Г. Мероприятия по уменьшению орнитологической опасности в аэропорту // Вестник РУДН. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2015. № 2. С. 75–84.
15. Механизм преступного поведения / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1981. 248 с.
16. Рогачев А. И. Орнитологическое обеспечение безопасности полётов. М., 1984. 126 с.
17. Силаева О. Л., Звонов Б. М. Предупреждение биоповреждающей деятельности птиц в авиации и на ЛЭП // Русский орнитологический журнал. 2017. Т. 26. № 1451. С. 2202–2207.
18. Чучаев А. И., Пожарский А. Ю. Транспортные преступления: понятие, виды, характеристика. М., 2018. 242 с.
19. Чучаев А. И., Грачева Ю. В., Маликов С. В. Деструктивное поведение пассажира: проблемы противодействия // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 1. С. 106–119.

20. Чучаев А. И., Грачева Ю. В., Маликов С. В. Посягательства на информационную систему беспилотника в этиологии дорожно-транспортных происшествий // *Всероссийский криминологический журнал*. 2021. Т. 15. № 1. С. 55–67.
21. Эминов В. Е. Предупреждение авиационных происшествий. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. М., 1990. 114 с.
22. Эминов В. Е. Причины и предупреждение транспортных происшествий // *Российский криминологический взгляд*. 2013. № 3. С. 304–311.

REFERENCES

1. Akoff R., Emeri F. *O tselenapravlennykh sistemakh* [On purposeful systems]. Moscow, 1974. 269 p.
2. Belokobylsky N. N., Chuchaev A. I. *Mekhanizm transportnogo prestupleniya* [Transport crime mechanism]. Saratov, 1991. 184 p.
3. Dubovik O. L. *Prinyatie resheniya v mekhanizme prestupnogo povedeniya i individualnaya profilaktika prestuplenii* [Decision making in the mechanism of criminal behavior and individual crime prevention]. Moscow, 1977. 76 p.
4. Zelenovsky Ya. [Organization of labor collectives]. In: *Vvedenie v teoriyu organizatsii i upravleniya* [Introduction to the theory of organization and management]. Moscow, 1971. 310 p.
5. Ilichev V. D., et all. *Zashchita samoletov i drugih obektov ot ptits* [Protection of aircraft and other objects from birds]. Moscow, 2007. 319 p.
6. Ilichev V. D., Silaeva O. L., Sapunkova N. Yu., Zolotarev S. S. [Air collisions: birds as a source of bio-damage; birds and the threat to aviation]. In: *Ekologiya i zhizn* [Ecology and Life], 2011, no. 5, pp. 72–75.
7. Kvashin V. E. *Prestupnaya neostorozhnost* [Criminal negligence]. Vladivostok, 1986. 189 p.
8. Kolesnichenko Yu. M. [Ornithological flight safety: problems and solutions]. In: *Problema bezopasnosti poletov* [Flight Safety Issue], 2012, no. 12, pp. 26–34.
9. Kraposhin P. [Fighting birds at airports – ensuring flight safety]. In: *Vozdushnyi transport GA* [Air transport GA], 2019, no. 34–36. Available at: <https://otpugivateli.ru/about/publications/224-pernatye-kamikadze-2019> (accessed: 06.06.2021).
10. Kudryavtsev V. N. *Prichinnost v kriminologii* [Causality in criminology]. Moscow, 1968. 175 p.
11. Kukhta A. E. *Ptitsy v tekhnosrede yugo-vostoka Zapadnoi Sibiri: dis. ... kand. biol. nauk* [Birds in the Technological Environment of the South-East of Western Siberia: PhD thesis in Biological sciences]. Tomsk, 2013. 230 p.
12. Kukhta A. E., Bolshakova N. P. [Experience of using ringing to assess the movement of birds on the territory of the airport «Tomsk»]. In: *Ukrainian Journal of Ecology*, 2017, no. 7 (3), pp. 217–220.
13. Kukhta A. E., Bolshakova N. P., Matsyura A. V. [Conceptual approaches to ornithological assurance of aircraft flight safety]. In: *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Estestvennye i selskokhozyaistvennye nauki* [Bulletin of Tuva State University. Natural and agricultural sciences], 2017, no. 3, pp. 96–105.
14. Kuchinski M. G. [Bird hazard mitigation measures at the airport]. In: *Vestnik RUDN. Seriya Ekologiya i bezopasnost zhiznedeyatel'nosti* [Bulletin RUDN. Series: Ecology and Life Safety.], 2015, no. 2, pp. 75–84.
15. Kudryavtsev V. N., ed. *Mekhanizm prestupnogo povedeniya* [The mechanism of criminal behavior]. Moscow, 1981. 248 p.
16. Rogachev A. I. *Ornitologicheskoe obespechenie bezopasnosti poletov* [Ornithological assurance of flight safety]. Moscow, 1984. 126 p.
17. Silaeva O. L., Zvonov B. M. [Prevention of bio-damaging activities of birds in aviation and on power lines]. In: *Russkii ornitologicheskii zhurnal* [Russian Ornithological Journal], 2017, vol. 26, no. 1451, pp. 2202–2207.
18. Chuchaev A. I., Pozharsky A. Yu. *Transportnye prestupleniya: ponyatie, vidy, kharakteristika* [Transport crimes: concept, types, characteristics]. Moscow, 2018. 242 p.
19. Chuchaev A. I., Gracheva Yu. V., Malikov S. V. [Destructive Passenger Behavior: Counteraction Issues]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [All-Russian Criminological journal], 2020, vol. 14, no. 1, pp. 106–119.
20. Chuchaev A. I., Gracheva Yu. V., Malikov S. V. [Attacks on the information system of the drone in the etiology of road traffic accidents]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [All-Russian Criminological Journal], 2021, vol. 15, no. 1, pp. 55–67.
21. Eminov V. E. *Preduprezhdenie aviatsionnykh proisshествii. Kriminologicheskie i ugovolno-pravovye problemy* [Aircraft accident prevention. Criminological and criminal law problems]. Moscow, 1990. 114 p.
22. Eminov V. E. [Causes and prevention of traffic accidents]. In: *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad* [Russian Criminological View], 2013, no. 3, pp. 304–311.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маликов Сергей Владимирович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Чучаев Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;
e-mail: moksha1@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Malikov – Dr. Sci. (Law), Prof., Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University, Leading Researcher, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation;
e-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Alexandr I. Chuchaev – Dr. Sci. (Law), Prof., Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University;
e-mail: moksha1@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маликов С. В., Чучаев А. И. Птицы как угроза для безопасности полётов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 2. С. 104–115
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-104-115

FOR CITATION

Malikov S. V., Chuchaev A. I. Birds as a Threat to Flight Safety. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 2, pp. 104–115.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-104-115

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-116-121

СООБЩЕНИЕ О НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ ЦЕНТРА ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОБЛЕМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА (ЗИМА 2020–2021 ГГ.)

Балытников В. В., Глухов В. В., Гришковец А. А., Сергеев А. А., Чертков А. Н., Штукин В. В.
*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

REPORT ON THE SCIENTIFICS ACTIVITIES OF THE CENTER FOR TERRITORIAL GOVERNMENT AND SELF-GOVERNMENT OF MOSCOW REGION STATE UNIVERSITY (WINTER 2020/2021)

V. Balytnikov, V. Glukhov, A. Grishkovets, A. Sergeev, A. Chertkov, V. Shtukin
*Moscow Region State University
24, Very Voloshinoi ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Центром исследований проблем территориального управления и самоуправления Московского государственного областного университета (далее – Центр) организовано и проведено 4 актуальных научных мероприятия.

1. Российско-китайский научно-практический онлайн-семинар «Эффективное взаимодействие различных уровней и органов единой системы публичной власти в условиях пандемии COVID-19», 7 декабря 2020 г.

Российские и китайские эксперты обсудили концептуальные и прикладные проблемы взаимодействия органов публичной власти между собой и с обществом в условиях пандемии. Сотрудники Центра и представители университетов КНР отметили успехи России и Китая в минимизации последствий пандемии, а также обозначили направления дальнейшего совершенствования законодательства и практики с учётом плодотворных разработок наших стран.

Директор Центра, канд. юрид. наук В. В. Балытников особо подчеркнул, что Китай входит в пятерку наиболее успешно противодействующих пандемии государств, а в России создана первая вакцина против COVID-19, и объединение потенциалов этих двух стран способствует решению многих проблем.

Главный научный сотрудник Центра, док. юрид. наук А. А. Сергеев указал на дефицит полномочий у регионов в начале пандемии, которые далее были расширены федеральным центром, предложил учитывать уроки пандемии в русле более чёткого и полного определения компетенции регионов, особенно в части ограничений прав граждан.

Директор школы бизнеса Цзянсуского второго педагогического института профессор Сунь Айцзюнь отметил необходимость использовать вызовы пандемии для развития си-

стемы управления, а также обратил особое внимание на то, что пандемия подталкивает человечество к «зелёным» и цифровым формам «нового» потребления, на развитие которых направлены действия властей наших стран.

Профессор Юго-Восточного университета Сунь Шэннань призвал чётко реализовывать политику, способствующую возобновлению производства и защите людей, обосновал эффективность поощрения медицинских производств, поддержки национальных брендов, усиления охраны труда, стимулирования инноваций.

Главный научный сотрудник Центра, док. юрид. наук А. Н. Чертков говорил на тему актуализации процесса глобальной регионализации, а также о росте значения сильного национального государства как гаранта безопасности и благосостояния граждан, охарактеризовал меры, обеспечивающие разумный баланс социальной активности и ограничений, а также взаимное уважение представителей органов власти и общества.

Участники семинара пришли к выводу о необходимости взять пандемию под контроль (китайская модель контролируемой эпидемии в настоящее время активно рецепируется во всем мире). В этих условиях важна не просто поддержка экономики, но взаимодействие всех уровней публичной власти и всех уровней бизнеса (крупного, среднего, малого), нацеленное на общее благо. Дополнительные меры поддержки лиц, задействованных в борьбе с пандемией, а также адресную помощь гражданам, попавшим в сложные жизненные ситуации из-за пандемии, необходимо сочетать с самоорганизацией общества, включая волонтерское движение – всё это признано участниками безусловно необходимым для победы над COVID-19. При этом совершенно очевидно, что преодолеть пандемию возможно только задействовав все силы государства и общества, когда необходимые меры будут предпринимать, что называется, «в каждом доме, в каждом дворе».

2. Научно-практическая онлайн-конференция «Актуальные задачи органов публичной власти и институтов гражданского общества Московской области и других субъектов Российской Федерации в свете конституционной реформы 2020 года», 9 декабря 2020 г

Организатором мероприятия стал не только Центр, но и кафедра конституционного и муниципального права МГУ имени М. В. Ломоносова и акционерное общество «ИнтерМедиаКом». В конференции приняли участие ведущие российские учёные.

Мероприятие было посвящено вопросам рациональной организации деятельности и взаимодействия органов региональной и местной власти, исходя из общей ответственности органов публичной власти перед населением. Предметом рассмотрения, в первую очередь, стали изменения, внесённые в 2020 г. в Конституцию РФ.

Центральный доклад на конференции сделал заведующий кафедрой конституционного и муниципального права МГУ, заслуженный деятель науки и заслуженный юрист России, док. юрид. наук, профессор С. А. Авакьян. Известный учёный-юрист отметил необходимость использования на благо жителей Подмоскovie и других регионов России тех новых возможностей и правовых механизмов, которые появились благодаря принятой в этом году конституционной поправке.

Заслуженный деятель науки и государственный деятель, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, док. юрид. наук С. Н. Бабурин в своём выступлении рассмотрел вопросы консолидации общества согласно новым концептуальным положениям Конституции, закрепляющих основные традиционные ценности.

Директор Центра канд. юрид. наук В. В. Балытников призвал к творческому осмыслению и использованию отечественного и общемирового опыта воплощения ценностных конституционных изменений в жизнь, обратив особое внимание на не-

обходимость формирования, надлежащего правового закрепления и искусного осуществления такой государственной политики, которая обеспечила бы адаптацию граждан России к непростой ситуации, складывающейся в современном мире.

Главный научный сотрудник Центра док. юрид. наук А. Н. Чертков осветил конституционно-ценностные основы взаимодействия органов публичной власти и институтов гражданского общества, подчеркнув необходимость сочетания прав человека, интересов общества и публично-го порядка.

На конференции были также озвучены результаты проведённых экспертно-социологических исследований, в т. ч. экспертный анализ запросов и потребностей, высказываемых населением различных регионов в адрес местных органов власти. Состоялось обсуждение проблем повышения качества нормативных актов местных органов власти, взаимодействия властных институтов и гражданского общества, развития территориального общественного самоуправления как важнейшего средства самоорганизации граждан.

3. Научно-практическая онлайн-конференция «Принцип единства публичной власти и его реализация в условиях обычного и чрезвычайных режимов управления», 16 декабря 2020 г.

В конференции приняли участие представители Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (ИЗиСП), Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Российского Университета дружбы народов (РУДН), Самарского национального исследовательского университета, а также органов и организаций межмуниципального сотрудничества

Участникам конференции был представлен посвящённый указанной теме ежегодный научный доклад Центра. В рамках дискуссии по нему были обсуж-

дены конституционные новеллы 2020 г. и возможные пути их практической реализации, а также проблемы совершенствовании деятельности публичной власти в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции и других проявлений коронакризиса.

Постоянный представитель губернатора Московской области в Московской областной Думе А. А. Горбылёв в своём введении к докладу отметил особую важность надлежащего юридического обоснования и информационного освещения принимаемых в этой сфере управленческих решений.

В докладе директора Центра кан. юрид. наук В. В. Балытникова было отмечено, что пандемия не только выявила неготовность человечества к типичным для его истории угрозам, но и разрушила внешне уютную, но на деле ирреальную среду жизни населения большинства стран мира. Успешно противостояли пандемии те страны, в которых удалось быстро обеспечить хорошую координацию всех звеньев управления, единую политику всех уровней власти, и в особенности – надлежащее информирование граждан и организацию их жизни и деятельности, основанную на воспитании членов общества в качестве сознательных и ответственных граждан. Система такого рода гражданского воспитания должна быть воссоздана и в нашей стране, причём, с использованием самых современных технологий.

Главный научный сотрудник Центра док. юрид. наук А. Н. Чертков обратил внимание на специфику реализации принципа единства публичной власти в деятельности органов публичной власти в условиях коронакризиса, а также призвал к диалогу и взаимному уважению между органами власти и гражданским обществом.

Главный научный сотрудник Центра док. юрид. наук А. А. Сергеев рассмотрел проблемы разграничения полномочий и взаимодействия общегосударственного, регионального и муниципального уровней власти в условиях чрезвычайных режимов управления в период коронакризиса, подчеркнул необходимость учитывать его уроки.

Заведующий кафедрой муниципально-го права юридического института РУДН, и. о. заведующего кафедрой конституционного и муниципального права МГОУ, док. юрид. наук профессор Л.Т. Чихладзе в своём выступлении подчеркнул важность правильной интерпретации положений о вхождении органов местного самоуправления в единую систему публичной власти и необходимости обеспечения сбалансированности всех её ветвей и уровней.

Заведующая кафедрой конституционного и муниципального права МГЮА профессор В. В. Комарова посвятила свое выступление тематике модификации территориальных пределов осуществления публичной власти в современной России.

Заведующий кафедрой государственного и административного права Самарского национального исследовательского университета профессор В. В. Полянский обратил внимание на необходимость творческого понимания и решения основных задач публичной власти в режиме повышенной готовности, отметив при этом, что воспитание граждан с идейной точки зрения должно быть направлено на их адаптацию к реалиям современного мира (находящегося ныне в ситуации глобальной нестабильности).

Ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ канд. юрид. наук Л. Н. Васильева посвятила своё выступление формированию федеральных территорий на примере статуса федеральной территории «Сириус» как возможному новому тренду территориального развития России.

По общему мнению, пандемия, потребовав тесного взаимодействия всех уровней власти, одновременно выявила необходимость учёта региональной специфики при принятии правовых решений, направленных на защиту жизни и здоровья граждан, в т. ч. при выработке антикоронакризисных мер и способов минимизации негативных последствий пандемии COVID-19.

4. Международный научно-практический онлайн-семинар «Межрегиональное, межмуниципальное и междуниверситетское международное сотрудничество в период коронакризиса» в рамках VI Международного фестиваля науки МГОУ, 12 февраля 2021 г.

В семинаре приняли участие представители России, Болгарии, Германии и Индии.

Участников приветствовала заместитель министра образования Московской области Л. Н. Сторчак. Она отметила своевременность и актуальность проведения семинара в условиях трёх вызовов 2021 г.: общей международной напряжённости, пандемии и всеохватывающей цифровизации современной жизни.

Проректор МГОУ по научной работе Д. А. Куликов выразил надежду на дальнейшее международное сотрудничество.

Директор Центра канд. юрид. наук В. В. Балытников проанализировал тенденции, проблемы и перспективы взаимной рецепции опыта регионального управления в условиях кризиса. Он рассказал о работе Центра по изучению зарубежного опыта борьбы с пандемией и выработке применимых к отечественным условиям предложений.

Председатель Германо-Российского общества дружбы в Тюрингии доктор М. Куммер ознакомил участников семинара с опытом многолетнего сотрудничества Общества с российскими партнёрами. Он особо подчеркнул важность развития всех уровней двусторонних российско-немецких отношений в контексте позитивного опыта преодоления прошлого (в т. ч. празднования в 2020 г. 75-летия Великой Победы над нацизмом).

Директор центра комплексных европейских и международных исследований НИУ «Высшая школа экономики» А. Б. Лихачёва рассказала о проблемах изменения роли международных институтов на фоне кризиса современного миропорядка.

Исполнительный вице-президент Международной ассоциации «Породнённые

города» С. В. Парамонов выразил уверенность в необходимости активизации межмуниципального сотрудничества. Он подчеркнул важность выстраивания такого сотрудничества с целью обеспечения признания и продвижения законных интересов нашей страны и её народа.

Ведущий научный сотрудник Центра д-р. юрид. наук А. А. Гришковец рассмотрел феномен солидарности в современном мире, подчеркнув необходимость ее укрепления.

Главный научный сотрудник Центра док. юрид. наук А. Н. Чертков рассказал о

проблемах международного межвузовского сотрудничества в период коронакризиса, подчеркнув тенденцию перехода от ограничений образовательной и научной деятельности к стимулам новых научных и образовательных технологий.

Участники семинара выразили общую уверенность в том, что межрегиональное, межмуниципальное и межуниверситетское международное сотрудничество способно эффективно служить главной цели образования и науки – формированию нравственных ценностей.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Балытников Вадим Владимирович – кандидат юридических наук, директор Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления Московского государственного областного университета;

e-mail: vv.balytnikov@mgou.ru

Глухов Вадим Витальевич – заместитель директора Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления Московского государственного областного университета;

e-mail: vv.glukhov@mgou.ru

Гришковец Алексей Алексеевич – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления Московского государственного областного университета;

e-mail: grishkovecz65@mail.ru

Сергеев Алексей Аронович – доктор юридических наук, главный научный сотрудник Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления Московского государственного областного университета;

e-mail: aa.sergeev@mgou.ru

Чертков Александр Николаевич – доктор юридических наук, главный научный сотрудник Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления Московского государственного областного университета;

e-mail: an.chertkov@mgou.ru

Штукин Владислав Владимирович – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления Московского государственного областного университета;

e-mail: vv.shtukin@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vadim V. Balytnikov – Cand. Sci. (Law), Director, Moscow Region State University Centre for Territorial Governing and Self-Governing;

e-mail: vv.balytnikov@mgou.ru

Vadim V. Glukhov – Deputy Director, Moscow Region State University Centre for Territorial Governing and Self-Governing;

e-mail: vv.glukhov@mgou.ru

Aleksey A. Grishkovets – Dr. Sci. (Law), Leading Researcher, Moscow Region State University Centre for Territorial Governing and Self-Governing;
e-mail: grishkovecz65@mail.ru

Aleksey A. Sergeev – Dr. Sci. (Law), Chief Researcher, Moscow Region State University Centre for Territorial Governing and Self-Governing;
e-mail: aa.sergeev@mgou.ru

Alexander N. Chertkov – Dr. Sci. (Law), Chief Researcher, Moscow Region State University Centre for Territorial Governing and Self-Governing;
e-mail: an.chertkov@mgou.ru

Vladislav V. Shtukin – Cand. Sci. (Law), Senior Researcher, Moscow Region State University Centre for Territorial Governing and Self-Governing;
e-mail: vv.shtukin@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сообщение о научных мероприятиях центра исследований проблем территориального управления и самоуправления Московского государственного областного университета (зима 2020–2021 гг.) / В. В. Балытников, В. В. Глухов, А. А. Гришковец, А. А. Сергеев, А. Н. Чертков, В. В. Штукин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 2. С. 116–121.

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-116-121

FOR CITATION

Balytnikov V. V., Glukhov V. V., Grishkovets A. A., Sergeev A. A., Chertkov A. N., Shtukin V. V. Report on the Scientific Activities of the Center for Territorial Government and Self-Government of Moscow Region State University (Winter 2020–2021). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 2, pp. 116–121.

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-116-121

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в «Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук)». Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
2021. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова

Переводчик Е. В. Приказчикова

Корректор И. К. Гладунов

Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 7,75, уч.-изд. л. 10.

Подписано в печать: 30.06.2021. Дата выхода в свет: 23.07.2021. Заказ № 2021/06-11.

Отпечатано в МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А